

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

**С Т А Т Ъ И М А Т Е Р И А Л Ы
П О Б О Л Г А Р С К О Й
Д И А Л Е К Т О Л О Г И И
С С С Р**

Выпуск 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1953

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ
ПО БОЛГАРСКОЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ
СССР

Выпуск 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1953

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
проф. С. Б. БЕРНШТЕЙН

И. К. БУНИНА

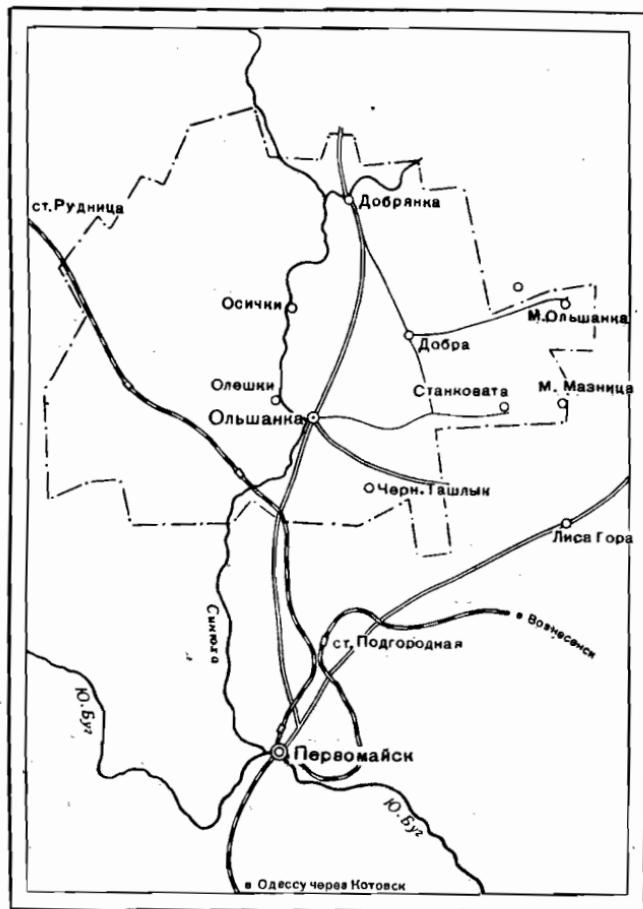
**ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ ГОВОРА
ОЛЬШАНСКИХ БОЛГАР**

Публикуемая работа представляет собой первую главу монографического описания говора ольшанских болгар. Говор этот распространен на территории Ольшанского района Одесской области УССР, где находится несколько сел с болгарским населением, общей численностью около 8000 человек. Центр этого района, село Ольшанка,— самое старое из существующих в наше время на территории УССР болгарских поселений.

Сюда, спасаясь от турецкого гната, переселилось в 1774 г. около четырехсот болгарских семей, до того проживавших в селе Алфатар близ г. Силистрии (территория бывшей Мизии). Таким образом, территориально ольшанский говор был в прошлом связан с так называемыми мизийскими северо-восточными говорами. Кроме того, у этих поселенцев были, очевидно, связи с южнобалканскими говорами. По сообщению Л. Милетича, в Алфатаре проживало много переселенцев с Балкан, в частности — представителей сливенского говора, и есть основания полагать, что среди болгар, поселившихся в Ольшанке, находились и сливенцы. Со времени переселения предков нынешних ольшанских болгар в Россию и до настоящего времени этот говор развивался совершенно независимо от других болгарских говоров СССР. Существенное значение для развития говора приобрело в этот период влияние русского и украинского языков.

Перед исследователем ольшанского говора стоят две основные проблемы. Первая — определение исконной диалектной

принадлежности говора ольшанских болгар. Для решения этой проблемы, помимо данных северо-восточных и сливенских говоров, оказалось необходимым привлечь материалы

по говорам еркечским, тетевенским, южнофракийским и родопским, так как некоторые существенные фонетические, морфологические и лексические черты этих болгарских говоров и ольшанского оказываются общими. Изучение говора ольшанских болгар, определение его исконной диалектной при-

надлежности дают новый материал для общей характеристики восточноболгарских говоров и дополнительные факты, подтверждающие ошибочность классификации, предложенной Л. Милетичем.

Всестороннее изучение современного состояния говора ольшанских болгар дает интересный материал для другой важной теоретической проблемы — скрещивания нескольких различных, хотя и родственных языков.

И. В. Сталин в своем классическом труде «Марксизм и вопросы языкознания» по-новому поставил и гениально решил эту важную проблему общего языкознания, опровергнув механистические взгляды на этот вопрос Н. Я. Марра и его «учеников», утверждавших, что при скрещивании языков образуются путем взрыва новые языки.

«Скрепивание языков,— пишет И. В. Сталин,— нельзя рассматривать, как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрепивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи.

Далее. Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»¹.

В течение почти 180 лет численно небольшая группа носителей ольшанского говора жила в среде другого национального языка. Не только в экономическом, политическом, военном, административном, но и в культурном отношении эта группа была связана с лицами, говорящими на русском и украинском языках.

¹ И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания. М., Госполитиздат, 1950, стр. 29—30.

Какие изменения произошли за этот период в исконном болгарском говоре этой группы, в каком направлении развивался этот говор и сохранил ли он свою первоначальную болгарскую специфику в отношении основного словарного фонда и грамматического строя, можно ли в настоящее время рассматривать этот говор как самостоятельную языковую систему — таков второй круг вопросов, решаемых в данной работе.

Работа в части, касающейся самого ольшанского говора, построена в основном на собственных наблюдениях и записях автора, собранных во время диалектологических экспедиций летом 1949 и 1950 гг. Используется также единственная опубликованная по ольшанскому говору работа — статья проф. С. Б. Бернштейна «Болгарские говоры Украины (Ольшанский район)»¹, в которой дано краткое описание фонетических особенностей говора. Для сравнительного анализа используется весь опубликованный материал по интересующим нас болгарским говорам Болгарии и Советского Союза.

I

В свете трудов товарища И. В. Сталина, посвященных вопросам языкоznания, изучение лексики, словарного состава того или иного национального языка или народного говора приобретает первостепенное значение. Гениальное сталинское учение, открывшее новый этап в развитии науки о языке в целом, обязывает лексикологов по-новому поставить основные проблемы, связанные с изучением словарного состава языков, открывает перед ними широкие научные перспективы.

Говоря о характерных признаках языка, товарищ Сталин указывает на основной словарный фонд и грамматический строй языка: «Таким образом, грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики»².

¹ «Наукови записки Одеського державного пед. ин-ту», т. 1. Одесса, 1939.

² И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкоznания, стр. 26.

Из этого совершенно очевидно следует, что для правильного решения основных вопросов, поставленных нами при изучении говора ольшанских болгар, мы должны принять во внимание и словарный состав этого говора.

Изучение лексики, во-первых, поможет нам решить вопрос о диалектной принадлежности этого говора. Наряду с особенностями в фонетической системе говора и в его морфологической структуре необходимо учитывать и специфические элементы его словарного состава (мы имеем в виду, разумеется, специфические элементы болгарского пласта в говоре) при определении того, к какой группе говоров Болгарии принадлежал говор предков нынешних ольшанских болгар.

Однако мы не можем ограничиться поисками и рассмотрением этих специфических элементов, отличающих говор ольшанских болгар от литературного языка и от других болгарских говоров. Изучение лексики необходимо для решения другого поставленного нами вопроса — о соотношении болгарского, русского и украинского элементов в говоре ольшанских болгар, вопроса о том, сохранил или утратил этот говор свою национальную языковую самобытность.

Здесь уже, разумеется, нельзя ограничиться немногочисленными специфическими словами, характерными только для данного говора. Наоборот, необходимо учесть значительную массу слов, большую часть словарного запаса ольшанских болгар, чтобы определить, хотя бы приблизительно, размеры исконного болгарского пласта в современной лексике говора, а также размеры и характер заимствований из русского и украинского языков и установить, в каких разделах словаря более всего сказалось влияние этих языков на ольшанский говор.

В нашу задачу не входит выяснение этимологии тех или иных слов, потому что подобное исследование не даст ответа на интересующий нас вопрос. Известно, например, что в болгарских говорах имеется некоторое количество турецким — слов и выражений, заимствованных из турецкого языка; часть этих турецким удержалась и в говоре ольшанских болгар. Но заимствования такого рода нас в данной работе не интересуют,

так как они относятся уже не к истории ольшанского говора, а к истории тех говоров Болгарии, которые легли в его основу.

История ольшанского говора началась с момента переселения предков нынешних ольшанских болгар в Россию. До этого момента они, бесспорно, говорили на болгарском языке, в котором, как и во всяком языке, могли быть и были отдельные заимствования из других языков, нисколько не разрушающие системы этого языка.

Поэтому все то, что ольшанские болгары принесли с собой из Болгарии, мы относим в болгарский фонд их лексики, а все то, что они усвоили из русского и украинского языков в эпоху своего пребывания в России, — в раздел русских и украинских заимствований. В этот раздел мы относим, таким образом, все слова, усвоенные ольшанскими болгарами от русских и украинцев, опять-таки независимо от этимологии этих слов. Является ли то или иное слово, заимствованное ольшанскими болгарами в России, исконно русским (или украинским) или оно было, в свою очередь, заимствовано русскими (или украинцами) из какого-то другого языка, — для решения поставленного нами вопроса не имеет значения.

Например, мы рассматриваем как болгаризмы слова *мл'аку* (молоко) и *джип* (карман), хотя первое является исконно болгарским словом, а второе было когда-то заимствовано болгарами из турецкого языка. Для нас существенно важно то, что оба эти слова в конце XVIII в. уже входили в словарный состав болгарского языка. С другой стороны, мы рассматриваем как руссизмы слова *калхбс* и *лампа*, которые были восприняты ольшанскими болгарами из русского языка, хотя слово *лампа* и не является исконно русским.

Однако даже самого полного выяснения всех слов, заимствованных ольшанскими болгарами из русского и украинского языков после их переселения в Россию, недостаточно для решения вопроса. Основу языка, как указал товарищ Сталин, составляет, наряду с грамматическим строем, не весь словарный состав, а только основной словарный фонд языка. «Главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда

входят и все корневые слова, как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живёт очень долго, в продолжение веков и даёт языку базу для образования новых слов»¹.

Значит, существенно важно для нас установить не только количественное, но и качественное соотношение болгарского, русского и украинского элементов в лексике ольшанского говора, установить, в какой степени каждый из этих лексических пластов входит в основной словарный фонд говора.

При определении состава основного словарного фонда языка не вызывает сомнения включение в него круга слов, касающихся окружающей и непосредственно наблюдаемой человеком природы — ландшафта, стихийных явлений, характерной флоры и фауны и т. п., а также самого человека как представителя животного мира органической природы. По отношению к человеческой истории явления и процессы, происходящие в неорганической и органической природе, суть величины постоянные (или постоянно повторяющиеся). Поэтому и в языке слова, обозначающие эти явления и процессы, представляют собой наиболее устойчивый пласт, наименее подверженный изменениям. Вполне закономерно то обстоятельство, что сохранение архаичных форм в языке связано именно с этим устойчивым пластом в лексике. Ср. например, «неправильные» формы спряжения глаголов *дать* и *есть*; остаточные формы двойственного числа в русском (*ушки*, *глаза*, *плечи* и т. п.) и других славянских языках; сохранение старых видовых отношений в глаголах, обозначающих основные и простейшие виды движения, свойственные человеку, животным и птицам (*бежать* — *бегать*, *летать* — *лететь*, *ходить* — *идти* и т. п.).

Разумеется, основной словарный фонд далеко не исчерпывается указанным кругом слов; в него входят также слова, связанные с общественной деятельностью человека — производственной, политической, культурной и т. п. Причем, очевидно, и здесь возможно выделить какую-то группу слов, обозначающих

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

простейшие, элементарные и в то же время основные, существенно важные процессы, орудия, предметы и условия труда, социальные отношения — семейные, бытовые, предметы домашнего обихода и т. д. И хотя историческое содержание очерченного круга понятий, конечно, изменялось, сами эти понятия, явления, отношения, предметы, раз возникнув, сохранились в течение всего последующего исторического периода, а вместе с ними сохранились и слова, их обозначающие, например: *строить, делать, дом, стол, жена, муж, семья*.

Естественно, что с развитием человеческой практики, с накоплением опыта во всех сферах человеческой деятельности развивается, обогащается и изменяется язык.

«Структура языка,— говорит И. В. Сталин,— его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох»¹.

Следовательно, каждая эпоха вносит какой-то свой вклад не только в общий словарный состав языка, изменяющийся непрерывно, но и в основной словарный фонд, менее подверженный изменениям, отличающийся большей (но не абсолютной) устойчивостью по сравнению с общим словарным составом.

В чем же состоит вклад каждой эпохи в основной словарный фонд языка? Он касается, естественно, того нового в экономической, политической, научной, технической, художественной и других сферах деятельности людей, что несла с собой та или иная эпоха. Однако далеко не все новые пополнения словарного состава входили при этом в основной словарный фонд. В основной словарный фонд из новых пополнений входило лишь то, что могло обслуживать общество и на следующем этапе его развития. То, что было в языке связано со специфическими особенностями, явлениями, отношениями предшествующей эпохи, или совсем выходило из употребления, или оставалось в языке, но за пределами основного словарного фонда.

Скажем, в ту или иную эпоху в русском языке для обозначения новых понятий появились такие слова, как *торговать*,

¹ И. Стalin. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

государство, промышленность, кравчий, дьякон, городничий, — все эти слова и сейчас можно найти в толковых словарях русского языка. Но понятия, обозначаемые последними тремя словами, принадлежали определенной исторической эпохе и в последующие эпохи стали устаревать, утрачивать реальное значение в новой действительности, тогда как понятия, выражаемые первыми тремя словами, сохранились и в последующие эпохи, и эти слова вошли в основной словарный фонд русского языка.

Конечно, далеко не все слова, реальное значение которых сохраняется на протяжении нескольких исторических периодов, входят в основной словарный фонд. Каждая отрасль производства, ремесло, наука, искусство имеют свой профессиональный запас слов, сохраняющийся на протяжении многих исторических периодов и совершенно необходимый для лиц данной профессии, но в значительной степени неизвестный тем, кто этой профессией не занимается. Например, всем известны такие слова, как корабль, пароход, руль, парус, лодка и. т. п., но далеко не всем понятны такие слова, как бушприт, швартов, кильватер и десятки и сотни других специальных морских терминов.

Выше мы говорили о словах, относящихся к окружающей и непосредственно наблюдаемой человеком природе, что они, бесспорно, входят в основной словарный фонд. Это такие слова, как земля, вода, воздух, огонь, свет, тепло, холод, ночь, день, ветер, дождь, гора, лес, поле, небо, солнце, дерево, зверь и т. п. Современное научное представление о природе неизмеримо более сложно и глубоко, чем представление людей той эпохи, когда возникли в языке эти слова, но далеко не все новые слова, связанные с современным естествознанием, вошли в основной словарный фонд. В то время как новые слова газ, материя, энергия, электричество понятны всем и получили всеобщее употребление, сотни и тысячи других слов остаются достоянием узкого круга специалистов.

Таким образом, при определении состава основного словарного фонда необходимо руководствоваться также и

критерием распространенности этого слова, общеупотребительности.

Все это в равной степени относится и к словам, заимствованным из других языков (поскольку, конечно, речь идет не о засорении языка ненужными иностранными словами, а о словах, прочно вошедших в словарный состав русского языка). Например, слова *собака*, *машина*, *газ* и другие вошли в основной словарный фонд русского языка. Слова *диффузия*, *интерференция*, *ион* и другие сохраняют значение научных терминов и остаются только в пределах профессионального словаря. Слова *полицмейстер*, *департамент*, *губернатор* и т. п. перешли в разряд устаревших, связанных только с одной, сравнительно с историей языка — кратковременной эпохой в жизни России.

Совокупностью всех перечисленных выше признаков мы и руководствовались при рассмотрении лексики изучаемого нами говора.

Определяя его основной словарный фонд, мы включили в его состав лишь часть болгарской лексики, которую принесли ольшанские болгары из Болгарии, потому что многие слова, например названия примитивных орудий труда или старинных обрядов, уже вышли или выходят из употребления, как и обозначаемые ими предметы и понятия, и сохраняются только в памяти отдельных стариков.

Кроме устойчивой болгарской лексики, в основной словарный фонд ольшанского говора мы отнесли и часть заимствованных слов, именно те из них, которые в настоящее время находят реальное наполнение в общественной и хозяйственной деятельности ольшанских болгар и употребляются всеми возрастными и социальными группами.

II

Лексика болгарских говоров изучена очень слабо. Отсутствуют не только обобщающие работы и специальные исследования о лексике отдельных говоров, но и не собран тот фактический материал, на основе которого возможно было бы создание таких работ.

Лексический материал, имеющийся в болгарской диалектологической литературе, для этого совершенно недостаточен. Те небольшие словарики, которые прилагаются некоторыми авторами к работам, посвященным главным образом изучению фонетики и морфологии интересующих их говоров, ни в коей мере не могут удовлетворить потребности исследователя лексики. Не может удовлетворить этой потребности также лексический материал, печатавшийся в разных томах известного периодического издания «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина» Болгарской Академии наук, в разделе «Материал за български речник».

И дело не только в скучности этого материала. Дело также в тех методологических принципах, которыми руководствовались авторы, отбирая материал для печатания. Каждый из них, стремясь показать лексическое своеобразие наблюдаемого говора, выискивал в нем и печатал то, чего нет в остальных говорах или что встречается в них очень редко. Этим определилась чрезвычайная экзотичность лексического материала. В нем совершенно не отражается единство и различия, имеющиеся в основном словарном фонде по болгарским говорам.

В связи с изучением лексического состава говора ольшанских болгар нами был тщательно просмотрен весь опубликованный материал по говорам Болгарии. Однако использовать его пришлось, из-за указанных выше недостатков, весьма ограниченно. Нами также тщательно был изучен материал по болгарским говорам СССР.

В основном при выяснении болгарского пласта в лексике ольшанских болгар мы пользуемся словарем Герова¹, отчасти словарями С. Б. Бернштейна² и Дювернуа³.

¹ Найден Геров. Речник на български език. I—V. Пловдив — София, 1895—1904.

² Болгарско-русский словарь. Составили проф. С. Б. Бернштейн, Т. С. Луканов, Е. П. Тинева. Под общей ред. акад. Н. С. Державина. М., 1947.

³ А. Л. Дювернуа. Словарь болгарского языка по памятникам народного творчества и произведениям новейшей печати. I—IX. М., 1886—1889.

Однако эти словари мало что дают при изучении диалектной лексики. Дело в том, что составители словарей, помещая диалектный материал, не делают никаких помет, указывающих на территорию распространения тех или иных слов, даже тогда, когда это им известно, или приводят весьма общие, ничего не говорящие ссылки (например, на македонские говоры у Герова).

Нами использован также рукописный лексический материал по болгарским говорам СССР, который хранится в Институте славяноведения АН СССР и представляет собой ответы на «Программу по собиранию материала для атласа болгарских говоров СССР» и диалектологические тексты.

Едва ли в лучшем состоянии находится изучение лексики украинских говоров. Здесь также отсутствуют и обобщающие работы и специальные исследования. Нет и областных словарей, так как сбор лексического материала по говорам далек от своего завершения. Никаких материалов по украинским говорам интересующей нас Одесской области нет; имеется лишь материал по украинским говорам бывшей Полтавской губернии¹, который отчасти и используется нами. В основном же при выявлении украинских заимствований в ольшанском говоре пришлось пользоваться словарем Гринченко².

Отсутствие необходимого материала по говорам Болгарии и по украинским говорам значительно ограничило возможности исследования состава лексики ольшанских болгар. Нам так и не удалось определить языковую принадлежность ряда слов, употребляемых в ольшанском говоре.

Пришлось также отказаться от решения вопроса о путях проникновения в ольшанский говор значительной группы слов. В ряде случаев при решении подобного рода вопросов приходилось прибегать к косвенным данным об условиях жизни ольшанских болгар в Болгарии и в России.

¹ В. И. Василенко. Опыт толкового словаря народной технической терминологии по Полтавской губ. Харьков, 1902.

² Б. Гринченко. Словник української мови. Українско-русский словарь. Державне видавництво України, 1925.

Все это тормозило и затрудняло работу и до некоторой степени ограничивало наше исследование, которое никак не может претендовать на исчерпывающую полноту.

При рассмотрении лексики мы совершенно не касаемся вопросов семантики и останавливаемся почти исключительно на принадлежности слов тому или другому языку и на степени распространенности слов в говоре ольшанских болгар.

Кроме того, мы рассматриваем в этой главе преимущественно один наиболее многочисленный класс слов, в котором имеется наибольшее число заимствований,— имена существительные; лексический состав других частей речи мы отчасти разбираем в главе, посвященной морфологии. Среди имен существительных мы обратили преимущественное внимание на слова, обозначающие реальные предметы, и почти не касались имен существительных с отвлеченным значением.

III

Прежде чем перейти непосредственно к исследованию вопроса о соотношении болгарского, русского и украинского элементов в лексике ольшанских болгар, укажем на некоторые приемы, которыми мы пользовались при выделении этих элементов, поскольку это имеет принципиальное значение для определения правильности произведенного разграничения.

§ 1. Весь лексический материал, имеющийся в нашем распоряжении, мы прежде всего проверили по словарям и тем болгарским источникам, о которых речь шла выше.

В результате такой проверки оказалось, что все слова можно разбить на следующие группы:

- 1) слова, встретившиеся только в болгарских словарях или материалах;
- 2) слова, встретившиеся только в украинских словарях;
- 3) слова, встретившиеся только в русских словарях;
- 4) слова, встретившиеся и в болгарском и в украинском словарях;
- 5) слова, встретившиеся и в болгарском и в русском словарях;

- 6) слова, встретившиеся во всех трех словарях;
- 7) слова, встретившиеся в украинском и русском словарях;
- 8) слова, которые не были обнаружены ни в болгарском, ни в украинском, ни в русском словарях.

Первые три группы не вызывали сомнений, и слова из первой группы были отнесены в болгарский фонд ольшанской лексики, а слова из второй и третьей групп — соответственно в фонд украинских и русских заимствований.

Значительно труднее было определить языковую принадлежность слов, вошедших в следующие три группы (четвертую, пятую и шестую). На первый взгляд, казалось бы, вопрос также решается просто. Поскольку болгарский, украинский и русский языки родственные, то все употребляемые в говоре ольшанских болгар слова, встречающиеся во всех трех языках, следует отнести за счет общеславянской лексики и изучать их на равных правах с болгарскими словами из первой группы.

Однако при более тщательном рассмотрении слов, входящих в эти группы, с учетом конкретно-исторических особенностей развития болгар в период, предшествовавший переселению предков нынешних ольшанских болгар в Россию, мы легко обнаруживаем, что ряд понятий, предметов, отношений, явлений и т. п., обозначаемых этими словами, — в частности, из области государственной, административной, военной, культурной жизни, как и ряд предметов домашнего обихода, медицины, школы и т. п., — не был известен болгарам в XVIII в., а потому и слова, обозначающие эти понятия, предметы, естественно, не могли быть в говоре предков ольшанских болгар до их переселения в Россию. Следовательно, такого рода слова из четвертой, пятой и шестой групп нужно считать заимствованными ольшанскими болгарами из русского и украинского языков.

В большинстве случаев эти слова употребляются и в современном болгарском литературном языке, но и в литературном языке они были заимствованы из русского языка, а что еще важнее — они вошли в него гораздо позже переселения предков ольшанских болгар в Россию — уже в последней трети XIX в., после освобождения Болгарии.

Все слова, вошедшие в седьмую группу, мы, само собой разумеется, отнесли к числу заимствованных, но решить вопрос, из какого языка — украинского или русского — было заимствовано то или иное слово, нам в большинстве случаев не удалось, так как данные о распространении этих слов в украинских говорах отсутствуют.

§ 2. Из пятой и шестой групп легко выделяются колхозная терминология и новая общественно-политическая лексика, отражающие изменения в общественной, хозяйственной и культурной жизни ольшанских болгар после революции. Вся эта лексика не изобреталась ими, а была заимствована большей частью из русского языка, отчасти — из украинского.

Среди этих новых терминов есть слова, которые употребляются и в русском и в украинском языках. Однако есть основание полагать, что они были заимствованы из русского, а не из украинского языка, так как если для обозначения одного и того же предмета, понятия и т. п., связанного с новыми явлениями в хозяйственной, общественно-политической, административной и культурной жизни страны, в русском и украинском языках употребляются разные слова, то в ольшанском говоре мы находим, как правило, русские слова, а не украинские.

Ср., например:

Украинское	Русское	Ольшанское
радгосп	совхоз	сафхбс
колгосп	колхоз	кулхбс
сельрада	сельсовет	си́льсув'ёт
облик	учет	учбт
рахунок	счет	шчитá
кірівніцтво	руководство	руковбству
сельбуд	клуб	клуп

То же предпочтение русской лексики наблюдается в тех случаях, когда одно и то же слово произносится в украинском и в русском языках по-разному. И в этом случае в ольшанском говоре употребляется русский вариант.

Ср., например:

Украинское	Русское	Ольшанское
хлібоздача	хлебосдача	хл'єбаздáчá
фінвідділ	финотдел	ф'їнад'él
задання	задание	зăдáн'ии
розпорядження	распоряжение	распур'ажéн'ијá

Это дает нам основание полагать, что и в тех случаях, когда отсутствует различие в произношении между украинским и русским языками, заимствованиешло из русского языка.

§ 3. Влияние русского языка, особенно усилившееся после Великой Октябрьской социалистической революции, до 1917 г. было значительно меньшим. Оно осуществлялось главным образом через лиц, уходивших на военную службу, на заработки, через торговые связи и т. п. В непосредственной близости с русскими ольшанские болгары никогда не жили; поэтому до революции влияние русского языка на бытовую и хозяйственную лексику ольшанских болгар было минимальным. Имея это в виду, мы выделили из пятой группы слова, связанные со старым бытом и со старым хозяйственным укладом, и отнесли их в фонд болгарской лексики. Это, например, такие слова: *вол*, *б'ич*, *бол*, *лук*, *хм'ел'*, *кол*, *пóут*, *кур'áту*, *нош* (нож), *двор*, *пóткувá*, *нос*, *расбл*, *д'ист'йнá*, *фунт*, *пут*.

§ 4. Кроме этих общих положений, касающихся исторической обстановки и условий жизни ольшанских болгар, мы учищали и чисто языковые факты при разграничении заимствованных и незаимствованных слов.

Так, в болгарский фонд ольшанской лексики мы отнесли из шестой группы слова с явными признаками болгарской фонетики: *в'йну*, *в'éчáр*, *гр'éб'án* и др.

Однако не все фонетические явления могут служить критерием при определении незаимствованных слов.

Для определения незаимствованных слов могут быть использованы лишь явления исторической фонетики, поскольку заимствованные слова, так же как незаимствованные, подчиняются современным звуковым законам.

Так, явление «уканья», характерное для болгарской фонетической системы, не может служить надежным признаком незаимствованного слова, несмотря на то, что оно не известно русскому языку.

При определении языковой принадлежности заимствованных слов могут быть использованы как явления исторической фонетики, так и современные звуковые законы.

Для ольшанской фонетической системы характерно произношение исторического Ѣ как ё. В русском и украинском языках на месте исторического Ѣ, как известно, произносится у. Ср., например: в ольшанском — *мäш*, *zäп*, *näт* и т. п., в русском и украинском — *муж*, *зуб*, *путь* и т. п. Поэтому слова *дуп*, *сут*, употребляемые в говоре ольшанских болгар, определенно относятся к числу заимствованных.

Известно, что «аканье» — характерное явление современной звуковой системы южнорусских говоров и современного русского литературного языка. Ни в украинских говорах, ни в ольшанском говоре «аканье» не известно. При заимствовании слов с безударными «о» из русского языка (не через печать) ольшанские болгары усваивают их в русской огласовке. Например, ольшанцы скажут *самäl'bt*, *päрахbt*, *сäвиш'ш'áнијä*, *бстрäф* и т. д.

Усвоение «акающего» произношения не представляет для ольшанских болгар трудностей, так как звук а в безударном положении в их фонетической системе возможен.

Таким образом, следы «акающего» произношения могут служить признаком русизмов в ольшанском говоре.

§ 5. В качестве критерия при отделении незаимствованных слов от заимствованных мы использовали также морфологические признаки, в частности — расхождения в ударении, которые наблюдаются в произношении некоторых слов у русских, украинцев и болгар.

Например, незаимствованными являются следующие слова: слово *кумýн* (дымовая труба), известное во всех болгарских словарях и в говоре ольшанских болгар с ударением на последнем слоге, а в украинском — на первом; слово *сукáлу*

(приспособление для наматывания ниток), известное и в болгарских словарях и в говоре ольшанских болгар с ударением на втором слоге, а в украинском — на первом и т. п.

Расхождение во флексиях позволяет также выделить некоторые слова в разряд заимствованных. В ольшанском говоре слова женского рода с ударением на флексии всегда оканчиваются на гласный *-ä*. Однако наряду со словами ж. р. на *ä* в говоре встретились слова ж. р. на ударяемое *a*: *св'иклá* и *св'ин'á*.

§ 6. Иногда определить, заимствовано ли данное слово или оно является исконно болгарским, помогает анализ употребления лексических дублетов. Возьмем, например, такие дублеты, как *фурáш* — *jal*, *дом* — *кáштá*. Первые члены этих дублетов имеются и в болгарском, и в украинском, и в русском языках. О том, что эти дублеты возникли в ольшанском говоре в результате влияния украинского или русского языка на говор ольшанских болгар, свидетельствует специализированное употребление первых членов дублетов по сравнению со вторыми. Так, хотя слово *фурáш* означает, как и слово *jal*, корм для скота, оно употребляется лишь по отношению к общественному животноводству; в домашнем хозяйстве употребляется только слово *jal*.

Своё жилище ольшанские болгары называют словом *кáштá*, никогда не употребляя для его обозначения слово *дом*. Словом *дом* обычно называют постройки городского типа.

IV

Лексический материал, собранный нами по говору ольшанских болгар, мы рассматриваем в дальнейшем тематически, поскольку это позволит нам сразу обнаружить, в каких разделах словаря ольшанских болгар произошли наибольшие изменения за годы их жизни в России, и дает цельную общую картину словарного состава их говора¹.

¹ Мы не даем в тексте исчерпывающего перечня примеров, так как в одном из следующих выпусков будет опубликован подготовленный нами словарь говора ольшанских болгар, к которому мы отсылаем наших читателей.

1. СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ

§ 1. Слова этой группы, как мы уже упоминали, входят в наиболее устойчивый пласт лексики ольшанских болгар. Такие предметы, явления и понятия, как земля, вода, небо, огонь, свет, солнце, луна, звезды, дождь, снег, тепло, холод, ночь, день, утро, год, месяц, неделя, час, река, гора, поле, дерево, трава, птица, и т. п., названия растений и животных, встречающихся в их местности, а также весь круг предметов, понятий и процессов, связанных с человеческим организмом, ольшанские болгары обозначают, как правило, своими словами.

Заимствованных названий здесь очень немного, при этом почти все они взяты из украинского языка. В большинстве случаев наряду с этими украинскими заимствованиями в говоре продолжают бытовать и свои слова.

Среди собственных названий явлений природы у ольшанских болгар есть такие, которые в опубликованных диалектологических материалах нам не встретились.

§ 2. Для обозначения земли, почвы, деталей рельефа, водоемов, дорог и т. п. ольшанские болгары пользуются в основном своими словами: *эм'á*, *бúцá*, *пáт'*, *бáлтá*, *бр'ак*, *удá*, *пáд'инá*, *прáс'*, *п'áсак*, *кáмак*, *муг'áллá* и др. Среди болгарских слов, обозначающих детали рельефа, интерес представляют слова *бúцá* — гора (уменьшительное — *бúчка*) и *зáв'áт*. Первое слово в болгарских словарях имеет другое значение. Второе, кроме словарей, встретилось в шуменском говоре (П. ш., 384)¹ с тем же значением — тихого, укрытого от ветра места.

По-своему называются у ольшанских болгар река (*бáлтá*), море (*мур'é*), берег (*бр'ак*). Другие водные пространства они называют словами, заимствованными из украинского: *стáебóк* — пруд, *бáчнó* — болото, *бз'иру* — озеро. Ручей они называют или *т'ичијá* (укр.) или *проi* (слово неизвестного происхождения, скорей всего — болгарское). Среди названий различных угодий

¹ Список условных сокращений см. в конце статьи.

есть и свои и украинские. Так, поле ольшанские болгары называют по-своему — *пул'анă*; по-своему называют и луг — *л'ивадă*, а пастбище имеет у них украинское название — *в'йпас*.

Проселочные дороги называются болгарским словом *нăм'*, а для большой проезжей дороги употребляется заимствованное слово — *трахт*. Есть у ольшанских болгар слово *буркбӯкă*, которым они называют шоссе, но свое оно или заимствованное — решить трудно, так как в словарях его нет.

§ 3. Названия деревьев, трав и цветов у ольшанских болгар свои: *тупблă*, *кл'ен*, *акаңчијă*, *вбр'ах*, *варбă*, *бăс*, *хъмел'*, *ройкув'ă*, *л'ешн'ик'и*, *чубр'ицă*, *трăст'* (камыш), *гăдăл'* (сурепка), *см'ен'* и др. Лес ольшанские болгары называют и по-болгарски — *гурă* и по-украински — *л'исбок*.

Заимствованными являются лишь такие названия деревьев, как *дуп*, *лузă*, *сбсну*. Заимствованы также некоторые названия цветов, например: шиповник — *шипийнă* (укр.), георгин — *ăгрбн'ијă* (укр.); по-украински называется бурьян — *стујан*. Такие названия трав и цветов, как *јүз'ин'* (мята), *кăлнă* *рүжă* (ноготок), *см'ен'* (желтые полевые цветы), в словарях отсутствуют. Однако о слове *см'ен'* можно с уверенностью сказать, что оно свое, так как цветы, носящие это название, обязательно вплетались в венок невесты. Все остальные травы и цветы, из которых вили венок невесте, носят болгарские названия. Ср., например: *бус'иљ'ак*, *кăмшийицă*.

Среди названий цветов и деревьев имеются дублеты, которые возникли в ольшанском говоре не в результате заимствований из чужого языка, а в результате смешения болгарских говоров, легших в основу ольшанского, например: *к'йткă* — *цв'ат* (цветок), *млăдбок* — *ф'иданчи* (саженец). Никакой семантической разницы между ними нет. Слово *цв'ат* употребляется реже, чем слово *к'йткă*; слово *ф'иданчи* знают только старики.

§ 4. Названия диких животных, птиц и насекомых у ольшанских болгар в основном тоже свои. Из названий птиц заимствованными являются только *в'удудут* (сова — укр.), *курупăткă* (рус.). *сăлăв'еї* (рус.), из названий диких животных — *г'идм'ëт'*. Самое распространенное в окрестностях Ольшанки

животное называется у ольшанских болгар то по-болгарски — *лăгұð'är*, то по-украински — *сүслїи*. Нет в словарях таких названий, как *пр'ўплат* (летучая мышь), *јорп'ик* (хорек), *п'ис'м'иш'ук* (какая-то птица).

§ 5. Климатические явления: дождь, снег, ветер и т. п. — называются у ольшанских болгар по-болгарски: *дăш*, *сн'ак*, *в'атр*, *гармă*, *л'ем*, *кал*, *прах* и др. Но есть и заимствованные слова, например, слова *жăрă* (у Герова только *жега*) и *жар*, которые имеют одно и то же значение. Ср.: *жăрă п'екă* (жара печет) и *умирăм ут. жар* (умираю от жары). Заимствованы также такие слова, как *мурбс*, *пұтобă*, *зăв'ир'ұңă* (выуга—укр.).

§ 6. Названия времен года и названия дней недели у ольшанских болгар свои. Своими же словами обозначается разное время суток: *ð'ен*, *нош*, *в'ечăр*, но для обозначения самого понятия «сутки» употребляется заимствованное слово — *сұтқă*.

Месяцы ольшанские болгары называют по-русски: *с'инт'абр'*, *укт'абр'* и т. д.

§ 7. Для названия лиц в зависимости от возраста и пола в говоре употребляются исключительно болгарские слова: *чил'ак* (человек), *жинă* (женщина), *мăши* (мужчина), *ð'ем'и*, *шт'ён'и*, *мумчé*, *мум'ичи*, *іарг'ен'*, *мумă*, *бұлқă*, *бáбă* (старая женщина), *ð'аду* (старик) и др.

Для обозначения понятия «младенец» в ольшанском говоре имеются два слова — *ð'ем'и* и *шт'ён'и*, оба свои. Слова *шт'ён'и* в этом значении ни в болгарских словарях, ни в болгарских материалах нет. В ольшанском говоре оно употребляется чаще, чем слово *ð'ем'и*. Никакой семантической разницы между этими словами обнаружить не удалось; видимо, наличие дублета следует объяснить смешанным происхождением говора. В употреблении форм множественного числа этих слов некоторое различие усмотреть можно: *ð'ацă* могут сказать не только о маленьких детях, но и о взрослых — это слово имеет более общее значение. Например: *то ша бáд'и истбр'ија за нашт'а ð'ацă* (это будет история для наших детей, т. е. для наших потомков).

§ 8. Для обозначения частей тела и внутренних органов также употребляются болгарские слова: *глăвă*,

кóсму, угó,укó, чéлу, в'а́ждá, клéпк'и, л'иц'и, нос, бу́зли, вустá, бра́дá, гáрлу, гáрдá, курléм, гáрп, ракá, крак, кул'áну, прáс, бу́цá, н'ехт', сарцé, джугéр, зáп, ја́зл'ик и др. Исключение составляет слово *т'йлу* (тело), заимствованное из украинского. Наряду со словом *т'йлу* в ольшанском говоре употребляется свое слово *снáгá*, которое, видимо, с усвоением украинского слова приобрело несколько иное значение: оно означает — «фигура», «статность». Ср., например: *Снáгáта му какéа? Гáрна, укуратнá* (Какая у него фигура? Красивая, стройная). Слова *бу́цá* (кулак) и *бу́зли* (рот) в болгарских словарях есть, но такого значения не имеют.

Наряду со своим словом *ракá* в ольшанском говоре употребляется заимствованное *рукá*, но в определенном фразеологическом обороте. Ср., например: *коi за туi прушу пудн'ат' ру́к'и!* (кто за это — прошу поднять руки!). Этот оборот, связанный с проведением голосования, был заимствован из русского, а вместе с тем было заимствовано и слово *рукá*.

2. БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА

К этому разделу относится значительная группа слов, связанных с бытом, семейными отношениями, традиционными обрядами, обычаями, костюмами, кушаньями и т. п. Эта группа представляет собою менее устойчивый пласт в лексике говора, чем рассмотренный выше. Одновременно с социально-бытовыми изменениями в жизни ольшанских болгар происходили изменения и в их словаре: заимствование новых предметов и понятий, возникновение новых отношений влекло за собою заимствование соответствующих слов из русского и украинского языков. Однако эти изменения коснулись разных слоев бытовой лексики в разной степени.

§ 9. Топографические названия Ольшанки и ее окрестностей претерпели в говоре любопытные изменения, отражающие историю ольшанских болгар со времени их переселения в Россию. Наряду с исконными болгарскими словами здесь встречается много русских и украинских слов, причем употребление

своих и заимствованных слов, имевших первоначально одно значение, зачастую дифференцируется.

Для обозначения своего села, кроме имени собственного, ольшанские болгары употребляют еще три слова: *штап*, *с'ёлу*, *ц'ентр* (первое и третье заимствованы из русского языка). Появление этих слов в говоре связано с основными периодами социальной истории ольшанских болгар на территории России. Все три названия в настоящее время относятся собственно не ко всему селу, а только к той его центральной части, где впервые стали обосновываться предки ольшанских болгар, где потом была построена церковь и помещались различные общественные учреждения, в том числе — в период военных поселений — штаб-квартира. От этого времени и сохранилось название места — *штап*. Хотя военные поселения были уничтожены еще в середине прошлого столетия, старые люди, живущие на окраине, и сейчас нередко употребляют это слово. Например, можно услышать: *б'ах ф штабу* (был на селе); *ф штабу маслозавод пак у нас ф'ирма* (в центре маслозавод, а у нас ферма); *ша утад'ит¹и ф штабу?* (вы пойдете на село?).

В своем первоначальном значении это слово встречается редко, лишь в рассказах о минувшем времени. Ср., например: *там ималу штап воиск* (там был штаб войск).

Позднее, когда были ликвидированы военные поселения и ольшанские болгары, переведенные на положение государственных крестьян, стали вести свое хозяйство, в окрестностях Ольшанки возникли хутора — то там, то здесь разбросанные домики, в которых крестьяне жили во время полевых работ. Тогда направляющийся из хутора в Ольшанку говорил: *кáрам ф с'ёлу* (еду в село); теперь, когда хутора уже давно сами стали селами, меньшими, правда, по размеру, чем Ольшанка, но вполне самостоятельными хозяйственными и административными единицами, слово «село» — анахронизм, но анахронизм, который встречается еще в языке всех возрастных групп.

Слово *ц'ентр* появилось уже после Великой Октябрьской социалистической революции и связано с колхозным строительством в районе, центром которого и стала Ольшанка. Это

название употребляют все; оно стало уже привычным, и несомненно, что слова *штап* и *стэлу* в указанном значении скоро выйдут из употребления окончательно.

От времени военных поселений сохранилось также слово *сотн'я* (рус.), однако оно утратило свое первоначальное значение войскового подразделения и употребляется теперь только как топографический термин, например: *туеъис аз ут'йдух на п'ятат'я сотн'я за Валей*. (потом я попла на пятую сотню за Валей).

Слова *пус'блук*, *в'ис'илк'и*, *чутур* связаны с расселением болгар из Ольшанки по хуторам и употребляются главным образом в рассказах об этом времени. Все они заимствованы из русского и сохраняют то же значение, что и в русском языке.

Для обозначения места, отведенного под огород, ток, в говоре имеются дублеты, происхождение которых не ясно. Огород называют и *град'янă*, и *гүну*, а ток — *вотак* и *тармáн*.

Всего вероятнее, слово *гүну* следует сопоставлять с употребляющимися в болгарских говорах словом *гумну* (ток). Наряду со словом *арман* оно встречается, например, во фракийских говорах (см. Фр. сб., 1, 76). Интересно, что в ольшанском говоре *гүну*, кроме указанного значения, имело раньше еще и другое значение, близкое к фракийскому *гумну*. Ср., например: *кäв'быну чүну — тр'и дн'и рабут'ил'и на н'ёгу чүну* (казенный ток — три дня работали на этом току), — рассказывал один старик, вспоминая о том времени, когда ольшанцы были казенными крестьянами.

Примечательно также, что и в ольшанском говоре, наряду со словом *гүну*, употребляется слово *тармáн* с тем же значением, что и фракийское *арман*. Правда, слово *тармáн* (ток) могло быть заимствовано ольшанскими болгарами из украинского. Так думать дает повод слово *вотак*, которое употребляется в говоре с тем же значением. Ср., например: *кутóк зякачат с кун'ака пу вотак* (лопадь возит каток по току). Происхождение слова *вотак* нам не известно.

Бустáн', *сáдбóк*. На приусадебном участке, кроме огорода, имеется обычно бахча (*бустáн'* — болг.), а также довольно часто — фруктовый сад (*сáдбóк* — укр.).

Плéт, *врátн'ицá*, *врátн'ичкá*. Усадьбу со стороны улицы огораживают каменной изгородью (*плéт* — болг.), но ворота (*врátн'ицá* — болг.) и калитку (*врátн'ичкá* — болг.) делают деревянные. Эти слова имеются во всех болгарских словарях.

Слово *плéт* употребляется и в говоре села Твардицы, однако в значении «плетень», а не «каменная изгородь».

§ 10. Приусадебные постройки. Кроме жилого дома (*кáштá* — болг.), на усадьбе имеются хозяйствственные постройки: зимнее помещение для скота (*хлáф* — болг.), для птицы (*кýрн'ик* — болг.), для хранения сельскохозяйственного инвентаря (*зákáт*), сарай для сена и соломы (*клýн'á* — укр.), летнее помещение для скота (*чárдáк*), погреб (*избá, бас*), яма для хранения зерна (*глúбéч*), амбар (*тáмбáр*). Наряду со словом *кáштá* в ольшанском говоре употребляется заимствованное из русского слово *дом*, которым ольшанские болгары обычно называют городские постройки. Свое жилое помещение они словом *дом* никогда не называют.

С другой стороны, городской дом никогда не обозначают словом *кáштá*. Например, один болгарин, рассказывая про поездку к сыну, который живет в Москве, говорил: *нáм'éрвáм нéгу дoм, фл'áзáм и кáчá сa на дрúг'иу итáши* (вхожу в этот дом и поднимаюсь на второй этаж). Происхождение слова *зákáт* мы так и не установили: в просмотренных словарях его нет. Слово *чárдáк* имеется и в болгарских словарях и в украинском, но ни в одном из них это слово не имеет значения помещения для хранения сельскохозяйственного инвентаря. В украинском словаре указывается то же значение, что и в русском. В болгарских: у Герова — *чérдак, одвръ, отвóд, потон, пруст, пулата, диван, тръм, сени* (V, 535); у Дювернуа — она означает открытую галерею в верхнем этаже дома (стр. 2525); имеется это слово во фракийских говорах, но там оно означает летнее помещение в виде шалаша на столбах для чабанов (Фр. сб., I, 233). Лишь в одном из балканских говоров на

территории Советского Союза слово *чердак* встретилось в том же значении, что и у ольшанских болгар. В настоящее время в селе Гасан Батыр, где было зафиксировано это слово, открытых сараев нет, но в прошлом их строили и, по свидетельству стариков, такой сарай назывался *чердак*.

Погреб ольшанские болгары строят по-разному. Если погреб сделан в виде ямы, в которую спускаются по деревянной приставной лестнице, то такой погреб называется *изба*. Погреб в виде подвала с земляными ступенями называется *бас*. Слова *бас* нет ни в одном словаре. Слово *изба* имеется с этим значением в словарях Дювернуа и Бернштейна. У Теодорова-Балана и других это слово имеет три значения: 1) *къща в замята* 2) *земник*, 3) *хлев в земята* (стр. 833). Те же значения указывает Геров. В западноболгарских говорах, как указывает Маринов, это слово употребляется для обозначения сделанного в земле помещения, в котором ткут. Деревянная лестница называется у ольшанских болгар *салбá* (уменьш. *салбáчка*). Ср. у Дювернуа — *стъба*. Наряду с ним употребляется заимствованное из русского слово *л'есн'ица* (уменьш. *л'есн'ичка*), но обычно — лишь по отношению к лестницам городской конструкции. Так, в рассказе о поездке в московском метро один болгарин называл эскалатор то своим словом, то русским.

Слово *г'ивéч* тоже есть в болгарских словарях, но ни в одном оно не имеет значения ямы для хранения зерна. В болгарских говорах Советского Союза это слово употребляется обычно в других значениях: посуды, кушанья, и лишь в говоре села Кулевча (фрак.) опо, как и в ольшанском говоре, обозначает яму для хранения зерна. В ольшанском говоре слово *г'ивéч* знают только старики; оно давно вышло из употребления, так как давно уже перестали делать такие ямы: зерно хранят теперь в амбарах (*гáмбár*). «Горловые ямы, в которые болгары обыкновенносыпают для хранения зерновой хлеб на зиму и в которых он часто протухает и замокает, начинают состоятельные заменять амбарами»¹, — отмечал еще Лобачевский.

¹ «Херсонские епархиальные ведомости», 1888, № 23, стр. 700.

В амбарах зерно ссыпают в *зákram* (ср. рус. *закром*). Слово это не было обнаружено ни в одном болгарском словаре; в украинском его тоже нет.

Здесь же упомянем о загоне для овец, который ольшанские болгары называют *mándra*. С таким значением это слово известно во всех болгарских словарях. В ольшанском говоре слово *mándra* означает еще бочку для соления брынзы. Этого значения ни один словарь не указывает.

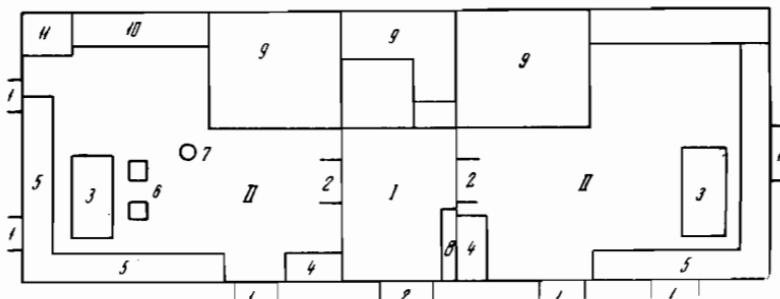

Рис. 1. Схематический план дома

I — прус, II — кáштă; I — прóвзурç'а, 2 — вратá, 3 — стол, 4 — м'исн'ик, 5 — лáвч'и, 6 — тáбур*етк'и, 7 — салп, 8 — пул'ица, 9 — п'еш, 10 — пот, 11 — ракла

§ 11. Дом и его устройство. Слово *кáштă* обозначает у ольшанских болгар не только жилой дом, но и комнату. Ср., например: *ам тугéйс my прáв'и кáштă и гу уððéлъ* (а потом строят ему дом и выделяют); *свáтуфт'а ф дрúгáтмá кáштă садáт үл'еiат дур н'и мрáкн'и* (сваты сидят в другой комнате и гуляют, пока не смеркнется).

В доме обычно две комнаты, которые разделены прихожей, сенями (*prus*). Это небольшая продолговатая комната без окон с непосредственным выходом на двор. В ней имеется печь, которую топят летом. Кроме того, здесь держат воду и кое-какую посуду. Летом здесь обедают за маленьkim столиком.

Слово *пrust* встречается во всех болгарских словарях и имеет среди других значений и значение передней. Есть это слово и в шуменских говорах (П. ш., 413).

Для обозначения крыши у ольшанских болгар есть свое слово — *пóкръиф* и заимствованное — *кръйша*. Крыши обычно делают соломенные: нижний край соломенной крыши называют словом *стр'ягъ* (болг.). Снопы, предназначенные для покрытия крыши, молотят цепами. Для них в говоре имеется особое название — *укулът*, которое не встретилось ни в одном из словарей. Нет его и в болгарских лексических материалах.

Утолщенную верхушку соломенной крыши называют *гр'ёбън*. Это слово, кроме того, употребляется для обозначения головного гребня и гребешка у петуха. В последних двух значениях оно встречается в болгарских словарях. В значении «верхушка соломенной крыши» это слово указывается в украинском словаре (Г., 365). Возможно, что это значение было заимствовано ольшанскими болгарами из украинского.

Название стропил в говоре украинское — *крóкви* (ед. ч. — *крóквâ*). Чердак ольшанские болгары называют *пóтън*. В болгарских словарях имеется слово *потон*; среди множества других значений это слово у Герова имеет и значение чердака (IV, 232). Продольная толстая балка потолка, на которой держится потолок, называется *б'йлу*, а поперечные, более тонкие балки — *гр'ёдъи* (ед. ч. — *гр'адâ*). Слово *б'йлу* имеется в болгарских словарях, но с другим значением. Геров указывает, что слово *было* может означать «конек на крыше». С таким же значением это слово употребляется в шуменском говоре (П. ш., 375). С тем же значением, что и в ольшанском говоре, это слово употребляется в западноболгарских говорах (М. з., X, 223).

Слово *гр'адâ* известно в болгарских словарях тоже в значении бруса, перекладины. Если дом большой, *б'йлу* подпирают столбом (*сâлп* — болг.), который стоит посередине комнаты. Для обозначения потолка есть два слова — *путулък* (рус.) и *ст'ёлъ* (укр.), но последнее употребляется редко. Земляной пол называется *эмъ* (болг.); это слово имеет еще и другое значение — земля, почва.

Деревянный пол в домах обозначается словом *пол*. Слово это, впрочем, могут употреблять и в общем значении, безотно-

сительно к материалу, из которого сделан пол. Ср., например: *пáлáджинá са пустýлáт на пóлу* (дорожка стелется по полу).

Стены дома ольшанские болгары кладут из кирпичей, приготовленных из смеси глины, песка и соломы. Смесь эта называется у них *чáмур*, а кирпичи — *вáл'икъи*. Слово *чáмур* является у ольшанских болгар своим. Слова *вáл'икъи* ни в болгарских словарях, ни в украинских нет.

Вдоль внешней стороны стены, выходящей на двор, идет завалинка — *п'из'ýл'у*. Слово это есть у Дювернуа (I, 611) и имеет то же значение. У Герова указываются другие значения. На территории Советского Союза это слово встречается в говоре села Твардицы, но там оно означает нишу в каменной стене. Двери наружные (*врátá* — болг.) имеют железную щеколду (*клучéричá* — болг., *кл'áмкá* — укр.) и деревянный засов (*штáбá* — укр.); с их помощью дверь запирается изнутри. Снаружи дверь запирают замком (*куфáр* — болг.). Деревянная щеколда, которой закрывают двери у печи, находящейся в сенях, называют *вáрт'áш*. Слова этого нет ни в одном словаре; очевидно, оно исконно принадлежит этому говору. Окна (ед. ч. — *прóзур'иц* — болг.) в домах ольшанских болгар имеются с трех сторон; в четвертой, задней, стене окон не делают. Все части окна называются по-украински: *шíпкá* — оконное стекло, *шáл'бóфк'и* — внешняя деревянная обшивка окна, *вíкó-н'иц'и* — ставни, *р'áмкá* — оконная рама. Слово *подлукбóтн'ик* (подоконник) не зафиксировано ни в одном словаре. Из говоров Советского Союза это слово встретилось в селе Твардице (*пудлакътник*). Слово *прозорец* встречается во всех говорах шуменского типа как на территории Болгарии, так и на территории Советского Союза.

§ 12. У бра н с т в о д о м а. Внутреннее убранство комнат, расположение печей и вещей в доме ольшанских болгар строго определенно. В каждой половине дома имеется своя русская печь, которая обычно занимает четверть комнаты и прилегает к внутренней боковой и задней стенкам (см. план дома). Кроме того, печь имеется, как мы уже указывали, в сенях. Она

значительно меньше и отличается от комнатных печей своей формой. Основное отличие состоит в том, что в печах комнатных шесток открытый, а в печи, находящейся в сенях,— закрытый.

Для обозначения печи в ольшанском говоре имеется два слова: одно свое *n'esh*, другое заимствованное — *n'échka*. На территории Советского Союза слово *n'esh* встречается главным образом в говорах сливенского типа: в селах Твардица, Кирютия, Делджилер и др. Свои печи называют только *n'esh*; другие печи, которые имеются не у болгар, могут назвать по-своему, но чаще назовут *n'échka*. Есть и другие слова для обозначения различного рода печей: *trúba*, *l'izjánnka*, *pl'ýtka* — тоже все заимствованы или из украинского или русского. Голландские печи и лежанки болгары у себя дома не ставят, плиты делают, но редко — или в шестке, или отдельно, рядом с русской печью.

Для обозначения шестка у ольшанских болгар есть два слова: одно болгарское — *ugn'ýsh't'i*, другое украинское — *pr'ý-n'ichuk*, которые употребляются одинаково часто. Украинское название имеют вышшка — *káylä* и под — *chép'ín*. Названия остальных частей печи у ольшанских болгар очень своеобразны: заслонка у них называется *kápnák* — слово болгарское, но ни в одном болгарском словаре оно не имеет такого значения: обычно *kápnák* обозначает крышку какого-либо предмета. Само отверстие, ведущее внутрь печи, называется словом *búz'i*, которое в болгарских словарях также не имеет этого значения. Слова, обозначающие подпечье (*жándár*) и полуovalное углубление в боковой стене печи, служащее для просушивания обуви и пр. (*куtrúçá*), вовсе не известны ни в болгарских, ни в украинских словарях.

В углу, противоположном печке, стоит стол (*стол*). От стола вдоль передней стены и боковой наружной стены прибиты наглухо лавки (*láfcä*). Вдоль задней стены, от печи до внешней боковой стены, положены деревянные нары (*pot* — болг.). Слово *pot* встречается в некоторых болгарских говорах Советского Союза, например, в сливенском говоре города Болграда,

в Кубее, но лишь наряду со словом *одър*. В форме *пам* оно встречается и в других болгарских говорах ССР: в говорах сел Кирсова, Вале-Перже, Кирюти, Комрата и др. В углу, на нарах, стоят сундуки с одеждой (*ракла*). У двери стоит шкаф для посуды, прислоненный к внутренней стене (*м'исн'ик* — укр.). У стола стоят одна или две скамейки (*ском'ин'* — болг.) или *табур'етк'и* (заимствованное). Под потолком вдоль стен повешены узенькие занавесочки, похожие на оборки, которые называют то *шл'аручк'и*, то *ширм'ичк'и*. На окнах тоже занавески (*занавеска*). На стенах развешены *памр'ем'а*, *картучк'и*, *угл'адал'ну стаклу* (зеркало), *часовн'ик* (часы), *радиу*. Зеркало, карточки и портреты обрамляются вышитыми полотенцами (*п'ишк'ир'а* — болг.). Над нарами на наружной стене висит домотканый пестрый ковер (*к'ил'им* — болг.). Стол застлан или домотканной скатертью (*цад'йл'н'ик*) или kleenкой (*кл'ијонка*). На лавках и по полу разостланы домотканые дорожки (*пладжина*). Обедают обычно за маленьким низеньким четырехугольным столиком (*столячи*), сидя на маленьких низеньких скамеечках (*ском'инчи* — болг.). Повидимому, раньше в говоре было общеупотребительно слово *суфра*¹, но теперь оно встречается крайне редко и лишь в выражении: *закусвайти юбра ут суфрата* (кушайте, гости) — так раньше хозяева потчевали гостей. Сейчас и среди старых людей редко кто помнит это выражение, а молодежь совсем его не знает.

Наряду с болгарским словом *ском'ин'* в ольшанском говоре есть заимствованное из русского *скам'еіка*, которое, однако, употребляется лишь для обозначения клубной мебели. Из русского же заимствовано слово *стул*, из украинского — *кінапка* (деревянный диван, который встречается в болгарских домах). Заимствованными являются также слова *крават'*, *кобіка*. Койками называют больничные кровати. Ср., например: «*Ут'й-дук на пр'ијома, чи дадуїа напр'вл'єн'ии на кобіка*» (ходила

¹ Слово *суфра* в болгарских говорах имеет значение «низенький круглый столик для еды».

на прием, мне дали направление на койку, т. е. в больницу), — рассказывала одна женщина о своем посещении больницы.

Откуда у ольшанских болгар слово *шайрм'ичкъи* — не ясно. Слово *шля́рчкъи*, повидимому, заимствовано из украинского языка. Ср. у Гринченко *шлярка* — сборка (Подольск. губ. — Г., 2119).

Слова *пáллáджинá*, *цайдылн'ик*, по всей вероятности, у ольшанских болгар свои, хотя указаний на них в болгарских словарях мы не нашли.

§ 13. Утварь. Для обозначения предметов домашнего и хозяйственного обихода ольшанские болгары употребляют очень много заимствованных слов. Заимствованы в большинстве своем слова, служащие для обозначения разного рода тары: *кушблáкá*, *бутыл'и*, *бáнкá*, *курóпкá*, *бóчкá*, *бидбóн*, *м'ишóк*, *яш'ш'ик*, *пусýдá*; слова, обозначающие чайную посуду: *сáчáрн'ицá*, *чáйн'ик*, *сáмуváр*, *стákáн*, *крúшкá* и др. Среди заимствованных слов много украинизмов; к ним относятся слова: *чáвúн* (чугунок), *бáн'áк* (чугун), *ругáч* (ухват), *кур'áк* (совок для сортирования пепла), *пулбóн'ик* (половник), *сул'áнкá* (солонка), *ц'ибр'иñи* (доски сруба у колодца), *члáдýш'ш'ик* (крынка для молока).

Болгарские названия в ольшанском говоре имеет различная посуда для воды: *в'áдрó* (*в'идрó*), *тиглó* (ручка ведра), *кáнá* (высокая глиняная банка цилиндрической формы), *стóмнá* (глиняная банка с узким горлышком, служащая для воды; ее обычно берут с водой в поле); приспособления для расчинки и разделывания теста: *нáштвá* (корытце для расчинки теста), *угр'íпкá* (скребок для очистки присохшего теста), *рáшéту*, *сíту*; столовая посуда: *гáвáн'* (деревянная миска), *пáн'ицá* (глиняная миска), *лужíцá* (ложка), *нош* (нож), *лужíчн'ик* (деревянный ящик для хранения вилок, ложек и ножей). Из кухонной посуды болгарские названия носят такие предметы, как таганчик — *п'érus*, кочерга — *ражéн*, сковорода — *сач*, ступка — *стáнá*, глиняный горшок — *гáрн'и*, воронка — *л'éкá*, веник — *м'итлá*, мешочек для процеживания — *цайдылу*. По-болгарски называют колодец — *клáд'ян'иц* и коромысло — *куб'и**л'цá*.

Все перечисленные слова, кроме слов *кáна* и *ургýпка*, указаны в болгарских словарях и имеют в них то же значение. Слово *ургýпка* мы, однако, обнаружили в некоторых болгарских материалах; оно имеется в неврокопском говоре (М. н., 133), у банатских болгар (Б. б.), в западноболгарских областях (М. з., XVI—XVIII, 45), в орханийском говоре (И. о., 143); имеется слово *ургýпка* и во фракийских говорах (Фр. сб., I, 114). Во фракийских говорах употребляются также следующие слова из упомянутых выше: *ръжен* (Фр. сб., I, 103), *лъжичник* (там же, 247), *куриту* (там же, 249), *копан* (там же), *кубилца* (там же, 252), *ръшету* (там же, 111), *ситу* (там же), *нуштува*, *нъштува* и др. формы (там же). В тетевенском говоре встретились слова: *ришето* (С. т., XXXI, 336), *цедило* (там же, 358), *ладжичник* (там же, 292). Эти слова имеются и в западных областях (М. з., XVI—XVIII).

В шуменском говоре отмечены слова: *стъпа* (П. ш., 424; см. также М. з., XVI—XVIII, 63), *кладенец* (П. ш., 390).

В словаре твардичан (Измаильская обл.) также встретились в этом разделе слова общие с ольшанскими. Например: *нбштува*, *огрýпка*, *лъжýца*, *лъжичник*, *метлá*, *ръжен*, *ръшето*, *сач*, *тучýлкá*.

Есть среди слов, обозначающих утварь, и такие, которых мы не нашли в словарях. Это слова: *жáрбн'á* (противень), *мáйтка* (тряпка), *бл'утка* (блюдце), *тлýчка* (палка у колодца — журавля, за которую цепляют ведро), *болт* (палка с кружком, с помощью которой сбивают масло).

Слово *кóфá* употреблялось в ольшанском говоре в значении, не известном болгарским словарям. *Кóфá* — это деревянная посудина под деготь, которую привешивали сзади телеги, когда ехали в поле.

Для некоторых предметов домашней утвари в ольшанском говоре имеется два названия: свое и украинское. Например: маслобойка называется и *мáсл'íчка* (болг.) и *мáсл'áнка* (укр.), скалка — и *тучýлкá* (болг.) и *кáчалká* (укр.), подойник — и *чáрдáф* (болг.) и *д'иin'íчка* (укр.), но болгарские слова явно выходят из употребления. Так, слово *чáрдáф* знают, но никогда

не употребляют даже пожилые люди. Остальные из приведенных болгарских названий хотя и встречаются в речи, но значительно реже украинских.

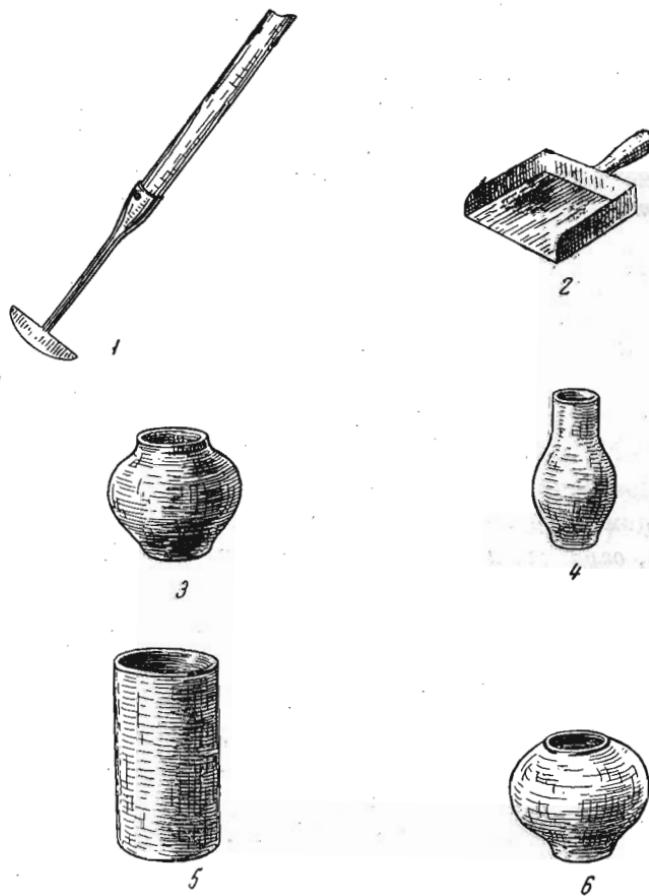

Рис. 2. Домашняя утварь

1 — *ръжён*, 2 — *кур'ак*, 3 — *гáрнти*, 4 — *гладуш'шник*, 5 — *к'ана*, 6 — *бан'ки*

§ 14. Названия кушаний. Болгарская лексика, связанная с приготовлением кушаний, отличается значительной устойчивостью. Ольшанские болгары до сих пор любят гото-

вить свои национальные блюда: *плăк'ётă* (слоеный пирог с начинкой), *чалкăмă* (лепешка, замешанная на кислом молоке и залитая сверху яйцом и сметаной), *нăл'йсн'ик'и* (лепешки, за-

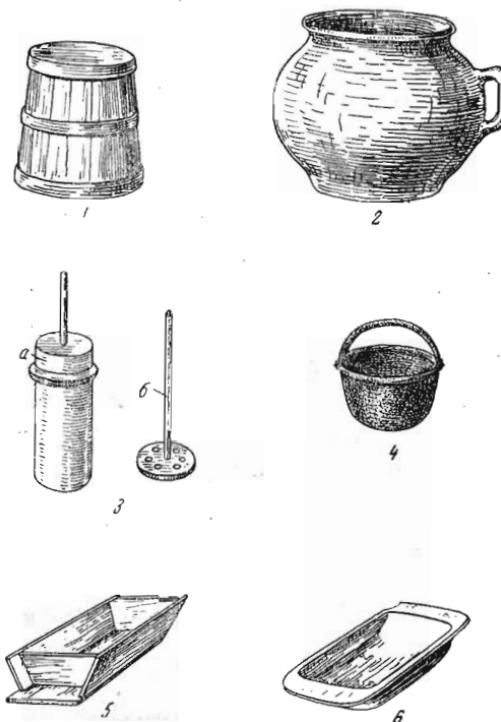

Рис. 3. Домашняя утварь.

1 — каца; 2 — макъитра; 3 — масл'ичка: а — кришка,
б — болт; 4 — чавун; 5 — кур'иту; 6 — наштува

мешанные на кислом молоке и испеченные на капустных листьях), *п'исл'м'ёд'я* (пирожки из кислого теста с творогом), *мăндэсă* (тушеный картофель с помидорами и перцем), *кукбнк'и* (голубцы), *бүчк'и* (котлеты), *чурбă* (суп), *мăмăл'йгă* (кукурузная каша), *пӯкăн* (жареная кукуруза), *з'ёл'и саз булгур* (тушеная капуста с пшеничной крупой), *мăлăї* (кукурузный хлеб), *кăрăвăї* (витой хлеб), *дăксум'ёрк'и* (шкварки), *ч'обрушикă* (лепешка из

кислого теста). Слова *чóрушка*, *кукбóнкъи*, *чалкáмá*, *нáлчисникъи*, *вáртумtа* в болгарских словарях отсутствуют. Нет их и в просмотренных нами диалектологических материалах. Слова *бúчка*, *праcн'éц*, *трóгъи* есть в болгарских словарях, но имеют другое значение. *Троха* во всех словарях означает только «крошка» (хлеба или чего-нибудь другого). В ольшанском говоре это слово обозначает дрожжи, приготовленные домашним способом. Слово *праcн'éц* в такой форме неизвестно в болгарских словарях. У Герова находим *прéсник* и *праcник*, что означает пресное молоко. То же у Дювернуа. В ольшанском говоре это слово обозначает пресное тесто.

То же со словом *бúчкъи*. *Бúчка* в болгарских словарях есть, но никакого отношения, как известно, к кушаньям не имеет.

Слова *плáк'éтä* и *джсум'érkъи* мы нашли, кроме словарей, в диалектологических материалах. *Плáк'éтä* с тем же значением, что и у ольшанских болгар, употребляется во фракийских говорах (Фр. сб., I, 233), *джсум'érkъи* — в шуменских говорах. Во фракийских говорах шкварки от свиного сала называют *пържинки* или *кацаnки* (там же, 115).

Остальные перечисленные названия кушаний имеются в болгарских словарях с тем же значением, что и в ольшанском говоре. В диалектологических материалах никаких указаний на их употребление нет.

Среди названий блюд, приготовляемых ольшанскими болгарами, наряду со своими словами много и заимствованных, главным образом из украинского. Ср., например: *плáчиnðи* (пироги плоские, в виде шестиугольника с тыквенной начинкой и с творогом), *лóкишина* (лапша — укр.), *нáчинка* (начинка из ливера, которой набивают жареного поросенка или ягненка), *звар* (компот — укр.), и *кáмпóт*, *бл'инъи*, *упáра*, *вáр'éнъи*. Заимствованными словами обозначаются у ольшанских болгар все те продукты и кушанья, которые покупаются ими в магазине, например: *лáмпáсá* (монпансье), *кáнф'éтъи*, *бúбл'ик*, *кáлáч*, *прáн'ик*, *сáчáр*.

Заимствованным является также слово *сн'íдáну* — завтрак (ср. у Гринченко, стр. 1777 — *сніданя*, *сніданок*).

Есть несколько дублетных форм: *гёзбä — угуштён'ијä*, *jéд'ин'и — хäрчí*, в которых первые слова — свои, вторые — заимствованные. Никакой семантической разницы между словами первой пары в ольшанском говоре нет. Ср., например, такие фразы: *варвёт'и си зäмнёт'и ут нáштä гёзбä!* (идите, попробуйте наше угощение); *изе'ин'авайт'и за тäс угуштён'ијä* (извините за это угощение).

Междуд словами *jéд'ин'и* и *хäрчí* некоторая разница в значении имеется. Ср. *ас ша в'и нáуран'а сал бälгäрскуту да знáйт'и бälгäрскуту jéд'ин'и* (я буду кормить вас только болгарскими блюдами, чтобы вы знали болгарские кушанья); *си чäпäл'н'ии турбä сас хäрчí и кáräш* (наполнишь торбу харчами и идешь).

§ 15. Одежда, обувь, головные уборы, постельное белье и т. п. Национальный костюм у ольшанских болгар почти вышел из употребления. Мужчины уже давно его не носят. Среди женщин старой болгарской моды придерживаются только пожилые, да и те большую часть своих старых нарядов хранят в сундуках. Теперь ольшанские болгары, как и все наши колхозники, одеваются по-городскому.

Вся лексика, связанная со старым национальным костюмом, у ольшанских болгар своя, связанная с новым, — заимствованная. Есть лишь несколько примеров, когда своим словом называют и новую часть туалета.

Своя лексика у большей части населения почти вышла из употребления. Ею пользуются главным образом представители старшего поколения, младшие хранят ее в своем пассивном фонде, но и оттуда она тоже быстро выветривается.

§ 16. Однако в основном словарном фонде говора сохранились слова, не связанные со спецификой национального костюма, выражющие родовые понятия одежды или ее частей. Например, рукава (*ракáф*), карман (*джисон*), воротник (*угарл'ак*), полы (*пол'и*), изнанка (*вбпäк*), лицевая сторона (*л'йц'и*) называются по-болгарски.

Для обозначения родового понятия одежды в говоре употребляется несколько слов: *уд'ёжсä*, *др'ёг'и*, *др'йн'и*, *рýбä*,

нáтруфá. Последние два встречаются очень редко. Их знают только глубокие старики, которые рассказывают, что в старину слово *рúбá* означало женский наряд, а слово *нáтруфá* —

Рис. 4. Женская одежда

1 — джубá; 2 — рóклá: а — перед, б — зад; 3 — ѿбýчка:
а — перед, б — зад; 4 — гáисл'ун

мужской. Ср., например: *т'а јýмá рúбá кákвá штéши: рýзá,*
рóклá, тутá (она имеет какие хочешь наряды: рубашку, сарафан, передник), но *туjá нéгувáтá нáтруфá* (это его одежда). Слово *рúбá* есть в болгарских словарях и обозначает там одежду, но, видимо, не только женскую, так как специаль-

ных оговорок в этом отношении составители словарей не делают.

Диалектные материалы дают указание на употребление этого слова в шуменских говорах и в некоторых фракийских (Фр. сб., I, 160). В шуменских говорах оно обозначает костюм молодой замужней женщины (П. ш., 416). Слово *rúbā* в значении женской одежды известно также в орханийском говоре (И. о., 138). Во фракийских говорах слово *rúbā* употребляется в общем значении одежды. В этом же значении слово *rúbā* употребляется наряду со словом *dréxi* в говоре села Твардицы (сливенский говор). Слова *nátrufā* ни в словарях, ни в диалектологических материалах нет. В словарях Герова и Дювернуа есть существительное *trufa* (одежда любая) и глагол *natrufomъ se* (наряжаюсь).

В украинских словарях слов *rúbā*, *nátrufā* нет. Это — свои слова у ольшанских болгар. Своими являются у них также слова *dréy'u* и *drýn'u*. Семантическую грань между этими словами провести трудно. Сами болгары объясняют разницу в значении между этими словами так: *drýn'u*, говорят они, это — ветхая одежда, праздничная же одежда именуется заимствованным словом *yd'ějsä*, а *dréy'u* — всякая одежда без относительно к ее целости и крепости. Однако наблюдения над непосредственным употреблением этих слов показали, что четкой грани между ними нет. Так, нам несколько раз приходилось слышать слово *dréy'u* в значении «старая рваная одежда». Одна болгарка, указывая на старые вещи, говорила: «*Dréy'u dymat, pak ynu i tárnu to yd'ějsä*» (это называют *dréy'u*, а то, получше — *yd'ějsä*). С другой стороны, слово *drýn'u* при нас не раз употребляли по отношению к совершенно целой одежде. Значение слова *yd'ějsä* у ольшанских болгар гораздо определеннее. Они легче противопоставляют по значению слова *dréy'u* и *drýn'u* заимствованному *yd'ějsä*, чем свои слова между собой. Интересно, что слово *drupi* в значении «всякая одежда» употребляется в шуменских и во фракийских говорах. Цонев приводит его в списке родопских слов, употребляемых в шуменских говорах (Д. с., XX, 9): *drupi* —

дрехи — пишет он без всяких уточнений, в то время как в болгарских словарях это слово всегда обозначает ветхую одежду. Указание на употребление слова *дрипи* во фракийских говорах в общем значении находим у Хр. Вакарельского: «На много мѣста облѣклото изобще е наричано *дрипи*, *една дреха* — *една дрипа*» (во многих местах одежду вообще называют *дрипи*, одна одежка — одна *дрипа*. — Фр. сб., I, 160). В тетевенском говоре имеется слово *дрипел*, но в значении ветхой одежды: «Ветха окъсана *дреха* или къс от такава *дреха*» (ветхая разорванная одежда или кусок от такой одежды. — С. т., XXXI, 260).

§ 17. Сохранились, разумеется, в активном запасе болгарские слова, обозначающие те виды одежды, белья и т. д., которые продолжают бытовать в обиходе современных ольшанских болгар. Например, по-болгарски называется белье младенца — *п'ил'ин'а* (пеленка), *пѣвѹ* (свиальнаяник); нижняя рубашка (женская и мужская) — *р'иза*, полотенце — *п'ишк'ир'*, одеяло из домотканной шерстяной материи — *чам'ял*, хотя в говоре есть и слово *уд'ијалу*, заимствованное из русского языка одновременно с появлением у ольшанских болгар ватных одеял, и др.

Названия других постельных принадлежностей, не бывших ранее у ольшанских болгар в употреблении, также заимствованы, например: *нѣп'ирн'ик* (наволочка, в которую насыпают пух для подушки), *наслучка*, *пудушка*, *мѣтрас*. Прочно сохраняется свое слово *кѣпчи* (крючок), хотя все прочие виды застежек называются заимствованными словами. Ср., например: *п'угу'ичка*, *п'ит'ялка*, *шп'и'я'ка* (булавка), *зап'янка* (кнопка). Это совершенно естественно, так как на своей национальной одежде ольшанские болгары никаких застежек, кроме крючков, не делали. Новые застежки пришли с новыми костюмами, а с ними и названия этих застежек.

§ 18. Прежний мужской национальный костюм состоял из рубахи (*р'иза*) и широких шаровар на вздержке (*гашт'и*). Будничные *гашт'и* шились из белой материи; праздничные были в белую и синюю полоску.

Позже появилось заимствованное из украинского языка слово *спóдн'икъи*, слово *р'яза* стало обозначать нижнюю рубашку, а для верхней стало употребляться заимствованное слово *рубашка*.

Подпоясывались болгары широким домотканым поясом синего или красного цвета (*пóис*). Поверх *ризы* надевали суконную безрукавку — *гисл'ук*. Зимой вместо шаровар носили суконные домотканые брюки (*путýр'а*). В сильные морозы надевали *м'ишайн'а* — брюки из овчины. Вместо суконной безрукавки зимой носили ватную, которая называлась *т'иплúшкá*. Верхней одеждой в летнюю холодную погоду и осенью им служила *аб'ячкá*, которую носили и мужчины и женщины. Шилась она из белого домотканого сукна по одному фасону и для мужчин и для женщин. Праздничную *аб'ячку* мужчины шили из черного фабричного сукна и отделяли ее кантом (*кант*). На плечах делали красные нашивки (*гáйтáн'*). В сильные морозы надевали тулуп (*кóжсуф*), в дождь — плащ из толстого домотканого сукна (*гүн'а*) с капюшоном (*гүглá*). *Кóжсуф* и *гүн'а* есть у ольшанских болгар и сейчас; другая верхняя одежда не сохранилась. В холодные летние дни и осенью они ходят в ватных *пáл'tó*, зимой — в шубах (*шúбá*). На голове и зимой и летом носили смушковые высокие шапки, которые и раньше и теперь называют то *шáпкá*, то *кáллáк*. Уже в России появились у ольшанских болгар картузы (*кáртýс*) и соломенные шляпы с полями — *бр'ил'* (укр.). Сейчас *бр'ил'* носят редко; надевают его главным образом тогда, когда идут осматривать пчелиные ульи. Летом ходили в кожаных самодельных сандалиях (*цárýл'а*) на босу ногу, зимой ноги обертывали в портянки (*наéуi*) и надевали сапоги (*бутýшá*). Теперь *цárýл'а* совсем вышел из моды. Уже в России ольшанские болгары стали носить ботинки (*бóт'икъи* — укр.) и галоши (*зáлбши*).

§ 19. В то время как старинный мужской костюм совершенно вышел из моды, женскую национальную одежду еще можно увидеть преимущественно на женщинах старшего поколения, которые носят ее по будням. Женская рубашка у ольшанских болгар называлась так же, как и мужская — *р'яза*.

Женская *r'úză* вышивалась по подолу (*n'ismá*), на рукавах и плечах (*ălt'íyç'u*).

Поверх рубашки надевался сарафан; он шился короче рубашки, так что шитый край рубашки всегда из-под него выглядывал. Будничный сарафан шился из черной домотканной шерстяной материи и назывался *чукмán'*. Праздничный сарафан — *rókł'a* — по фасону ничем не отличался от будничного, но шился он из покупной хлопчатобумажной материи и отделывался нашивками из материи другого цвета вокруг проймы и ворота (*dżsúr'u*). В отличие от будничного сарафана, *rókł'i* шили из материи различного цвета: синие, красные, зеленые, черные. Синяя и зеленая *rókł'i* отделялись обычно красными *dżsúr'u*, красная — синими. Ворот и передний разрез лифа и у *rókł'i* и у *чукмán'ya* обшивали зубчиками из шерстяных или бумажных ниток (*kukálç'ú*). Лиф застегивался на два крючка.

Поверх сарафана надевался передник из домотканной тонкой шерстяной материи (*çutmá*). В будни носили *pástr'u* *çutm'u*, в праздник — *c'ýn'u* *çutm'u*. Старые женщины вместо *çutmá* носили *n'ish'timál*, который шился из этой же материи, что и будничная *çutmá*, но значительно шире, так что заходил глубоко на бока. Поверх *çutmá* на талию надевался пояс или матерчатый, вышитый шерстяными разноцветными нитками, крестом или гладью (*kulán'*), или толстый кожаный с металлической облицовкой в виде резных пластинок (*puzúñ'ik*). Теперь такие пояса не носят, и поэтому они редко у кого сохранились.

На голове ольшанские болгарки носили домотканые платки (*çumb'ér*). Зимой носили *çumb'ér-wál'ánká* — плотный суконный платок. Замужние женщины под платок надевали шапочку из покупной материи (*uchípuk*), чтобы волосы не вылезали из-под платка. Этот обычай ольшанские болгары заимствовали у украинцев, а вместе с ним и слово *очипок*.

Раньше у ольшанских болгарок не было бумажных чулок: они носили шерстяные чулки собственного вязанья (*dżsurápn'a*).

В праздник поверх них надевались чулки, спитые из белой домотканной материи (*кăлцун'а*). Верх у них был шире и отворачивался ниже колен; отвороты вышивались разноцветными нитками. Еще более нарядным считалось надеть поверх всего этого *кăлци* и *мэс'ув'а*. *Кăлци* — это гамаши из красного домотканного сукна до колен; их носили только зимой. *Мэс'ув'а* — это чулки из желтого домотканного сукна, которые надевали на *кăлцун'а* или *кăлци*.

Будничная женская обувь называлась так же, как и мужская, — *бутүшә*. По праздникам надевали *чёлли* — летние туфли без задников, на высоких каблуках.

Верхняя женская одежда летом и осенью — *аб'ичка*, зимой — *кăвам'*, *дэсуба*, *сачок*. *Кăвам'* имеет тот же фасон, что и *аб'ичка*, но шьется он из покупной материи на вате. *Дэсуба* тоже имеет фасон *аб'ичк'и*, но шьется без рукавов; ее оторачивают белой барашковой шкуркой, подмышками делают вышивки аппликацией в виде синего креста. *Дэсуба* шьют из покупной материи и кладут на вату. *Сачок* — женское полупальто на вате из фабричной материи. Меховая оторочка на *дэсуба* называется у ольшанских болгар *уб'имбфка*. Ср. у Б. п.: «*облямвка — обшивка или кант*» (стр. 19). В болгарских словарях этого слова нет.

Кроме поясов, у ольшанских болгарок было много других национальных украшений: всевозможные ожерелья из бус, монет и металлических брелков (*с'инцá, цалу, угурл'ицá, гárдä*), кольца (*праст'ян'*), серьги (*уб'ицá*), браслеты (*варг'éл'а*), головные украшения в виде красной суконки с нашитыми монетами, которые одеваются вокруг головы (*зэм'ицá*). К *зэм'иц'е* по бокам прикрепляются металлические цепочки с монетами — (*вáрв'иц'и*). Молодые замужние женщины, кроме того, надевали на голову *кăчул* — шапочку, выдолбленную из дерева и обтянутую красным домотканым сукном.

В настоящее время ольшанские болгарки независимо от возраста носят *јýнк'и* (их называют еще по-украински *сп'идн'иц'и*), *кобфт'и*, *плáтчиä*. Поверх юбки или платья надевают

фăртұх — передник, сшитый в отличие от *ұута* из покупной хлопчатобумажной материи. Головы повязывают платками (*кус'янка*). Однако до сих пор есть среди ольшанских болгарок старухи, которые предпочитают юбкам и платьям *чукмáн'*, а фартукам — *ұута*.

Лексика, связанная с национальным костюмом, дает некоторый материал для установления диалектной принадлежности ольшанского говора.

В диалектологических материалах по болгарским говорам Болгарии имеются указания на употребление ряда названий одежды и ее частей, встретившихся у ольшанских болгар, и в слivenских, и в шуменских, и во фракийских говорах. Много слов, общих в¹ этом разделе с ольшанскими, мы нашли в говоре села Твардицы, например: *бутúши*, *гайтáн*, *гáшти*, *зáнник*, *калцúни*, *кант*, *којсúх*, *колáн*, *мишáни*, *нáвуи*, *пешкýр*, *пеленá*, *полá*, *рémък*, *рóкли*.

В шуменских говорах употребляются такие слова: *чукмáн* (П. ш., 431), *връхéл* (там же, 378), *сýнце* (там же, 419) *жéичка* (там же), *колцúни* (там же, 388), *кáлци* (там же). Слова *враeéл*, *áтил* употребляются в шуменских говорах на территории СССР. Еще больше слов, употребляемых ольшанскими болгарами, мы обнаружили во фракийских говорах. Это такие слова, как *чукмáн* (Фр. сб., I, 200), *калцúни* (там же, 213), *кáлци* (там же, 174), *пиштимáл* (там же, 359), *кулáн* (там же, 191), *чумбéр* (там же, 189), *джусубé* (там же, 202), *мéстуве* (там же, 222), *джусурáпе* (там же, 174), *цареúле* (там же, 173), *алтиáци* (там же, 182), *пóли* (там же, 183), *гардáн* (там же, 192), *путýре* (там же, 168), *каллáци* (там же, 176), *нáвеjie* (там же, 174), *гуслúх* (там же, 212), *бáпки* (там же, 116).

Перечисленные выше слова употребляются в шуменских и фракийских говорах с теми же значениями, что и соответствующие им слова в ольшанском говоре.

Слово *кавáт'* указывает Цонев в списке родопских заимствований в шуменских говорах. Однако шуменское *кавáт'* имеет значение *забунче* (безрукавка; Д. с., XX, 95), тогда как в ольшанском говоре, как мы уже говорили, оно обозначает

верхнюю женскую одежду, скроенную по фасону *абички* и сшитую не из домотканного, а из фабричного материала.

Чукман и *кавад* упоминает Милетич при характеристике этнографических особенностей еркечан и гуличан¹. Чукман у них, как и у ольшанских болгар, шился из черной материи.

В употреблении слов *кавад* у еркечан и *кăвăт'* у ольшанцев имеется существенное различие: у еркечан *кăвăд* обозначает верхнюю женскую одежду с короткими рукавами, которую носят женщины в первый год замужества, у ольшанцев — *ăб'ичку* из фабричной материи. Как и еркечане, ольшанцы носили *бели гашти*. Но если еркечане шили *гашти тесни като шопски беневреци*², то у ольшанских болгар они, наоборот, славились невероятной шириной. «*Т'е да са виð'ăл'и бéл'и гáшти чи шта да са уплáшăт: т'е шерóки*», — говорил один из ольшанских болгар.

Таким образом, протянуть какие-то нити, непосредственно связывающие еркечан с ольшанскими болгарами, согласно с указанными этнографическими данными, нельзя.

Некоторые слова, обозначающие части болгарского национального костюма, мы не обнаружили ни в словарях, ни в диалектологических материалах: *ðисуръи*, *зам'ицă*, *п'исмá*, *кукăлицă*, *п'ип'ирутчицăи*, *пузун'ик*. Слова *вёрв'ицă* и *качул* мы нашли в болгарских словарях, но они имеют там совсем другое значение. У Теодорова-Балана *вёреца* обозначает только уменьшительное от *въреа* (веревка, нить). Слово *кучул* в болгарских словарях имеет обычно два значения: 1) хохол, 2) капюшон. Во втором значении это слово известно в говоре села Твардицы. Интересно, что это слово есть во фракийских говорах — *качулки* (Фр. сб., I, 177). Оно обозначает там какие-то мужские шапки. Это значение лишь до некоторой степени сближает ольшанское *качул'* с фракийскими *качулки*.

Слово *гárда* встретилось в словаре орханийского говора, но там оно значит совсем не то, что у ольшанских болгар.

¹ Л. Милетич. Старото българско население в североизточна България, София, 1902, стр. 39.

² Там же.

У ольшанских болгар — это род ожерелья, в орханийском говоре — это высохшая тыква, которую употребляют для хранения воды.

§ 20. Названия лиц в зависимости от семейных и родственных отношений в ольшанском говоре чрезвычайно многочисленны и своеобразны.

Мать и отца обычно называют *máмā* и *táту*, но могут, кроме того, мать называть *máikā*, а отца — *méiku* и *báštā*. Слова *máikā* и *báštā* встречаются очень редко. Раньше *méiku* и *máikā* называли не своих родителей, а родителей мужа; теперь свекра попрежнему называют *méiku*, но невестка называет свою свекровь уже не *máikā*, а *mámā*.

Заметим, что слово *тейко* имеется в шуменских говорах (П. ш., 425). Его указывает также Геров (V., 328).

Слова *mäsh* (мужчина) и *жинák* (женщина) употребляются и в значении «муж», «жена».

Интересно отметить влияние украинского языка на семантику слов *mäsh* и *чил'ák*. Раньше в ольшанском говоре первое слово обозначало мужчину вообще и мужа, второе — человека вообще и мужчину. Теперь под влиянием украинского *человік*, которое обозначает мужчину и мужа, ольшанские болгары тоже стали употреблять свое слово *чил'ák* в значении «муж». Ср., например: *н'є́ину чил'ák тракторист* (ее муж тракторист) и *тої ни јé тárchin чил'ák да бр'éши* (тот скверный человек, кто врет).

В связи с этим слово *mäsh* стало выходить из употребления и встречается в говоре очень редко, но и теперь его могут употребить в обоих значениях. Ср., например: *мажсéт'á кусáт та жéнит'á вáрдзáт* (мужчины косят, женщины вяжут) и *мажсó ми бр'игáдýр* (мой муж — бригадир). Слова *cин*, *дашт'á-р'á*, *брат*, *систра* являются болгарскими.

Наряду со словом *дашт'á-р'á* в говоре употребляется, повидимому, заимствованное из русского,— *дóчка*. Старшего брата называют *нáну*, а старшую сестру — *кáкá*.

Жену старшего брата называют *зéз'á*. У Герова это слово обозначает «золовка» (II, 159). Цонев приводит его среди дру-

гих лексических руппизмов, встречающихся в шуменских говорах (Д. с., XX, 39). Жену младшего брата называют *бұ́л'а*. *Бұ́л'а* употребляют также, когда обращаются вообще к замужней женщине. Ср., например: *в'и i ст'и ужéн'ин'i вam тр'áбá да дўмá бұ́л'а* (вы замужем, вас надо называть *бұ́л'а*). Мужа старшей сестры называют *бáчу*. Кроме того, так обращаются к любому женатому мужчине: *бáчу Саш у вас ужé час н'émá?* Слово *бáчу* в значении «*мáжисъ на сестра*» есть в старозагорском говоре села Конопчие (Г. к., IX, 227).

Брат отца — *чáчу*, его жена — *стáркá*. Слова *стáркá* ни в словарях, ни в материалах мы не обнаружили. Брат матери — *вúчу*, сестра матери — *л'áл'а*, ее муж — *gáгу*. В словарях и материалах есть *л'ёла*, *л'áл'а* нет. В шуменских говорах тоже *лела* (П. ш., 396).

Гаго — у Герова имя собственное. В значении «муж сестры» это слово имеется в орханийском говоре (Б. о., VI, 232—233).

Брат мужа — *дrág'íн'ку*, сестра мужа — *ка́лна*. У Дювернуа *драгинко* — семейное название деверя (стр. 558). В ольшанском говоре брат жены называется *ð'ив'ирó*.

Тестя и тещу называют *ð'áду* и *бáбá*. Однако это лишь одно из значений этих слов. Так, слово *бáбá* употребляется еще в четырех значениях: 1) для обозначения бабушки (соответственно *ð'áду* употребляется для обозначения дедушки); 2) для обозначения старой женщины (соответственно *ð'áду* — для обозначения старого мужчины); 3) для обозначения повивальной бабки; 4) для обозначения снежной бабы.

Свекра называют *св'ёкар*, свекровь — *св'икárвá*, зятя — *з'ет'*, невестку — *бұ́лкá*. Слово *бұ́лкá*, кроме того, употребляется для обозначения вообще молодой замужней женщины.

§ 21. Об рядовая лексика. Новый быт все шире и шире проникает в жизнь ольшанских болгар. Под его натиском старые обряды и обычаи навсегда уходят. Молодежь уже не придерживается старых обычаяев, не справляется ни церковных праздников, ни старых обрядов. Подробно о старых обычаях и обрядах не могут рассказать уже даже многие из пожилых людей, молодежь их совсем не знает.

Обрядовая лексика почти совсем вышла из употребления и хранится в пассивном запасе, главным образом — стариков. Собранный материал свидетельствует о том, что обрядовая лексика у ольшанских болгар была своя. Ольшанские болгары заимствовали из украинского лишь некоторые церковные термины. Например, название поставца для свеч (*пуста́вн'íк*), хоругви (*куругъí*), название рождественских песен (*кул'áтк'и*), название зелени, которой украшают дом на троицу (*икв'и-чán'ијă*), название пасхального кулича (*пáскă*). Наряду с украинским словом *пáскă* употребляется и свое слово — *бáлкă*, которое еще, кроме того, обозначает лапшевник.

§ 22. Среди своих слов, связанных с похоронным обрядом, интерес представляют слова *глáвн'íчкă* и *кáрпă*.

Слово *глáвн'íчкă* употреблялось в ольшанском говоре для обозначения свечи в рост покойника, которую скручивали спиралью и ставили на блюдце к изголовью, пока покойник находится в доме. Слово *главничка* есть в словаре Герова (1, 217), но такого значения не имеет. Совсем особое употребление, не известное ни по болгарским словарям, ни по диалектологическим материалам, имеет в ольшанском говоре слово *кáрпă*. Кроме значения платка, которое обычно имеет это слово, оно употребляется у ольшанских болгар для обозначения широкого длинного шарфа из домотканной материи, белого, с черными поперечными полосами, который надевали ближайшие родственники по женской линии — жена, сестры — в знак траура и носили в течение шести недель. Слово *кърпа* есть во фракийских говорах (Фр. сб., 1, 189), но там оно обозначает белый платок, которым закрывают лицо невесты, а не траурный головной убор.

§ 23. Лексика свадебного обряда у ольшанских болгар своя. Слово *пр'идáну*, встретившееся в рассказе одной женщины, было употреблено при описании свадебного обряда у русских. Для описания болгарской свадьбы это слово никогда не употреблялось. Среди названий свадебных кушаний у ольшанских болгар имеется слово *кàни́скă*. Оно имеет те же

значения, что и в болгарских словарях,— зазывное кушанье, с которым приглашают кума на свадьбу.

То же значение имеет это слово в шуменских говорах (П. Ш., 394). Цонев считал его руптизмом для этих говоров. Он писал: «*Каниска — покана, колеска* — также скорее фракийское слово» (Д. с., XX, 39). Однако Вакарельский указывает другое значение для этого слова во фракийских говорах. «На свадьбе,— пишет он,— делают и *канеска*... Она представляет собой деревце или три-пять перекрещенных веток, увешанных цветами и яблонками... *Канеска* делается для кума» (Фр. сб., I, 354).

Венчальный наряд невесты мало чем отличается от праздничной одежды. Та же *рокл'а*, *чёлъи* и пр. Главное внимание уделялось украшению головы. На голову невесты надевался венок (*в'ян'ец* — болг.), сплетенный из различных трав и цветов. Сзади к венку прикреплялись ленты (*зүн'ицъи*), а сбоку — перо (*павун'ану п'ироб*). Когда невесту вели к жениху, голову ей обвязывали длинным белым шарфом (*м'исал'*), лицо закрывали красным или белым платком (*бълу*).

Слова *зүн'ицъя*, *м'исал'* употребляются в шуменских говорах. Слово *зүн'ицъя* Цонев расценивает как заимствованное из родопских говоров. В шуменских говорах *зуница-коланче* (Д. с., XX, 95), *мисал* — длинный белый шарф, которым женщины обматывают головы, как турчанки (П. Ш., 398). Таким образом, *мисал* имеет более широкое значение в шуменских говорах, чем в ольшанском говоре. В упомянутой уже работе Милетич указывает, что *мисал* был и у еркечан: *бяла дълга кърпа, булки го носят щом съ оженят* (стр. 40).

Ольшанские болгары знают и слово *фатъ*, которое имеет то же значение, что и в русском языке, но употребляют его лишь при описании русской свадьбы.

Названия лиц по их роли в свадебном обряде в ольшанском говоре довольно своеобразны. Так, жениха и невесту называют *згуд'ян'ик* и *згуд'ян'ицъя* или *млад'ицъи* и *млад'атъя*. Слова эти, бесспорно, являются болгарскими. Сватов ольшанские болгары называют *жин'ялъя*. Слово это с тем же значением имеется у Герова, который, однако, не указывает на его диалектное

распространение. Указание на это находим у Цонева, который отнес слово *жинъиул'* к числу родопских заимствований в шуменских говорах (Д. с., XX, 91). На употребление слова *женихи* в шуменских говорах указывает и Попиванов (П. ш., 383).

Не встретилось нам ни в словарях, ни вialectологических материалах слово *бардзикбонъа*. Так называют ольшанские болгары тех участников свадебной процессии, которые едут верхом на лошадях впереди и возвещают о приближении процессии.

Свадьба у ольшанских болгар обычно длится несколько дней. Первый день свадьбы называется *зас'аф*. Именно так называют этот день и в шуменских говорах (П. ш., 385). Во фракийских говорах этот день называется *замъски* (Фр. сб., I, 338).

Теперь свадьбы по болгарскому обычанию уже не проводят. Ушли из быта навсегда и другие обряды и обычаи. Девушки уже не ходят на *сад'янки*, не собираются на *игра*, своего рода вечеринку с песнями и танцами. Заметим, что слово *игра* в таком значении в болгарских словарях неизвестно. Национальные болгарские песни знают почти только старые женщины. Национальные танцы — *чору*, *л'андра*, *праст крак* — если и танцуют, то уже не под гайду (*гайдя*) и дудочку (*цафарка*), а под гармонь или местный оркестр. Молодежь теперь свободное время проводит в клубе. Спорт, радио, кино, различные кружки — вот ее развлечения.

Вся лексика, связанная с новым бытом ольшанских болгар, с новыми развлечениями, с новым отдыхом, заимствована из русского языка. Ср. например: *радиу*, *кинупирладвийшика*, *картийна* (фильм), *кружбок*, *рол'*, *куникъи*, *лыжи*, *лимпийада*, *значклисти*, *фудбл*.

Все эти слова прочно вошли в разговорную речь ольшанских болгар и составляют неотъемлемую часть их активного словарного запаса.

3. ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ЛЕКСИКА

§ 24. Сельским хозяйством предки ольшанских болгар занимались еще до своего переселения в Россию. Поселившись на новом месте, они первоначально обратились к своим привычным занятиям, и так как у них, очевидно, уже имелась своя,

веками накопленная развитая терминология для обозначения всех знакомых им процессов, орудий и приемов труда, сырья и продуктов, то у них не было никакой надобности сразу же усваивать в этой области чужие слова.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что в ряде разделов производственной лексики (например, в названиях сельскохозяйственных культур, домашних птиц и животных, в словах, касающихся ткачества, и др.) в говоре ольшанских болгар за истекшие 180 лет никакой смены терминологии не произошло, и отдельные заимствования из чужих языков имеют здесь случайный характер, являются чаще всего неустойчивыми дублетами к своим, болгарским словам.

Однако, живя среди людей иной национальности, в новых условиях, ольшанские болгары стали постепенно осваивать такие виды работ, пользующиеся такими орудиями труда, приемами, продуктами и т. п., каких они не знали до переселения в Россию. Так, например, только после того как они поселились на Украине, ольшанские болгары стали заниматься пчеловодством. Естественно, что одновременно с усвоением новых для них процессов труда ольшанские болгары усваивали и украинскую лексику, связанную с этими процессами. Чужое слово усваивалось и в тех случаях, когда в хозяйстве имелся свой предмет, аналогичный заимствованному, но отличающийся от него какими-нибудь деталями. В этих случаях чужое слово помогало избежать смешивания понятий, позволяло четко разграничивать похожие, но не одинаковые предметы. Так, например, обстояло дело в области заимствованной терминологии, касающейся конской упряжи.

Все нововведения, произошедшие за 180 лет, усваивались ольшанскими болгарами от русских или украинцев. Так, в XIX в. стали разводить сахарную свеклу, позднее появились первые сельскохозяйственные машины и т. д. Своих слов для обозначения этих новых предметов не было, ольшанские болгары усвоили соответствующие русские и украинские слова. В XIX в. производственная лексика пополнялась преимущественно за счет украинизмов.

После Великой Октябрьской социалистической революции положение существенно изменилось. С установлением новых, социалистических отношений в деревне произошли коренные изменения — старые формы производства, а вместе с ними весь уклад старой деревенской жизни навсегда отошли в прошлое. Установились новые производственные отношения, новые способы труда, появились новые профессии, обязанности, работы, постройки и т. д. Наука и техника прочно вошли в сельское хозяйство, которое до того оставалось почти неизменным в течение многих столетий. В связи с этим производственная лексика ольшанских болгар претерпела существенные изменения. Она, во-первых, значительно пополнилась новыми словами, необходимыми для обозначения всех тех новых предметов, отношений, явлений и процессов, которые появились после 1917 г. Во-вторых, некоторое, конечно, гораздо меньшее количество слов за этот срок, особенно за годы коллективизации, выпало из основного словарного фонда, перешло в периферийные сферы словаря.

В этот период производственная лексика ольшанских болгар обогащалась главным образом за счет русского языка, причем усвоение русских слов шло преимущественно через печать.

§ 25. Названия полевых, огородных и бахчевых культур у ольшанских болгар, как мы уже говорили, в основном сохранились болгарские: *räш*, *ув'е'с*, *жýту*, *прóсу*, *и чум'ик*, *л'ен*, *кунбó'а*, *л'ештá*, *мóркул'*, *кóпár*, *лук*, *чéсáн*, *грах*, *на́чут*, *р'áпá*, *бон*, *п'ин'ér*, *п'ирá* ут *лукó*, *з'éл'и*, *кráстуфцá*, *мак*, *слáнчivá*, *пáкляджáн*, *т'íквá*, *пáн'áш*, *ð'íн'á* и др.

Среди названий полевых растений, культивируемых ольшанскими болгарами, заимствованным является название гречихи (*ұр'éчка* — укр.), а также слово *уз'им'инá* (озимые — укр.).

Из собственных названий полевых культур следует отметить название кукурузы, нечто необычное для болгарских говоров. Ольшанские болгары называют ее *гáлаб'á*, а кукурузную солому — *гáлаб'áнкá*. Слово это, несомненно, свое. Ср. у Дюверну слово *гължбы*, которое он приводит в качестве местного названия кукурузы (стр. 435). У Герова есть слова *гължбя*

и *гълъбе*, которые по значению никакого отношения к кукурузе не имеют: первое обозначает свадебный пирог, испеченный в форме голубя, второе — гречиху и ее семена.

Кукурузный початок носит у ольшанских болгар также своеобразное название — *чукён'*, не встретившееся ни в болгарских словарях, ни вialectологических материалах. Другие части растений называются тоже по-болгарски: *сём'и* (семя), *стъблъ* (стебель), *вусълъа* (ости колосьев), *корин* (корень растения и стебель кукурузы).

Среди своих названий, употребляемых для обозначения огородных и бахчевых культур, следует отметить такие, как *къпъ* (стрелка лука), которое встретилось нам в словаре Герова и в материалах по орханийскому говору (Б. о., VI, 223) с тем же значением, и *мъилънă*, которое, в отличие от многих болгарских говоров, в ольшанском говоре обозначает не слоеный пирог, а зелень бахчевых культур. Это слово с тем же значением есть у Герова и в материалах по шуменским говорам (П. ш., 398).

Слова *търал'* (головка подсолнуха) нет ни в болгарских словарях, ни в dialectологических материалах. Нет там и слова *јаткă*, обозначающего в ольшанском говоре ячейку в головке подсолнуха.

Некоторые огородные растения носят у ольшанских болгар заимствованные названия. То по-украински, то по-русски называют они, как мы уже указывали выше, сахарную свеклу. По-украински называется у них семенная свекла — *въсъткă*. Заимствованными являются также слова *табак*, *картошка*, *пътрушка*. Грядка у ольшанских болгар раньше называлась *фатъръїа*, но теперь это слово совсем забыто. Его помнят только некоторые старики. Теперь они употребляют заимствованное из украинского *гр'аткă*.

§ 26. Названия садовых растений: *абалкă* (яблони), *круша* (груша), *чир'ёши* и *въишн'иц'и* (вишни), *слънвă* (слива) — у ольшанских болгар свои. Слово *чир'ёши* они употребляют только в песнях.

В отличие от бессарабских болгар ольшанские болгары никогда не уделяли большого внимания виноградарству.

Не удивительно поэтому, что ольшанские болгары почти забыли свое название культуры винограда — *грэдъи*. Общеупотребительным названием этой культуры у ольшанских болгар является заимствованное — *с'инуγрат*.

Заимствованы названия и некоторых других садовых растений: *jágrus* (крыжовник), *убаркбсъи* (абрикосы), *шулкбвъица* (тутовое дерево), *nān'ýrkä* (сорт яблок), *скуруспл'елкä* (сорт яблок). Слово *jágrus* заимствовано из украинского языка; остальные слова есть и в украинском и в русском словарях, поэтому установить, откуда эти слова проникли в ольшанский говор, не удалось.

§ 27. Названия домашних животных и скота. Для обозначения родового понятия домашнего скота в ольшанском говоре имеется два слова: *мäкä* (с собирательным значением) и *дубъичи*. «Дубъичи — ц'е иdnö, мäкä то мл'бгу», — объяснил один болгарин разницу в значении между этими словами. Слова *мäкä* в болгарских словарях и в диалектологических материалах нет. По-своему называют ольшанские болгары стадо крупного рогатого скота — *чир'адä* — и стадо овец — *с'ипр'ијä*, но табун лошадей называют заимствованным словом *тäбүн*.

Отдельные виды домашних животных носят в основном болгарские названия: *кóткä* (кошка), *кучи* (собака), *крáвä* (корова), *кóнчи* (жеребенок), *тéлъи* (теленок), *т'ил'йцä* (телка), *прашче* (поросенок), *кузä* (коза), *уфцä* (овца), *агн'и* (маленький ягненок), *шил'и* (большой ягненок), *шупár* (боров), *куб'йла* (кобылица). Лошадь называют то по-болгарски — *кон'*, то по-украински — *кун'акä*. Тот же разнобой в названиях, употребляемых для обозначения козла, — *куз'бл* и *цап* (укр.) — и племенного быка — *б'ик* и *буγai*.

§ 28. Названия домашних птиц у ольшанских болгар все свои: *кукóшк'и* (куры), *п'ит'ел* (петух), *квóчка* и *клóчка* (наседка), *jáркä* (молоденская курочка), *п'йл'и* (цыплёнок), *ку́ркä* (индюшка), *куркáн'* (индюк), *ку́рчи* (индюшонок), *гáскä* (гусыня), *гасáк* (гусак), *нáм'и* (гусенок).

Все эти слова есть в болгарских словарях, но никаких данных об их распространении (кроме слов *куркáн'* и *jáркä*) в бол-

гарских говорах Болгарии нет. Слова *куркáн'* и *járká* (оба с тем же значением) приведены в словаре по тетевенскому говору (С. т., XXXI, стр. 291). Интерес представляют названия уток: *ráçä* (утка), *rácöi* (селезень), *ráchi* (утенок), — ни в одном опубликованном описании болгарских говоров этих названий нет.

§ 29. Названия сельскохозяйственных продуктов с лексической стороны весьма неоднородны. В этой области сохранились далеко не все старые болгарские слова; многие совершенно вышли из употребления, уступив место заимствованным из украинского и русского языков. Так, заимствованным из русского языка словом выражают ольшанские болгары само родовое понятие продукта — *прудúкт'ä*. Продукты зерновых культур называются по-болгарски — *λap*, *зárny*.

Молочные продукты все имеют свои болгарские названия: *мл'áку*, *кäjмáк*, *сурвáтка* и др.

Для обозначения творога у ольшанских болгар употребляются два равнозначных болгарских слова *шум'íк* и *вбдéвáръ*. Слово *одвара* есть в материалах по шуменским говорам (П. ш., 403). Овечий сыр ольшанские болгары называют *бр'íнзä*, свое название — *с'íр'án'ü* — помнят только некоторые старики.

Мясо у ольшанских болгар называется *кäc*. Слово это, несомненно, болгарское, но в словарях такое значение не указано. Кроме слова *кäc*, у ольшанских болгар есть слово *м'áсу*, однако оно употребляется очень ограниченно, лишь в определенном фразеологическом обороте, касающемся мясопоставок. «*Т'e шa пурástäт пó гулéм'ü*, — рассказывала одна болгарка о своих цыплятах, — и шa г'и здам на *м'áсу*» (они [цыплята] вырастут побольше, и сдам их на мясо). В других случаях она всегда употребляла слово *кäc*. Оборот *здáвáм* (*здам*) на *м'áсу* заимствован из русского языка уже в наше время.

Некоторые сельскохозяйственные продукты имеют в ольшанском говоре только заимствованные названия, например: *ð'ert'* (ячменная мука — укр.), *смýшäк* (овечий мех — укр.), *шерс* (шерстяные нитки), *щитмýнä* (щетина), *мákýхä* (конопляный жмыг — укр.).

Слова, обозначающие пшено (*пăсăт*), смесь ячменной и пшеничной муки (*п'ир'ис'еф*), кожу (*п'ичијă, р'емак*), в словарях не обнаружены; нет их и вialectологических материалах.

§ 30. Смена терминологии наблюдается и в названии отдельных видов сельскохозяйственных работ. Так, например, сев и косьба называются всегда болгарскими словами — *с'еф* и *ку-сув'ицă*, но скирдование обозначается то болгарским глаголом — *трӯпăм*, то заимствованным из русского — *ск'ирд'увăм*. А болгарское название жатвы — *жăтвă* — теперь окончательно вышло из употребления; его знают и могут изредка употребить только старики. Вместо него употребляются слова *жин'ивă* (укр.) и *уббрушнă* (рус.). По значению эти слова не различаются. Появились они в говоре в разное время: первое раньше второго. Появление слова *уббрушнă* связано с установлением коллективных форм труда в сельском хозяйстве.

С насущными задачами колхозов (обрабатывать землю согласно агротехническим нормам, засевать семенами высшего качества и т. д.) связано появление в ольшанском говоре следующих слов, заимствованных из русского: *убрабóткă, пус'ивно'i мăт'ир'јал, м'ииждур'ад'ии*.

Для обозначения молотьбы есть два слова: *мулудбă*, употребляющееся очень редко, и *мăшинбăкă*, получившее широкое распространение. Слово *мăшинбăкă* представляет редко встречающийся в ольшанском говоре пример словотворчества. Оно появилось сравнительно недавно, лишь в конце XIX в., когда в хозяйстве ольшанских болгар стали применяться молотилки, которые ольшанские болгары называли *машинами*. Таким образом, первоначально слово *мăшина* у ольшанских болгар обозначало только конную молотилку. Позднее это слово приобрело более широкое значение. Теперь оно употребляется для обозначения родового понятия машины, для обозначения автомобиля и любой машины, с помощью которой можно молотить (именно поэтому комбайн ольшанские болгары называют часто тоже *машиной*, хотя в их говоре употребляется и слово *кумбăйн*).

От слова *мăшина* со значением «конная молотилка» ольшанские болгары образовали глагол *мăшин'увăм*, также полу-

чивший широкое употребление в их говоре. От глагола *мăшинúвам* было образовано слово *мăшинóфка*.

Результатом словотворчества является у ольшанских болгар и название прополки сахарной свеклы — *cápkă*. Это слово образовано от глагола *cápam*, который заимствован из украинского. Наряду с глаголом *cápam* в ольшанском говоре встречается болгарский глагол *купáїа*, который тоже употребляется в значении «полоть», как и украинский глагол *сапати*, но лишь по отношению к прополке огородных культур, а глагол *cápam* употребляют в ольшанском говоре лишь при прополке сахарной свеклы. Отсюда ограниченное значение слова *cápkă* — прополка сахарной свеклы.

Пахоту ольшанские болгары называют украинским словом *брáнкă*.

§ 31. Любопытно, что наряду с значительными сдвигами в области сельскохозяйственной лексики без изменения сохранилась болгарская терминология, обозначающая различные виды укладки скощенных зерновых культур и сена: *укráштиц* (крестец), *кóпă* (копна), *куп'ён* (скирд) и др.

Интерес представляет слово *куп'йцă*, которое в словарях обозначает лишь уменьшительное от слова *кóпă*, а в ольшанском говоре обозначает, кроме того, стог сена.

Слово *куп'ён*, обозначающее в ольшанском говоре скирд зерновых культур, с тем же значением встретилось нам, кроме словарей, в материалах по фракийским говорам (Фр. сб., I) и в материалах по горно-джумайскому говору.

Слова *скáртă* (скирд соломы или сена) и *кули* (снопы, поставленные стоймя и связанные вместе) мы не обнаружили ни в словарях, ни в диалектологических материалах.

Очевидно, сохранение своих или усвоение чужих слов в сфере производственной деятельности было связано не только с появлением новых предметов, понятий и отношений у ольшанских болгар. Торговые связи, государственные поставки, печать, радио и другие факторы также влияли на изменение названий важнейших сельскохозяйственных работ, продуктов и т. п., тогда как такой частной сферы, как названия разных

видов укладки зерновых культур, эти влияния не касались.

§ 32. Назования орудий труда и машин. В этой области словаря произошли наибольшие изменения, определившиеся техническим прогрессом, далеко ушедшими социалистическое сельское хозяйство от сохи и мотыги. Имеется резкая грань между названиями новых сельскохозяйственных орудий и машин и словами, обозначающими старую примитивную технику. Первые всегда заимствованы, вторые — в подавляющем большинстве свои.

Ср., например, названия старых приспособлений, служащих для провеивания зерна: *дармбон'* (решето — болг.) и *јаба* (вилы — болг.) — с названием современной машины, служащей для той же цели: *с'еїлка* (рус.). Ср. также *гр'ибулка* (трабли — болг.) и *ч'рапка* (механические грабли — укр.).

Названия других сельскохозяйственных машин и их частей заимствованы ольшанскими болгарами или из украинского или из русского. Например, слова *кусілка*, *трактур*, *кумбаїн* взяты из русского, слово *жатка* — из украинского.

Для обозначения некоторых сельскохозяйственных машин употребляются дублеты украинского и русского происхождения. Так, сеялка называется и *с'еїлка* (рус.) и *с'ивалка* (укр.).

Заимствованные названия, главным образом украинские, имели и некоторые старые орудия труда. Например, цеп и его части болгары называют по-украински: *ч'ип*, *ч'ип'йну*, *б'ијак*, *кап'иця*. По-украински называются также борона — *бурона*, особый тип плуга — *пук'ар* (двухлемешный плуг), приспособление для приготовления проса — *драч*, носилки для переноски зерна — *б'истарка*.

Болгарские названия носят у ольшанских болгар такие старинные орудия труда, как соха — *ралу* и *ралка*, плуг — *плук*, части плуга — *чир'аслу*, *пр'ибуї*, *кул'асн'ик*, *јем'иш*, приспособление для молотьбы при помощи лошади — *т'иган'*, сделанное в виде доски с набитыми на ней кремешками, различные виды деревянных вил — *трујак*, *с'им'ир'ик*, название серпа — *срәп*, приспособление для рассеивания зерна в виде

двух мешков, свитых вместе и перекинутых через плечо, — *ð'исáгъи* и т. д.

Среди болгарских названий старинных орудий труда интерес представляют слова *m'игáн'*, *дáрмóн'* и *jábä*. Первые два встретились нам в материалах по фракийским говорам (Фр. сб., 1, 77, 79); слово *дáрмóн'* имеется, кроме того, в материалах по шуменским говорам (П. ш., 380); там же мы обнаружили слово *jábä* (П. ш., 733). Слова *jábä*, *дáрмóн'* и *дисáги* имеются и в говоре села Твардицы.

Многие старинные орудия труда, как *рáлу*, *ð'исáгъи*, *jábä*, *ç'ип*, давно вышли из употребления, а вместе с ними вышли из употребления и слова, их обозначающие; они хранятся теперь лишь в пассивном запасе у старииков. Однако некоторые старинные орудия до сих пор находят себе применение у ольшанских болгар, поэтому и слова, их обозначающие (*плук*, *дáрмóн'*, *бурóна* и др.), до сих пор входят в их активный словарный запас.

§ 33. Назования хозяйственных помещений колхоза. Выше мы указывали, что надворные хозяйственные постройки носят в говоре большей частью свои, болгарские названия. Однако многие из прежних хозяйственных построек теперь устарели и заново давно уже не строятся, поэтому и слова, их обозначающие, почти совсем вышли из употребления, например: *тárла́*, *чáрдáк*, *губóра*, *г'ивéч*.

Для коллективного хозяйства характерна такая специализация хозяйственных помещений, которая немыслима в единичном хозяйстве.

Новые хозяйственные постройки называются обычно или по-русски или по-украински: *куróвн'ик*, *т'ил'áтн'ик*, *клáдбáя* (и *кумóра* — укр.), *уфчáрн'á*, *чáрáш*. Лишь одно помещение носит старое болгарское название — *кун'úшн'ик* (конюшня).

Подсобные мастерские колхоза носят также заимствованные названия — *кузнá*, *плóтн'á*. Из предприятий, занимающихся обработкой и переработкой сельскохозяйственных продуктов, только мельница называется по-болгарски — *уд'áн'ицá*; остальные носят русские или украинские названия: *ул'ицн'á*

(маслобойня — укр.), *флéрмá* и *флýрмá* (молочная ферма — укр.), *мáслузáвбóт*. Это объясняется тем, что такие предприятия, как молочная ферма или маслозавод, появились в Ольшанке уже после колхозизации, тогда как с мельницами ольшанские болгары были знакомы еще до переселения в Россию.

§ 34. Транспорт. Несмотря на то, что с момента переселения вплоть до колхозизации ольшанские болгары пользовались в своем хозяйстве только конным транспортом, разумеется, хорошо знакомым их предкам еще в Болгарии, в этой области лексики также имеется значительное количество заимствований. Впрочем, различия в украинской и болгарской терминологии в данной области опирались на какие-то реальные различия этнографического порядка, различия в деталях упряжи и т. п., и, таким образом, у ольшанских болгар здесь было больше поводов для заимствований, чем, скажем, в области сельскохозяйственных продуктов.

Не только в прошлом, но и в настоящее время у ольшанских болгар имеется много разнообразных типов повозок, служащих для переездов и перевозок продуктов, скарба и пр. Среди названий этих всевозможных повозок есть и свои, например *тáл'ýгá*, и заимствованные (все из украинского языка), например *б'истáркá* (повозка, предназначенная для перевозки зерна), *фурúбн*. О появлении у ольшанских болгар фургонов имеется свидетельство Лобачевского, который указывал, что этот тип повозок они заимствовали у немецких колонистов¹.

Среди названий повозок есть дублеты. Так, арбу называют то *кулá* (болг.), то *гáрá*. Слово *гáрá*, повидимому, тоже болгарское. Его следует сопоставить со словом *гáрбá*, которое употребляется в некоторых болгарских говорах.

Для обозначения двухколки также употребляются два слова — *брýчкá* и *тáчáнкá*. Первое, возможно, свое; второе заимствовано из украинского. Интересное приспособление в виде раскрашенного сидения на рессорах употреблялось для переездов в торжественных случаях. Сидение это ставилось

¹ «Херсонские епархиальные ведомости», 1888, № 23, стр. 701.

на обыкновенную телегу. Его называли *кул'йскā*. Этого слова в болгарских словарях нет.

Отдельные части телеги или повозки называются у ольшанских болгар по-болгарски: *кул'ялб* (колесо), *стâркъи* (оглобли), *д'йшил* (дышило), *востъи* (оси колеса), *кр'йсу дâрву* (уга) и др.

Составные части упряжи носят у ольшанских болгар и свои и украинские названия. Свои — *чамут'* (хомут), *пóут* (повод); украинские — *нáр'йтн'икъи*, *нáшил'никъи*, *шл'éикă*. По-украински называется и упряжка для волов — *їармб*. Кнут тоже имеет украинское название — *б'ич*; раньше кнут называли по-болгарски — *камшик*. Ручка кнута попрежнему называется по-болгарски — *пужална*. Это слово встречается и в других болгарских говорах Советского Союза: в селах Кулевча, Бакалово, Катаржино, Терновка. Всё это юго-восточные, фракийские говоры. Украинским заимствованием, возможно, является слово *кънтарма* (уздечка). Ср. у Гринченко — *кантар* в первом значении — недоуздок. Впрочем в болгарских говорах Советского Союза большое распространение получило близкое к этому слово *кънтарми*, которое, однако, обычно обозначает не уздачку, а вожжи. У ольшанских болгар вожжи называются *чумбур*. В словарях и в диалектологических материалах оно отсутствует. Нет в них и слова *брéн'къи*, которое ольшанские болгары употребляли раньше для обозначения стремян. Теперь они употребляют слово *стр'имъина*.

Заметим здесь же, что все остальные виды транспорта в говоре ольшанских болгар носят заимствованные названия, при этом все они взяты из русского языка. Ср., например, *пóист*, *сâмâл'йт*, *їаруплán*, *пáрхóт*, *ил'иктр'йчка*, *мáшина* (автомобиль) и т. д.

§ 35. Помимо хлебопашства, разведения различных полевых, огородных и садовых культур, что всегда составляло основное занятие ольшанских болгар, они занимались также пчеловодством, рыболовством, ткачеством, плотничим и кузнецким делом, хотя все эти виды занятий, за исключением ткачества, и не имели никогда большого распространения.

Лексика, связанная с этими видами труда, также неоднородна.

§ 36. Т е р м и н ы, к а с а ю щ и е с я ткачества. Среди домашних ремесел наибольшее развитие у ольшанских болгар получило ткачество. Оно было основным занятием ольшанских болгарок в зимнее время. Ткачеством ольшанские болгарки занимались с давних пор, еще задолго до переселения в Россию. Именно поэтому вся терминология, касающаяся тканья и предварительных процессов — прядения, подготовки основы и т.п., — у ольшанских болгар своя.

Всевозможные приспособления, служащие для приготовления пряжи, сам ткацкий станок и его части — все это у ольшанских болгар называется по-болгарски. Лишь мялка для конопли и прялка имеют у ольшанских болгар украинские названия. Повидимому, с этими орудиями ольшанские болгары познакомились и стали употреблять их только в России. Вместо ножной прядки с колесом у них прежде была более примитивная прядка — *чүркә*, с помощью которой прядут шерсть и в настоящее время. Верхняя часть *чүрк'и*, за которую привязывается *вальнә* (овечья шерсть) или *ватә* (хлопок), называется в ольшанском говоре *кә жайл'*. Это слово есть не только в словарях, но и в некоторых диалектологических материалах, в частности — в материалах по шуменским говорам (П. ш., 393), по орханийскому говору (Б. о., 118), а также в материалах по западным говорам (М. з., XIII, 292). Нижняя часть *чүрк'и* в виде деревянной лапы, на которой сидят во время прядения, называется у ольшанских болгар *стайлә* — название, не встретившееся нам ни в словарях, ни в диалектологических материалах.

Свообразное название у ольшанских болгар носит мотовило — *аршиң*, которое, кроме того, обозначает меру длины. Мотки шерсти, снятые с мотовила, называются у них *пул'в'инкә*. Это слово есть у Дювернуа, но не в словарике, а в тексте к слову *пасмо* (стр. 1603). Слово *половинка* имеется с тем же значением в западных болгарских говорах (М. з., XIII, 260—62).

Приспособление, служащее для наматывания пряжи на спульки, называется *чикрәк*, а его части — *вартъелк'и*, *кобл'ица*,

сукáлу, мăсýр'. Слова *вëртёлки, кóлица, сукáло* имеются с тем же значением не только в словарях, но и в материалах по шуменским говорам (П. ш., 378, 391, 424). Слово *кóлица* в болгарских словарях имеет ударение не на первом слоге, как у ольшанских болгар и в шуменских говорах, а на втором — *колýца* (Г., I—II, 388).

Мăсýр' — это пшулька в виде полой трубки, сделанной из тростника и служащей для наматывания пряжи, приготовляемой для основы. То же значение для слова *масур* указывает Геров (III, 52).

В некоторых диалектологических материалах это слово имеет значение кукурузного початка, например в орханийском говоре (Б. о., VI, 234).

Другое название для такой пшульки — *кăлмукáн'*, — употребляемое в ольшанском говоре, также имеется в материалах по шуменским говорам (П. ш., 383).

Приспособления для приготовления основы носят названия *клуб'ијá* и *снувалкá*. *Клуб'ијá* — это рамка с дырочками, в которые вставляются *кăлмукáн'а*, надетые на металлические или деревянные стерженьки. Нити, идущие от пшуль, надетых на *клуб'ијá*, собирают вместе и перематывают на *снувалк'у*, сделанную в виде рамы, в которой вместо дырочек сделаны крючки. У Дювернуа есть слово *клувиј*. Оно имеет то же значение, что ольшанское *клуб'ијá*. У Герова есть слово *клувию*, но оно имеет совсем другое значение — клетка (II, 373). В диалектологических материалах этих слов мы не нашли. Ткацкий станок у ольшанских болгар называется *кăдвамънъи* — название, по болгарским словарям не известное. Зато именно так называется ткацкий станок в шуменских говорах, обследованных Попивановым (П. ш., 392). Некоторые части ткацкого станка в шуменских говорах имеют названия, сходные с ольшанскими: в шуменских говорах *запрегалка* (П. ш., 385), в ольшанском — *зăпr'агáлу* (клин, при помощи которого поворачивают и закрепляют *крабсну*). Интересно, что ни у Герова, ни у Дювернуа этих слов нет. Ср. в шуменских говорах *ватъли* (П. ш., 376), во фракийских — *вáтли* (Фр. сб., I. 141), в

ольшанском — *вáтáл'á*. Слово это известно и в болгарских словарях, но с твердым л — *ватала*. В шуменских говорах *пóдно-же* (П. ш., 292), в ольшанском — *пóднужжá*. У Герова с тем же значением есть слово *подно́жь* (IV, 95). Слово *пóднужжá* имеется во фракийских говорах (Фр. сб., I, 143). Остальные названия различных частей ткацкого станка — *нýшт'áлк'и*, *скрýпт'и*, *бáрду*, *кróсну*, *сувáлкá*, употребляемые в ольшанском говоре, — есть также в болгарских словарях. Слова *кроснó*, *нищéлки*, *скрápци* есть во фракийских говорах (Фр. сб., 141—142). Особое приспособление для тканья диагонали называются *йзéад'á*. Это слово не встретилось ни в словарях, ни вialectологических материалах.

Все материалы, изготовленные на ручных ткацких станках, носят болгарские названия: *плáтну*, *сúкну*, *ðim'ýт'ину*. Лишь родовое понятие для домотканной материи обозначается украинским словом *сáмурóпкá*. Все же сорта покупной материи носят у ольшанских болгар сплошь заимствованные¹ названия. Ср., например: *с'ýт'иц*, *áтлás*, *сáт'ýн*, *мáнуфáктúра* и т. д.

Теперь ольшанские болгары шьют одежду главным образом из покупной материи и ткачеством почти не занимаются. В связи с этим ткаческая терминология выходит из употребления. Молодежь ее почти не знает, а если и знает, то никогда не употребляет. Ее еще помнят и употребляют только некоторые старые женщины, которые иногда и сейчас ткут, но преимущественно дорожки и ковры.

§ 37. Пчеловодство и рыболовство. До переселения в Россию ольшанские болгары, видимо, не занимались специально пчеловодством и рыболовством.

Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют следующие языковые данные: среди названий рыб и рыболовной снасти, за исключением названия самой примитивной удочки — *вáд'ицá*, у ольшанских болгар нет ни одного своего слова. Термины, касающиеся рыболовства, в ольшанском говоре немногочисленны и все заимствованы из украинского.

Все термины пчеловодства, кроме названий пчелы, улья и воска, также заимствованы ольшанскими болгарами из

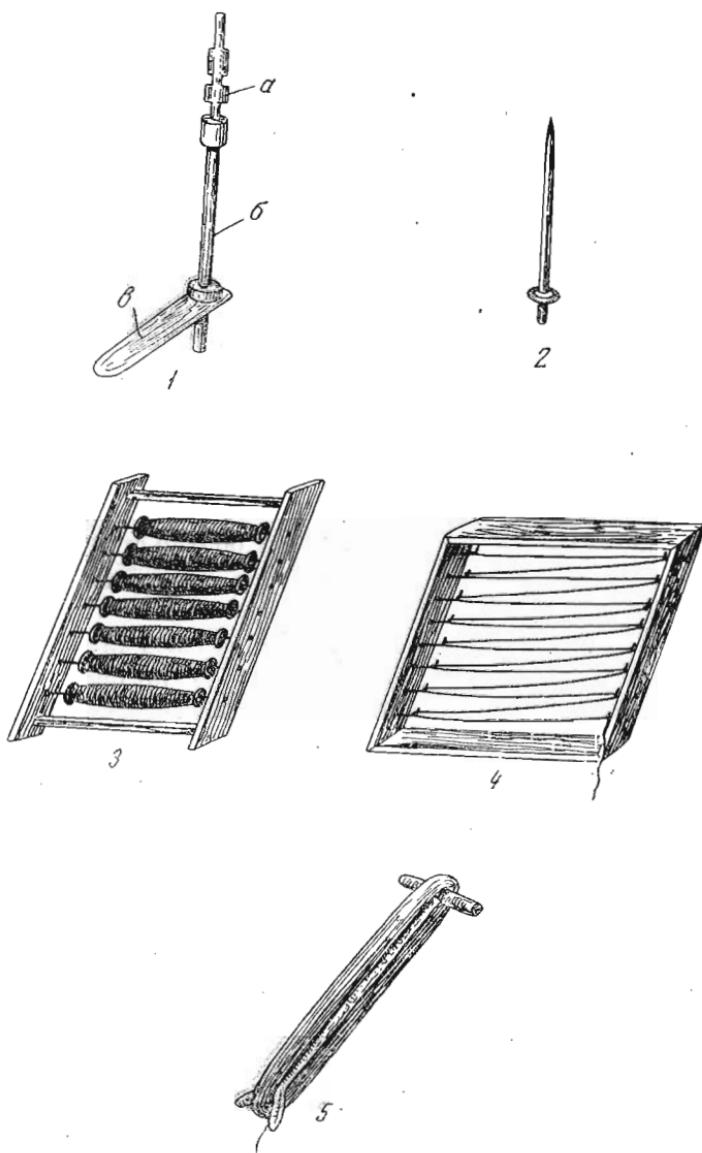

Рис. 5. Приспособления для ткачества

1 — ю́рка: а — на́жил (снимается), б — ю́рка, в — стáлка; 2 — вáртлéну,
3 — клювтшá; 4 — спувáлка; 5 — ѿрши

украинского языка. В отличие от рыболовной терминологии пчеловодческая представлена в лексике ольшанских болгар очень богато. Это свидетельствует о том, что болгары на Украине специально занимались разведением пчел, что подтверждается и историческими данными. Лобачевский в своей «Летописи» специально отмечал, что пчеловодство одно время у ольшанских болгар процветало¹.

Решив заняться по примеру украинцев пчеловодством, ольшанские болгары, естественно, вместе с самим занятием заимствовали у украинцев и их терминологию. Интересно, что для обозначения человека, занимающегося разведением пчел, в ольшанском говоре употребляется четыре названия и ни одно из них не является исконно своим. Два из них заимствованы из украинского — *пáс'ишин'ик* и *бжисилувóт*, третье заимствовано из русского — *пчилувóт*, а четвертое является новообразованием, появление которого у ольшанских болгар стало возможно лишь после поселения их среди украинцев, — *бжисолáр* (корень — укр., суффикс — болг.).

Улей у ольшанских болгар называется *стýб'áл'*. Это слово есть в болгарских словарях и в материалах по орханийскому говору, но там оно обозначает не улей, а корыто в виде выдолбленной колоды, служащее для водопоя скота. Наряду со словом *стýб'áл'* у ольшанских болгар употребляется украинское слово *вýл'ик*.

Пчелу ольшанские болгары называют *п'ишилá*. Ср. в шуменских говорах, по данным Попиванова, — *пишёла* (П. ш., 407).

§ 38. Термины, касающиеся плотничьяго и кузнечного дела. Плотничеством и кузнецким делом ольшанские болгары занимались лишь по мере надобности в хозяйстве.

Вся терминология, касающаяся кузнечного дела, заимствована ими из украинского или русского языка.

Среди названий плотничьих инструментов у ольшанских болгар есть свои. Так, по-болгарски называются топор —

¹ «Херсонские епархиальные ведомости», 1888, № 18, стр. 541.

брáдвá, пила — *тр'ијбн'*, молоток — чук. Нетрудно заметить, что все эти инструменты имеют широкое применение в быту. Плотничьи инструменты более специального назначения в ольшанском говоре носят заимствованные названия. Ср., например, название деревянного молотка (*к'ијáнкá* — укр.) или слова *сé'брлá, стам'ескá* и др.

§ 39. Н а з в а н и я л и ц по роду их занятия. Совершенно естественно, что изменения, произошедшие в названиях лиц по роду их занятий, соответствуют тем изменениям, которые мы отметили в других разделах производственной лексики.

Усвоение новых отраслей сельскохозяйственного производства и ремесел, применение машин, наконец, внедрение новых принципов организации труда — все это способствовало появлению новых профессий, а следовательно, и связанных с ними названий.

Коллективные формы ведения сельского хозяйства неизбежно ведут к определенной специализации по отраслям сельскохозяйственного производства. Эта специализация породила много новых профессий и должностей с определенным кругом хозяйственных обязанностей.

В ольшанском говоре для обозначения этих новых должностей используются лишь отчасти старые болгарские слова, например: *черáдн'íк* (пастух), *үфчér* (овчар). В большинстве же случаев они носят заимствованные русские названия, например: *вулбен'íк*, *кóн'ух*, *издбóф* (ездовой), *т'ил'áтн'ицá*, *бр'иггáд'íр*, *мулукувóс* и др.

Названия лиц по профессиям, наследившим себе широкое применение в сельском хозяйстве лишь со временем коллективизации, также заимствованы в основном из русского языка: *а́трупóм*, *в'ит'инáр*, *жисвóтнувóт*, *трактур'íст*, *кумбáін'éр*, *бухáлт'íр*, *шóб'íр*.

Среди названий лиц по профессиям, известным с давних пор, в ольшанском говоре находим не только русские, но и украинские заимствования. Например, слова *мурóфишчик* (каменщик), *бáбá-брáнкá* (повивальная бабка) заимствованы из украинского, а *плóтн'íк*, *кузн'éц* — из русского.

В ольшанском говоре имеется три слова для обозначения портнихи: *т'ирз'якъ*, *шибачка*, *пуртиа*. Первое слово болгарское. Оно почти вышло из употребления. Слово *шибачка* есть и в болгарском и в украинском языках. Никакой семантической разницы между словами *шибачка* и *пуртиа* нет, и они употребляются в живом языке одинаково часто.

4. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

§ 40. Изменения, произшедшие в этой области словаря ольшанских болгар со времени их переселения в Россию, так значительны, как ни в одном из разобранных выше разделов лексики. По существу, для обозначения всех общественно-политических понятий, предметов, отношений, процессов—государственных, административных, собственно политических, правовых, социальных, военных, медицинских и т. п.—ольшанские болгары пользуются заимствованными словами. Болгарские слова встречаются здесь крайне редко, в виде исключения.

Объясняется такое положение не только тем, что эта область лексики вообще подвержена наибольшим изменениям. Решающую роль играли другие обстоятельства.

Во-первых, в XVIII в. болгары не имели самостоятельного государства, так как еще в XIV в. они попали под власть турок. У них не было своей национальной администрации, суда, армии, общественных учреждений, школ и т. п. Естественно поэтому, что своя терминология в этих областях у них или вовсе отсутствовала или была развита слабо, отличалась архаичностью.

Во-вторых, болгары, поселившиеся в 1774 г. в Ольшанке, были носителями одного из местных говоров, словарный состав которого был узок и ограничен в конечном счете практикой той сравнительно небольшой группы населения, которая была носительницей данного говора. Сами условия жизни — замкнутое натуральное хозяйство, отсутствие политической жизни, школ, печати, постоянных связей с другими областями страны—сводили к минимуму потребность в общественно-политической терминологии.

Вот почему с переселением в Россию, где ольшанские болгары были поставлены в иные общественно-политические условия (иная государственность, администрация, юрисдикция, служба в армии, военные поселения, наличие школы и т. п.), они не могли воспользоваться своей общественно-политической лексикой и целиком усвоили русскую терминологию.

Естественно, что ольшанские болгары усваивали терминологию русскую, а не украинскую, так как они жили в пределах русского государства; русский язык был принят в армии, судебных и других официальных органах. В Ольшанке постоянно была русская администрация и в школе детей обучали на русском языке.

§ 41. До Великой Октябрьской социалистической революции ольшанские болгары усвоили такие слова, как *кăзнă мăн'и-флест*, *кулун'йст'ă*, *пус'ил'ён'чи*, *утрубн'й участк'и*, *упшнă*, *стáрустă*, *учйт'ил'*, *шкёлă*, *штап* и т. п.

Некоторые термины, касающиеся социальных отношений в царской России, заимствованы были ольшанскими болгарами из украинского языка. Так, например, они почти всегда называют по-украински помещика (*пан*) и крепостное право (*пáншинă*), хотя знают и заимствованный из русского языка термин *кр'ипуснбї прâву*.

Однако в этот период общественно-политический словарь ольшанских болгар был необычайно скучен, составлял ничтожную часть всего словарного состава говора. В условиях царской России деревенская жизнь оставалась замкнутой, отсталой. Наука, техника, литература, культура в целом почти не проникали в деревню; училище в Ольшанке было четырехклассное, да и в нем обучались далеко не все дети; книги были редкостью.

§ 42. Великая Октябрьская социалистическая революция всколыхнула широчайшие слои крестьянства, в том числе и ольшанских болгар, приобщила их к культурной и общественно-политической жизни всего государства, сделала их сознательными, активными строителями коммунистического общества.

Быстрый рост грамотности среди ольшанских болгар и постоянное повышение их культурного и политического уровня при помощи школы, радио, газет, журналов, книг, кино, лекций и т. п. неизмеримо обогатили и активизировали их общественно-политический словарь.

Из старых общественно-политических заимствований в активном словарном запасе говора сохранились такие слова, как *учýт'иц'*, *шкóлà*, *кн'ýгä*, *гоңсудáрству*, *вóиску*, *кумáндýр* и т. п.

Старая лексика, связанная с общественно-политическим строем царской России, с царской администрацией, военными поселениями и другими учреждениями, вышла из употребления.

Словарь ольшанских болгар необычайно интенсивно пополняется новыми социальными и общественно-политическими терминами, отражающими новую советскую действительность.

Между прочим, о возросшей политической и общественной активности ольшанских болгар свидетельствует даже такой частный факт. Раньше в говоре для обозначения собрания употреблялось лишь одно слово — *збор*, заимствованное из украинского языка; в настоящее время, кроме слова *збор*, употребляются еще четыре термина: *сáбрáн'ии*, *сáвишишáн'ии*, *м'йт'инк*, *конферéнциà*.

§ 43. Основным источником пополнения общественно-политического словаря ольшанских болгар, как и прежде, является русский язык. Это связано с той выдающейся исторической ролью, которую играл и играет великий русский народ в братской семье народов нашей страны, с его ведущей ролью на всех этапах строительства социалистического общества.

В формировании новой общественно-политической терминологии и особенно в ее распространении среди широчайших масс населения большую роль сыграла наша советская пресса, прежде всего — центральные всесоюзные органы печати, а также радио.

В 30-е годы, в годы колхозного строительства и формирования новой колхозной терминологии, в Ольшанке изда-

валась районная газета «Колективен труд», которая позже была переименована в «Колхозен труд». Газета издавалась на литературном болгарском языке, причем местные фонетические и морфологические особенности ольшанского говора в ней не учитывались. Столь же последовательной газета стремилась быть и в отборе лексики, избегая специфических местных слов, хотя часто они все-таки попадали на страницы газеты, во-первых, через селькоровские заметки, во-вторых, для пояснения таких слов болгарского литературного языка, встречающихся в газете, которые не употребительны в ольшанском говоре. Ясно, таким образом, что пользоваться материалом этой газеты для изучения говора ольшанских болгар можно лишь весьма ограниченно.

Здесь нам важно отметить и другое обстоятельство, делавшее невозможным для газеты строго придерживаться лексики и фразеологии литературного болгарского языка. Дело в том, что болгарский литературный язык тех лет не мог удовлетворить потребностей ольшанских колхозников, читателей и корреспондентов газеты в современной общественно-политической лексике. В этих случаях они обращались за необходимыми терминами к центральной прессе.

Общественно-политическая и хозяйственная тематика составляла основное содержание газеты «Колхозен труд». Вот почему так широко использовалась на ее страницах лексика и фразеология русского литературного языка.

В газетных статьях постоянно употреблялись такие слова и выражения: *план по посевната кампания, на единоличния сектора, дневните задания, на силосния фронт и силосното строителство, под знака на соцсоревнованието, на критиката и самокритиката, ударничество, стахановци и стахановки, се включи в хлебозаготовката, хода по подготовката, трудодни, селсъвет, колхоз, детяслите¹, звенови, добре организираното обществено питание, помощ на многодетни майки, ликбеза, пионерите и т. п.*

Таким образом, новая политическая и общественная терминология создавалась ольшанскими болгарами не путем

придумывания каких-то своих слов, а путем заимствования из русского языка через печать. Однако очень часто новый термин не просто брался из русского языка в готовом виде, а видоизменялся в соответствии с законами фонетики и словообразования болгарского языка.

Так, в газете «Колхозен труд» постоянно наряду со словами, взятыми непосредственно из русского языка, попадаются слова, представляющие кальки с русских слов. Например, рядом с абревиатурами *партикола*, *детясли*, *политучеба*, *зберкаси*, взятыми из русских газет, находим свои абревиатуры, созданные по образцу русских, но из своих словообразовательных единиц: *стенвестнициите*, *мясоздаването*, *хлебоздаването*. Встречаются на страницах газеты и фразеологические кальки, например: *те тряба да се обърнат с лицето към народная учител*, *у нас всичко е в порядък*, *извикаме на соцсъстезание*, *с една дума*.

Газета «Колхозен труд» была для ольшанских болгар основным проводником новой общественно-политической лексики. Но следует также учитывать и то обстоятельство, что многие ольшанские болгары могли сами читать центральные газеты и книги на русском языке.

§ 44. Усвоение новой терминологии шло первоначально через печать, а не устным путем, что отразилось на огласовке этих заимствований в ольшанском говоре. Именно этим объясняется отсутствие «аканья» у ольшанских болгар в новых заимствованиях из русского языка: безударное **о** они произносят как **у**, вместо ожидаемого **а**.

Однако печать не была единственным проводником новых русских заимствований. Позже, с развитием звукового кино и распространением радио, ольшанские болгары получили возможность постоянно слышать русскую литературную речь. При усвоении русских слов на слух «уakanья» возникнуть уже, разумеется, не могло, так как звук **у** возникает в говоре ольшанских болгар только на месте безударного **о**, а так как произнесение безударного **а** для них не представляет трудностей, то они стали произносить эти слова без всякой перегласовки.

Так, из-за наличия двух путей проникновения русских слов в говоре ольшанских болгар возник разнобой в произношении новых русских заимствований. Постоянно слышишь *калхос* и *кулхос*, *прайзвоству* и *пруізвоству*, *кантбрә* и *кунтбрә* и т. д.

§ 45. Ольшанские болгари целиком используют богатую и развитую русскую терминологию, относящуюся к государственному строю, административному управлению, партийному и советскому строительству и руководству. Сюда относится само слово *ұасударству* (в этом же значении употреблялось слово *қазна*), также заимствованное, теперь встречающееся только в речи стариков), а также названия различных государственных и партийных органов: *праv'um'ил'ству*, *м'ин'истр'ерству*, *рәiкөм пárт'ии*, *облаc*, *район*, *с'илсуv'ёт*, *ц'ентр*, *ф'инад'ел*, *закс*, *урған'изáциiтä*, *апáрат* (управленческий) и др. Слово *урған'изáциiтä* имеет в говоре те же два значения, что и в русском языке: 1) действие по глаголу *организовать*; 2) общественное объединение, союз, партийное или государственное учреждение. Ср., например: *кумсумбóл'скатä* *урған'изáц'иitä* *нап'исалä шес боiв'и л'исткä*; *прáv'ил'натä* *урған'изáц'иitä на рабутä*.

Заимствованы следующие названия лиц по партийной принадлежности, должности, званию, общественному положению и т. п.: *грáждан'ин*, *туváр'ишт'и*, *кумуn'ист'ä*, *пáртбрк*, *кумсумбóл'ц'ит'ä*, *п'ионеркä*, *кумсбрк*, *м'ин'истр*, *упулнумбчин'i*, *кунтрул'бр*, *д'ирéктур*, *зáв'едуш'ш'ä*, *пр'итс'идáт'ил'*, *Г'ирбi* *Сáв'еңкүү* *Сáјүзä*, *кäвäl'ёр саз злáт'анатä* *зэ'аzдä* и др. Слово *туváр'ишт'и* употребляется в качестве обращения к коллективу людей. Для обозначения человека, связанного с кем-либо узами дружбы, употребляется болгарское слово — *другár* (соответственно женского пола — *другáшкä* и реже — *другárкä*).

Разнообразные названия всякого рода документов и официальных бумаг: *дукум'ент*, *м'етр'икä*, *пáшпурт*, *кóп'iia*, *зайавл'ен'iи*, *д'елу*, *спráфкä*, *в'едумуст'*, *кв'итáнц'iä*, *прóпуск*, *акт* и др. Слово *д'елу* употребляется в двух значениях: 1) канцелярское дело (собрание документов); 2) работа, занятие.

Название разных форм руководства, мероприятий, деятельности: *рăспур'ажён'ии, укăзан'ии, туручён'ии, рукувбóству, зăдáн'ии, пр'идлужен'ии, р'ишён'ии, кунтроб', р'иев'иа, м'ирупр'ијам'ии, кумпáн'иа, р'ифбрма, сăв'ишиш'ан'иа, м'и-т'иин', конферéнциа и др.*

Многочисленные слова с отвлеченным значением, употребляющиеся чаще всего для выражения социально-политических, юридических и т. п. понятий: *пур'адук, зăкóн, прáву, долж, д'исципл'иин', вупрбс, вузмбэжнуст', ўрув'ин' и др.*

Слово *пур'адук*, как и в русском языке, может обозначать в говоре и социальный строй, систему управления, и состояние благоустройства и налаженности.

Ср., например: *б'из չаз'еин пур'адук н'ема* (без хозяина нет порядка) и *с'игá тăкăф пур'адук* (теперь такой порядок).

Слово *прáву* употребляется в ольшанском говоре и как юридический термин и для обозначения самого документа, в котором указаны какие-либо права данного лица (или группы лиц), например: «*Т'е б'йл'i свуббóдн'i*, — рассказывал один болгарин о своих предках.— У т'ах имáлу чил'ак кóиту ру-кувуд'и с т'ах. Рăзгн'абвăл'i гу, и тои т'еçнит'а прăвá ун'ичтоб-жил» (Они не были крепостными. У них был человек, который ими руководил. Рассердили его, и он уничтожил их документы). Однако такое употребление слова *прáву* теперь встречается очень редко. Обычно оно имеет первое значение, например: «*Бис т'еikу с'и н'ема прáву да прáв'i н'ишту*» (Без отца не имел права ничего [самостоятельно] делать), — рассказывал один старик о правах взрослого сына в хозяйстве в старое время.

§ 46. Новая, социалистическая организация труда в сельском хозяйстве и порожденные ею новые формы труда, отношения, права, обязанности и т. п. также требовали новых слов для своего выражения, и соответствующие нужные слова были усвоены ольшанскими болгарами из русского языка. Например: *кумўна* (в значении одной из форм сельскохозяйственной кооперации), *сăфхбс, кул'икт'иif, кулхбс, кулхбзи'ик'i, ид'инул'иçн'ик, прăвл'ен'ии, укрупн'ен'ии, прăзвбству, рăспу-*

р'áдук, тáb'ил', нóрмá, план, уб'ázát'ил'sтву, трудуð'én, сур'ивнусáн'ии, уðáрн'ик, пр'ém'i, хл'éбáэðáчá, ðóчvur, трут, пустáфкá, бр'игáдá, зв'инó, стулóвá, учbот, учbоччик, итбók.

Наряду с русскими заимствованиями здесь встречаются иногда и украинизмы, особенно среди терминов, относящихся к учету, например: *лánká* (звено), *остáч* (остаток), *ш'ш'одéнаk* (таблица по учету зерна), *наклáднá* (накладная).

§ 47. Только после Великой Октябрьской социалистической революции ольшанские болгары получили возможность по-настоящему приобщиться к культуре. Они получили газеты, книги, кино, радио, клуб, стали интересоваться искусством, спортом. Естественно, что для обозначения всех этих новых предметов и понятий они воспользовались русскими словами, например: *гáз'ётá, бумаgá, к'инó, к'инуп'ир'идв'йшкá, клуп, зáфклáубá, кружбóк, кáрт'йнá* (кинофильм), *ц'ирк, тáнц'i, п'jéca, кум'ид'иáнт, рол', сц'éná, ф'искул'тýра, фудбóл, зáр'áдкá, знáчк'йстlи*.

§ 48. Терминология, связанная со школьным обучением, появилась в говоре ольшанских болгар после их переселения в Россию, так как в Болгарии в XVII в., как мы уже говорили, школ не было.

До революции в Ольшанке была четырехклассная русская школа, в которой далеко не все дети имели возможность учиться. Теперь в Ольшанке имеются две неполные средние школы и одна десятилетка, где преподаются и русский и украинский языки; все дети охвачены обучением.

Ольшанская молодежь обучается на курсах, в техникумах, в университетах.

Естественно, что ольшанские болгары используют русскую и отчасти украинскую школьную терминологию, например: *шкóлá, кúрс'i, ун'ив'ирс'ит'ёт, шкóл'н'ицá, шкóл'н'ик, учин'ицá, груná, урóк, п'ир'им'éná, п'ер'ёrvá* (укр.), *искýрс'ицá, чárн'йlyу, т'им'яртк'i, кáрандáш, т'éмá, ст'ихтевр'én'ии, истóр'ицá, д'иктáнт, рáзв'áзвáм, зáдáчкá* (укр.).

§ 49. Прочно вошли в ольшанский говор общеупотребительные русские медицинские термины, например: *л'ичéн'ии*,

булъезнъи, мъидъицъинъа (в собирательном значении — медперсонал), *булъицъа, гръелка, гръдустик, тъимпъртъра, къапъи* (жидкое лекарство), *таблъетъи, укъол, дъхтур, дъхтурка*.

§ 50. Военная терминология, как мы уже говорили, была усвоена ольшанскими болгарами из русского языка. Например: *войску, слѫжба* (в значении военной службы), *прѣзузъф, кумънда, вуїнрѹк, салдат* (и *сулдат*), *капъитан, мътрбс, кумъндинър, путтулкобенъик, лаги'р', пѣрат, фронт, шинчел', пѣтрбон, танк*. Такие слова, как *вуїнъа, пълен*, повидимому, были в их словаре еще до переселения в Россию, но все военные термины, связанные с наличием регулярной армии, могли появиться в их говоре только после переселения в Россию.

Сразу после переселения ольшанские болгары вошли в состав «Бугского войска»; позднее Ольшанка была превращена в военное поселение, так что военная лексика была усвоена ими довольно рано и потом пополнялась новыми словами.

* * *

§ 51. Анализ лексики ольшанского говора показывает, что в отношении своего словарного состава этот говор в основном сохранил болгарскую специфику до настоящего времени. Несмотря на значительное обогащение лексики заимствованиями из русского и украинского языков, болгарские слова составляют и теперь самый значительный пласт как всего словарного состава, так и основного словарного фонда говора. Почти исключительно болгарская лексика используется для обозначения предметов, процессов и явлений природы, основных функций человеческого организма, основных и постоянных повседневных действий.

Болгарские слова составляют и большую часть очень богатой и развитой бытовой лексики говора. Хотя далеко не вся она входит в основной словарный фонд, однако бесспорно, что значительная часть ее, например слова, выражющие родовые понятия жилища, утвари, одежды, названия лиц по се-

мейному положению и т. п., принадлежат к основному словарному фонду.

Наконец, болгарские слова составляют значительную часть производственной лексики, причем, несмотря на наличие существенных изменений в этой области словаря, болгарские слова — названия основных видов сельскохозяйственных культур, домашних животных, птиц, некоторых видов сельскохозяйственных работ и процессов труда, продуктов и даже орудий труда — сохранились в основном словарном фонде.

§ 52. Сравнение болгарского пласта лексики ольшанского говора с данными лексики болгарских говоров Болгарии и Советского Союза показывает, что по своему лексическому составу ольшанский говор не примыкает целиком ни к одному из обследованных говоров, хотя с каждым из них у него имеется большее или меньшее число общих слов. При этом обнаруживается известное своеобразие ольшанского говора в отношении болгарской лексики. Ряд зарегистрированных нами слов или вовсе неизвестен в других болгарских говорах и литературном языке или имеет своеобразное значение, например: *стóлчи*, *гáллáб'á*, *чук'éн'*, *ст'иблó*, *чáрдáк*, *ráцá*, *бúцá*, *плáк'éтá*, *кáс*, *шт'éн'i*, *чáрдáф*, *п'ис'мéд'á*, *л'áл'á*, *кукбóн'i*, *мáká*.

Сопоставление с лексикой еркечских говоров дало очень незначительные результаты; следует, однако, учитывать, что лексика этих говоров почти не обследована.

Сопоставление с тетевенскими говорами, словарный состав которых обследован гораздо лучше, не обнаруживает сколько-нибудь значительного лексического сходства.

Больше общего в лексике у ольшанских болгар с шуменским диалектом и с фракийскими говорами. Однако по сравнению со всей массой словарного состава процент общих слов оказывается таким незначительным, что определить говор ольшанских болгар как шуменский или как фракийский только по этим данным невозможно. Так, из 1400 слов, вошедших в словарь шуменского диалекта, составленный Г. Попивановым, лишь 59 зарегистрировано нами в ольшанском говоре. Из 1100 с лишним фракийских слов, приведенных в работе

Ст. Младенова «Език на тракийските и малоазийските българи»¹, в ольшанском говоре нам встретилось менее сотни (94).

Большее лексическое сходство, несомненно, имеется между ольшанским говором и сливенскими. К сожалению, нет никаких данных о лексике сливенских говоров, кроме словаря говора села Твардицы Молдавской ССР, составленного Т. В. Швецовой². В этом словаре, насчитывающем более 1200 слов, мы обнаружили до 150 слов, зарегистрированных нами в ольшанском говоре. В действительности общих слов имеется, вероятно, гораздо больше, так как в словарь села Твардицы составительница включила только те слова, которые характеризуют лексическую специфику говора.

Однако наряду с несомненным сходством имеются и существенные различия в словарном составе ольшанского говора и говора твардичан. Многие общие слова имеют в этих говорах разное значение. Например: слово *угн'ишт'*и в ольшанском говоре обозначает шесток, у твардичан — под; слово *пăтăр* — шкалик и глиняную миску; *пл'ет* — каменный забор и плетень. Кроме того, многие предметы, понятия и явления обозначаются в этих говорах разными словами, и таких несовпадающих слов в несколько раз больше, чем слов совпадающих.

§ 53. Анализ лексики показывает также, что наряду с сохранением значительной части исконных болгарских слов в словарном составе говора произошли существенные изменения, коснувшиеся отчасти и основного словарного фонда.

Значительные изменения в жизни и быту ольшанских болгар, произшедшие со времени их переселения в Россию, особенно после Великой Октябрьской социалистической революции, изменения в социальных и политических отношениях, в содержании и организации трудовых процессов, смена орудий труда, развитие социалистической культуры — все это

¹ В кн. «Бит и език на тракийските и малоазийските българи от проф. д-р Ст. Младенов. Хр. Кодов и Хр. Вакарелски», ч. II — «Език». София, 1936.

² «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», вып. 2. М., 1952.

привело, с одной стороны, к значительному пополнению словаря ольшанских болгар новыми словами, с другой стороны — к выпадению из словаря какой-то части устаревших слов и выражений, к переходу другой какой-то части старых слов и выражений из основного словарного фонда в периферийные сферы словаря.

Большие изменения и сдвиги произошли в бытовой лексике. Полностью ушла из основного словарного фонда и, видимо, в какой-то степени совсем утратилась старая обрядовая лексика. Из этой группы в основном словарном фонде сохранились лишь такие слова, которые имели значение и употребление за пределами обрядовой терминологии, например, *в'янг'ец*, *свáдбá*, *згуð'ян'йк*, *згуð'ян'йца*.

По мере роста материального благосостояния и изменения бытовых условий у ольшанских болгар появляются новые предметы обихода — одежды, мебели, утвари и т. п., вместе с этими предметами заимствуются и их русские или украинские названия (*стул*, *пáл'mó*, *плáм'á* и др.), а одновременно из говора постепенно исчезают названия старинных предметов, вышедших из употребления (*аб'ичка*, *цárúл'i*, *рóкл'a* и т. п.).

Еще больше пополнилась производственная лексика: социалистическая организация труда, машинизация сельского хозяйства, внедрение научных методов в земледелие и животноводство и т. д. привели к появлению большого количества новых слов, причем разница между новым и старым была так велика, что часто какой-нибудь вид сельскохозяйственной работы, которую прежде совершали примитивным способом, а теперь при помощи машин, ольшанские болгары называют по-новому, например: *мáшинобфá* вместо *мулуд'бá*. Наряду с этим изменились названия многих сельскохозяйственных продуктов, появились названия новых специальностей, должностей и т. п.

Наконец, именно за время пребывания в России в ольшанском говоре выработалась развитая общественно-политическая терминология, которой раньше вообще почти не было. Особенно интенсивно она развила за годы советской власти. Многие из этих слов, бесспорно, вошли в основной словарный фонд

говора, например: *гусудáрству*, *шкóлă*, *кн҃ýгă*, *пáрт'ијă*, *пур'адук*.

§ 54. Изменения, происходившие в словарном составе ольшанского говора, подобны тем изменениям, которые происходили за эти же годы в говорах русского языка. Принципиальное различие заключалось в том, что словарный состав русских говоров пополнялся в тех же направлениях за счет общенационального русского языка, тогда как говор ольшанских болгар пополнял и развивал свой словарный запас не за счет общенационального болгарского языка, а за счет лексики других, родственных ему языков — русского и украинского. В громадном большинстве случаев эти заимствования были вызваны насущной потребностью обозначать явление или совершенно новое для ольшанских болгар или значительно отличавшееся какими-то качествами от явления, им знакомого. Таким образом, эти заимствования существенно пополняли, обогащали говор ольшанских болгар, делали его более гибким и выразительным.

В говоре не отмечено образования новых слов за счет исключенного болгарского лексического пласта.

§ 55. Наряду с усвоением русских и украинских слов для обозначения новых предметов, понятий, процессов и т. п. в говоре наблюдается тенденция к усвоению таких заимствованных слов, которые являются дублетами к болгарским словам, например: *л'исбк*, *тýчă*, *хмáрă*, *бóс'ин'*, *кун'áкă*, *буçái*, *в'ину-
çrát*, *т'íлу*, *рýк'и*, *вустá*, *пóчк'и*, *прéтк'и*, *мулуд'ицă*, *ðóчкă*, *Снаc'ифкă*, *дом*, *кр'ишă*, *л'есн'ицă*, *скáм'еikă*, *чáс'и*, *үд'еjсă*, *в'инбк*, *хárчí*, *бóбит*, *аб'éт*, *сун*, *угуçт'еñијă*, *стр'иm'инá*, *саðбк*, *çr'átkă*, *жн'иwa*, *убóрушиä*, *нáзвă*, *нáзвáнии*, *зváнијia*, *раñу*, *б'истру*, *хárашб*, *плóху*, *т'емн'i*.

56. В ряде случаев в говоре употребляются только заимствованные слова для обозначения и таких предметов, процессов, признаков, которые были хорошо известны болгарам до переселения в Россию и обозначались прежде болгарскими словами, например: *бз'иpy*, *п'ин'óк*, *вбздух*, *зáчиp'ýçă*, *пуçодă*, *мýçáр*, *ос'óл*, *куз'óл*, *цап*, *зáиç*, *в'идм'éт'*, *курупáткă*, *сквур'éц*, *саláвéj*, *п'ир'иp'иl'иçкă*, *квóчкă*, *в'удуđут*, *карп*, *jáгrус*, *шип-*

шина, дуп, жизн', бул'езн'i, стәр'ик, мулууд'иш, пл'им'ан'ица, пл'им'ан'ик, ун'учка, кул'атк'i, паска, куруч'и, хаза'ству, путуло'к, ст'е'л'а, р'амка, в'икбон'ица, кацла, яш'иш'ик, м'ишобк, г'ир'а, л'ул'ка, штук'я, плам'иа, латка, гуц, ругач, сн'идану, локшиня, упак'я, бултун, шерс, см'ушак, мак'уха, шчит'иня, м'ак'иня, ярмо, ф'ип, г'рад'ил', бурбна, в'инп'ас, хл'ибурбносту, бранка, кусу, в'ица, уружай, мулууд'иш, чуп'ик, сл'ит, ча'сум, раг'ши, ужес-пупулам, побруну, сразу, час-пу-час, на'искбс, хл'ибасблн'i.

Это свидетельствует о влиянии украинского и русского языков на лексику ольшанского говора, о том, что происходит частичное вытеснение исконной болгарской лексики заимствованными словами. Однако явление это затронуло пока незначительные слои основного словарного фонда ольшанского говора.

Гораздо важнее то обстоятельство, как слова, заимствованные ольшанскими болгарами из русского и украинского языков, подчиняются фонетическим законам, действующим в говоре. Поэтому окончательное решение вопроса о самобытности говора ольшанских болгар, как и вопроса о его первоначальной диалектной принадлежности, мы получим только после рассмотрения его звукового строя и морфологии.

У С Л О В Н Ы Е О Б О З Н А Ч Е Н И Я

- Б. о. — материал за български речник от Орхание. Записал И. К. Бешевлиев. — «Сб. за народни умотворения», т. VI, София, 1891, 232—237.
- В. — В. Василенко. Опыт толкового словаря народной технической терминологии по Полтавской губернии. Харьков, 1902.
- Г. — Б. Гриченко. Словарь української мови, 1925.
- Г. к. — Материал за български речник от с. Конопчие. Записал П. К. Гъбюв. — «Сб. за народни умотворения», т. IX, 1893, 227—232; т. X, 211—215.
- Г, том — Н. Геров. Речник на българский язык, ч. I — V.
- Д. с., XX — Чонев. Диалектни студии.— «Сб. за народни умотворения», т. XX, Пловдив — София, 1895—1904.
- М. з., X—XIII — Материал за български речник. Записал Д. Маринов. — «Сб. за народни умотворения», т. X—XIII.

-
- М. з., XVI—XVIII — Д. Маринов. Градиво за веществената култура на западна България. — «Сб. за народни умотворения», т. XVI—XVIII, 1—201.
- М. п.— К. Мирчев. Принос към словаря на неврокопското наречие.— «Македонски преглед», кн. 2, 1932, 113—134.
- Б. б.— Л. Милетич. Книжната и езикът на банатските българи.— «Сб. за народни умотворения», т. XVI, 1900.
- П. ш.— Г. Попиванов. Особенности на шуменския говор.— «Сб. на българска академия на Науките», кн. XXXIV, София, 1940, 329—464.
- С. г-д.— Материал за български речник из Горно-Джумайско, Съобщава А. П. Стоилов.— «Периодическо списание», кн. 41, 42, София, 1893.
- С. т., XXXI — К. С. Стойчев. Тетевенски говор.— «Сб. за народни умотворения», т. XXXI, София, 1915.
- Фр. сб., I — Тракийски сборник «Бит и език на тракийските и малоазийските българи», 1936, № 5, ч. I — «Бит».
-

Э. И. ПОЛТОРАДНЕВА

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ БОЛГАРСКОГО СЕЛА КИРСОВА КОМРАТСКОГО РАЙОНА МССР¹

Село Кирсово расположено на юге Молдавской ССР, неподалеку от г. Комрата. Его населяют болгары и гагаузы.

Болгары составляют большую часть населения — их около двух тысяч человек. Живут они в северной половине села.

О дате основания Кирсова и его заселении определенных сведений нет. И. Титоров указывает, что оно было основано в 1830 г.², но эта дата является ошибочной, так как село упоминается уже в официальной ведомости 1816 г.³ Основание села следует приурочивать к периоду, непосредственно следовавшему за заключением Бухарестского мира 1812 г. Это подтверждается и показаниями местных старожилов.

Болгары села Кирсова, по сведениям И. Титорова⁴, являются выходцами из болгарского села Жеравна, которое во время турецкого ига носило название Башкю. Село это находится в восточных Балканах, к югу от г. Котела. Оно упоминается в книге Л. Милетича «Das Ostbulgarische»⁴ в числе немногих населенных пунктов на Балканах, в которых наблюдается употребление членной формы слов м. р. -о.

Других сведений о говорах о-диалекта балканского типа в литературе нет.

¹ И. Титоров. Българите в Бесарабия. София, 1903, стр. 77.

² М. Г. Попруженко. Из материалов по истории славянских колоний в России. Одесса, 1909, стр. 15.

³ И. Титоров. Ук. соч.

⁴ Wien, 1903, S., 79.

Ввиду этого более подробные сведения о говоре села Кирсова представляют интерес. Они заполняют до некоторой степени указанный пробел в болгарской диалектологии.

Публикуемый материал собирался во время короткого пребывания в селе (с 30 июля по 12 августа 1948 г.) в связи с диалектологической экспедицией Института славяноведения АН СССР, организованной с целью изучения болгарских говоров МССР и УССР. Используется также материал проф. С. Б. Бернштейна, собранный им в Кирсове во время поездки в болгарские села УССР и МССР летом 1947 г.¹

* * *

§ 1. В говоре Кирсова под ударением представлено шесть гласных звуков: а, ъ, о, е, и, у. За исключением звука ъ, они ничем не отличаются в способе образования от соответствующих гласных звуков в литературном болгарском языке.

§ 2. Звук ъ, в отличие от литературного, характеризуется гораздо большей закрытостью. Это так называемый «сильно напряженный» ъ², который Л. Милетич отмечал в шуменских говорах Болгарии и который находим в говоре Чешмы-Варуиты и других говорах, представляющих шуменский диалект на территории СССР.

В безударном положении на месте этого звука произносится звук того же образования, но открытый, который в транскрипции обозначается через а, например: мъш, но мажб; къшта, но кашт'ата; ръци, но ракъ.

В сочетании с плавными этот звук произносится более напряженно, но слабее, чем под ударением. Мы обозначаем его также знаком ъ, например: връбница — върбъ, вълк — вълкъ.

§ 3. Гласные звуки о и е вне ударения подвергаются редукции, при этом степень лабиализации о и степень закрытости е

¹ См. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. I. М.—Л., 1949, стр. 387.

² В дальнейшем по типографским причинам мы обозначаем этот звук обычным знаком ъ, не отмечая его напряженности.

в говоре определяется положением безударного слога относительно ударения. В слогах, непосредственно предшествующих ударяемому слогу или непосредственно следующих за ним, на месте безударного **о** произносится **у**; в остальных слогах этот звук произносится с меньшей лабиализацией — как **оу**, например: *гбдат са* — *гудёш* — *гоудиница*, *кбсам* — *кусё* — *коусувица*.

§ 4. Безударное **е** в первом предударном, а также в первом заударном не конечном слоге произносится как **и**, например: *сёлу* — *силá*, *ден'* — *дин'б*, *веччёр'ам* — *веччиртá* — *вёчер*. В остальных предударных и заударных слогах, в том числе и в первом заударном конечном слоге, на месте безударного **е** звучит менее закрытый звук **е"**, например: *врёмеу*, *утреу*, *лётчи*, *прёвеу*, но *проблитеи*; *сёдим* — *седимнаисеу*.

Указанные изменения звуки **ъ**, **о**, **е** претерпевают вне ударения независимо от их происхождения. Так, безударное **е** произносится в говоре как **и** независимо от того, восходит ли оно к историческим **е** или **ѣ**, например: *дин'б*, *силá* — *тистб*, *синб*.

§ 5. Гласные звуки **и** и **у** никаких изменений в безударном положении не претерпевают.

§ 6. В положении под ударением в говоре наблюдается чередование гласных **a** // **e**, связанное с судьбой старого **ѣ**.

В середине слова перед твердым согласным исторический **ѣ** произносится как **a**, перед мягким согласным и в конце слова — как **e**, например: в середине слова — *л'ату* — *лётчи*, *б'ал* — *б'ели*, *д'алу* — *нидёл'a*, *б'ах* — *бёше*; в конце слова — *кадё*, *зле*, *дубрё*, *две*, *раминё*, *видё*, *умрё*.

Имеются случаи, нарушающие указанную закономерность: передко на месте ударяемого **ѣ** перед твердым согласным произносят **e** вместо ожидаемого **a**. Это наблюдается главным образом в глагольных формах прошедшего времени, например: *видёумеу*, *видёча*, *бёча*. Однако наряду с ними в говоре употребляются и 'формы с '**a**, например: *вид'атми*, *вид'ата*, *б'ата*.

Таким образом, по типу произношения **ѣ** кирсовский говор примыкает к северо-восточным.

§ 7. Наряду с чередованием **a** // **e** на месте старого **ѣ** наблюдается чередование **a** // **e**, на месте этимологического **a**

в положении после шипящих, аффрикат и **j**. Условия чередования те же: перед твердым согласным — **а**, перед мягким — **е**, например: *жáба* — *жéби*, *шáпка* — *шéпки*, *патладжáн* — *патладжéни*, *пијáн* — *пијéни*. Лишь в формах *чéша* — *чéши*, *уфчéр* — *уфчéри* чередование отсутствует, что, впрочем, не противоречит закону о переходе **а** в **е** после шипящих, поскольку в указанных формах ед. и мн. ч. находим **е**, а не **а** в силу положения перед мягким согласным.

§ 8. Говор с. Кирсова характеризуется значительным своеобразием в отношении места гласного **ъ** в сочетаниях с плавными **р** и **л**.

Как известно, проф. Б. Цонев установил для восточноболгарских говоров такую закономерность: **ъ** произносится перед плавным, если далее следует лишь один согласный; после плавного, если далее следует два согласных: *гърк*, но *гръцки* и т. д.¹

Однако, по данным проф. Л. Милетича, имеются некоторые балканские говоры, в которых эта закономерность не выдерживается (Пирдоп, Етрополе)².

Непоследовательно действует это правило и в кирсовском говоре. Здесь сочетание **ръ** наблюдается независимо от количества согласных в последующем слоге, например: *сръп*, *кръна*, *мръзлиф*, *връзвам*. Однако в говоре возможны и варианты с сочетанием **ър**. Так, могут сказать *връбъи* и *вървът*, *бръзам* и *ни бърдзай*, *връну* и *зърноб*.

В отношении сочетания **ъ** с плавным **л** в говоре выдерживается закономерность, установленная Цоневым, например: *вълна*, *вълк*, *дълак*, *мълчй*, *слънцеи*.

Отступления отмечены лишь в словах *блъгá*, *слъзъ*.

§ 9. Лабиализация гласного **е** совсем не представлена (говорят *чил'ák*, *чирéши*), лабиализация гласного **и** представлена непоследовательно. После согласного **ш** лабиализация **и** отсут-

¹ Б. Цонев. История на български език, т. III. София, 1937, стр. 170—172.

² L. Miletic. Das Ostbulgarische, S., 162.

ствует. В отношении произношения и после других шипящих (**ч, ж**) в говоре наблюдаются варианты. Могут сказать *жсу'áчми* и *жси'áчми*, *и чумик* и *и чимик*. Наиболее последовательно лабиализация и проведена в прилагательном *жусф*.

Лабиализация и, не связанная с положением после шипящих, наблюдается в членных формах прилагательных, числительных и местоимений. Как известно, членные формы м. р. ед. ч. от этих частей речи образуются обычно от так называемых полных форм на и. Так было и в кирсовском говоре. Под влиянием членной формы, которая в безударном положении звучит в говоре как у, конечная гласная основы подверглась лабиализации. В результате имеем в говоре формы подобные *гулём'уф* со вторичным изменением конечного ў в ф (см. § 11).

§ 10. Характерной особенностью консонантизма кирсовского говора является наличие в составе согласных фарингального ү и билабиального ў. Звук ү употребляется на месте исторических звуков х и ф, например: на месте х — *уүб*, *дрéчи*, *транé*, *б'áча*, *б'áчми*; на месте ф — *үбрми*, *сүгрé*, *картбóги*.

§ 11. Звук ў употребляется в начале и середине слова на месте губно-зубного в перед лабиализованными гласными о, у, например: *үбл*, *үбсак*, *пра́юу*, *цирүүли*.

Звук ў, употребляемый в конце слова, восходит к гласному у.

Билабиальное в на месте у находим в членных формах м. р. имен прилагательных, числительных и местоименных прилагательных: *гулём'уү*, *малк'уү*, *първ'уү* и т. д.

Результатом дальнейших модификаций конечного ў в указанных формах было появление в говоре согласного ф на месте гласного у: *гулём'иу*, *гулём'уу*, *гулём'уү* (*гулём'ув*), *гулём'уф*.

В кирсовском говоре употребляются и формы на уү и формы на уф.

§ 12. Кроме того, звук ф употребляется в говоре на месте этимологического согласного в, что явилось результатом диссимиляции, например: *фл'áзам*, а также вместо предлога в — *ф лидбó*, *ф нéгу врёми*, *ф б'чуви*, *ф бган'у*.

§ 13. В говоре наблюдается утрата некоторых согласных, но лишь в отдельных словах.

Согласный в опускается в следующих словах: *удъ*, *уінъта*, *удиницъ*, *тр'аба*, *хъбау*, *върѣ*, а также в формах аориста от глаголов с основой на согласный в: *напрѣіих*, *забрѣіих* и т. п.

Утрата согласных д и г происходит лишь в интервокальном положении: *ð'ао*, *чуўн*.

§ 14. В глаголе *мбъга* на месте интервокального г выступает ё: *мбїа*, *мбїиш*, *мої*, *мбїим*, *мбїити*, *мбїат*.

§ 15. В говоре наблюдаются следующие изменения в сочетаниях согласных: дн→нн: *глайнна*, *пайнна*, *пуплайннеи*. Формы числительного *иднá*, *иднб*, *иднй* (мн. ч.) произносятся без долгого затвора: *инá*, *инб*, *инй*.

мн→*мл*: *млбъгу*;

пт→*фт*: *фтица*, *фтичеи*;

хв→*ф*: *фъргам*, *фърлила*;

фч→*хч*: *ухчёр*;

хч→*фч*: *кужуфчеи*;

пч→*хч*: *нобхчеи*.

§ 16. Для кирсовского говора характерно наличие мягкости конечных согласных н, т, л, р, к: *кон'*, *бган'*, *ден'*, *път'*, *зет'*, *нет'*, *надзат'*, *сол'*, *чувал'*, *хуту́л'*, *другар'*, *пипер'*, *кухар'*, *пазар'*, *изик'*, *ичумик'*, *ишумик'*, *батак'*.

В говоре наблюдается также мягкость согласного л внутри слова перед твердым согласным к, например: *сувал'ка*, *укрипал'ка*, *нйштил'ка*, *абъл'ка*, *увијел'ка*.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

§ 17. Имена существительные, как и в других болгарских говорах, не изменяются по падежам, но имеют категорию рода и числа. В говоре различается три рода (мужской, женский и средний) и два числа (единственное и множественное).

В говоре употребляются особые звательные формы от имен существительных мужского и женского рода.

Все имена существительные образуют так называемые членные формы.

Формы единственного числа

§ 18. Имена существительные м. р. в ед. ч. оканчиваются на твердый или мягкий согласный и -и: *чил'ák, мъши, ўол, въп, другáр', път', уружáи* и т. п.

Лишь небольшая группа имен существительных нарицательных в ед. ч. оканчивается на гласные -а или -у. К ним относятся слова, обозначающие лиц мужского пола: *баштá, Ѹайду* и др.

На гласный могут оканчиваться также мужские имена, например: *Сáва, Гáн'у*. Среди них много заимствованных из русского языка, например: *Ст'бна, Вáн'у*.

§ 19. Имена существительные ж. р. в подавляющем большинстве имеют в ед. ч. флексию -ъ под ударением, в безударном положении -а, например: *удъ, глаeъ, стинъ, мугъ, рýза, зýма, кéшта, рбкъл'a, ниdéл'a*.

Лишь незначительная часть имен существительных ж. р., а именно — слова, обозначающие лиц женского пола, имеют и под ударением флексию -а, например: *жинá, мумá, даштиp'á, систрá*. Последнее встретилось и с флексией -ъ, что свидетельствует о намечающейся тенденции к обобщению.

Часть имен существительных ж. р. оканчивается не на гласный, а на согласный: *нош, ръш, пръс, сол', проблеmт* и др.

Имена существительные ср. р. оканчиваются на б (у) или на ё (е^и): *укбó, жýту, дитё, күче^и* и др.

Формы множественного числа

§ 20. Для образования форм множественного числа от имен существительных м. р. в говоре употребляется несколько флексий: -и, -уви, ишта, -а.

Самой распространенной является флексия -и. Все многосложные имена существительные на согласный и часть односложных имеют флексию мн. ч. -и, при этом ударение в формах мн. ч. падает на тот же слог, что в формах ед. ч., например: *салдáт — салдáти*.

Если имена существительные оканчиваются на согласный -к, то в формах мн. ч. в результате чередования имеем основу на -п: *baipák* — *baipáci*.

Из односложных имен существительных м. р. флексию -и во мн. ч. в говоре имеют следующие:

дён' — *дни*,
зъп — *зъби*,
сноп — *снóпи*,
лис — *лýсти*,
кон' — *кóни*,
мъш — *мъжси*,
джам — *джáми*.

Наряду с формой *кóни* в говоре употребляется форма *кунé*.

С флексией -и образует форму мн. ч. и имя существительное *баштá* — *баштй*.

Флексии -уви и -ишта употребляются в говоре для образования форм мн. ч. преимущественно от имен существительных односложных. С помощью флексии -уви форму мн. ч. образуют следующие имена существительные:

йол — *йóлуvi*,
дъш — *дъ́шдуvi*,
стол — *стблуvi*.
бр'ак — *бр'áгуvi*,
тел — *тéлуvi*,
клас — *клáсуvi*.

Заметим, что и в этом случае ударение остается на том же слоге, что и в ед. ч.

Наряду с указанной формой *джáми* в говоре употребляется и форма *джáмуvi*.

С флексией -уви образует мн. ч. многосложное имя существительное *ð'áду* — *ð'áдуvi*.

Флексию -ишта находим в формах мн. ч. от односложных имен существительных *път'* — *пóтишта*, *гроп* — *грóбишта*.

Имя существительное *крак* образует форму мн. ч. с флексией -а: *кракá*.

§ 21. С именами числительными в говоре употребляется особая форма мн. ч. от имен существительных м. р.— так называемая «бройна форма».

Для образования этой формы употребляется флексия -а, например: *два кóн'a, три п'ёт'a, чéтиp' бráта, трíста кíлу-мéтра.*

§ 22. Для образования форм мн. ч. от имен существительных ж. р. в говоре употребляется флексия -и, при этом ударение, как и при образовании аналогичных форм от имен существительных м. р., остается на том же слоге, что и в формах ед. ч., например: *жинá — жинí, муγó — муγí, рíза — рíзи.*

Лишь при образовании формы мн. ч. от имени существительного *ракó* ударение переносится с флексии на основу: *рóци.*

Имя существительное *кéшта* имеет во мн. ч. форму *каштá.*

§ 23. Имена существительные ср. р. имеют несколько флексий для образования форм мн. ч.: -а, -ета, -е, -и.

Подавляющее «большинство» имен существительных ср. р. образует формы мн. ч. с флексией -а, при этом ударение всегда падает на флексию, например: *сéлу — силá, лóзеu — луз'á, дитé—дицá, сéрцеu — сарцá, сéмеu — симинá.*

Лишь от имен существительных с суффиксом -инц-, обозначающих детенышей, формы мн. ч. образуются с флексией -а без переноса ударения: *тéлинцеu — тéлинца, кúлинцеu — кý-линца.*

Имена существительные с суффиксом -че- и имена существительные, обозначающие детенышей животных, птиц и т. п., образуют уменьшительные формы мн. ч. с флексией -éta (та), например: *мумчé — мумчéта, кúчeу — кúчéта, прасé — прасéта, пíлeу — пíл'та, агнeу — агн'ta.*

Имена существительные *укó, уγó* образуют форму мн. ч. с флексией -и: *учí, уши.* Эти формы, так же как и формы мн. ч. от имен существительных *ráму, кул'áну — раминé, кулéни,* являются остатками двойственного числа.

Звательная форма

§ 24. Для образования звательной формы от имен существительных м. и ж. р. употребляются флексии **-о** и **-е**, которые не подвергаются редукции в безударном положении, например: *С्�т'оно, іе"ла' түка!* Сынко, дунес ми удѣ! Вáсе, ко глéдаш? *Куме, хаїде" идим на сидéнките!* Л'убо, кóлку вйкам та? *Кумице, кóлку рýба си улувýла?*

Остатки падежных форм

§ 25. От имен существительных м. р., обозначающих лиц мужского пола, в говоре употребляются, кроме указанных форм ед. ч., особые формы с флексией **-а**, представляющие собой остатки винительного падежа. Они употребляются для выражения прямого или косвенного дополнения, например: *Исфíрли"а Никонлáја ут слúжбата; рабутих хýбау и слúшах бригадýра.*

§ 26. Сохранение отдельных падежных форм наблюдается также в говоре в наречиях, являющихся по происхождению своему именами существительными, например: *дéне"м* (бывш. творит). *наплáнне"* (бывш. местн.), *зýме"* (бывш. местн.).

Членные формы имен существительных

§ 27. Имена существительные м. р. в ед. ч. имеют член **-б** (-у), например: *ше" месим хл'абу; рабути^{ми} и аз и мајсб ми; т'а сиди на прагб; шайим чувал'у.*

Имена существительные ж. р. с окончанием на гласную образуют членную форму с членом **-та**, например: *крабата нéска глáнна; тривъта растé.*

От имен существительных ж. р. с основой на согласную в говоре употребляются членные формы, **-тá** и **ть**. Могут сказать *пиштá и пиштó, мастá и масть*.

Существительные ср. р. имеют членную форму **-ту**, например: *пýтат мумáчту тугáва; напрёт слéнциту; лóзитуса садý.*

Во мн. ч., независимо от рода, имена существительные, оканчивающиеся на **-и**, **е**, имеют член **-те**: *мъжите^и*, *жините^и*, *ушите^и*; имена существительные, оканчивающиеся на **-а**, имеют член **-та**: *краката*, *дицата*, *луз'ата*, *кучтата*, *имината*.

Членные формы имеют значение определенности. Они указывают на то, что предмет, явление и т. п., о котором идет речь, или уже упоминался в речи и потому известен беседующим, или еще не был упомянут в речи, но представляется известным говорящему.

Приведем небольшой отрывок, иллюстрирующий употребление членных форм имен существительных в кирсовском говоре:

— Прáви м кирпíчи ут кал. Ф калó тúргаш пл'áва и стáва кирпíчи. Ут кирпíчите^и прáвиши дувáри, на дувáрите^и тýр-гаш дръвá, прáвиши крýша. На крýшта тýргаш кири мáди. Покрýваш крýшта тъi, и гáту валý дъш, ни кáни.

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 28. Имена прилагательные изменяются по родам и числам, но, так же как и существительные, они не имеют падежных форм. Так же, как и имена существительные, они могут употребляться без члена и с членом.

§ 29. От большинства имен прилагательных образуется две формы м. р. — краткая и полная. Краткая представляет собой чистую основу: *хýбаф*; полная оканчивается гласной **-и**: *хýбави*. Обычно полные формы употребляются только с членом, но есть категория имен прилагательных с суффиксом **-ск-**, от которых и без члена в м. р. употребляется только полная форма. Скажут *български*, *турски* и т. д.

Формы ж. р. имен прилагательных в ед. ч. имеют флексию **-а**: *хýбава*; формы ср. р. — флексию **-у**: *хýбau*.

Для образования мн. ч. для всех трех родов употребляется флексия **-и**: *хýбави*.

§ 30. Одной из характерных особенностей морфологического строя кирсовского говора является употребление особых

членных форм от прилагательных м. р. ед. ч. на *-'уф* (*'уу*): *гулём'уф*, *малк'уф*, *прбст'уф*, *хýтр'уф*. Они резко противостоят соответствующим членным формам имен существительных.

Членные формы от прилагательных ж. и ср. р. образуются так же, как и от соответствующих имен существительных с членами *-та*, *-ту*: *хýбазата*, *хýбауту*.

Во мн. ч. для всех трех родов употребляется форма с членом *-те^и*: *хýбавите^и*.

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 31. Личные местоимения. Личные местоимения существительные имеют категорию рода, числа. В отличие от имен существительных они образуют падежные формы. В говоре различается три падежа: именительный, винительный и дательный. Косвенные падежи имеют две формы — полную и краткую.

Ниже приводится таблица склонения личных местоименных существительных, употребляемых в кирсовском говоре:

Число \ Падеж	Единственное				
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо		
И.	аэ	ти	то ^и	т'a	то
Д.	мéни, ми	тéби, ти	нéму, му	нéи, ѿ	нéму, му
В.	мéни, ма	тéби, тxa	нéгу, гу	нéга, ѥа	нéгу, гу

Число \ Падеж	Множественное		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
И.	ни ^и	ви ^и	ти ^и , те
Д.	нам, ни	вам, ви	т'ам, им
В.	нас, ни	вас, ви	т'ах, ги

Соответствующие формы имеет возвратное местоимение *сéби*: дат. — *сéби, си*; винит. — *сéби, са*.

§ 32. Формы именительного падежа употребляются самостоятельно в качестве подлежащего, например: *ас шéч вáд'a; то си утишлó у т'ах; те пак са збýрат и стáва свáдба.*

В сочетании с краткой формой дательного падежа формы именительного падежа могут употребляться в безличных предложениях, заменяя полную форму дательного падежа, например: *ас ми са арéсва туи мумчé.*

§ 33. Полные формы дательного падежа личных местоимений существительных употребляются только в тех случаях, когда на личное местоимение падает логическое ударение; при этом полная форма местоимения обычно сочетается с краткой; например: *ас тéби ти кáзах; мéни ми дáват тас кнýшка.*

§ 34. Полные формы винительного падежа личных местоимений существительных употребляются с предлогами, например: *т'a утивала с нéгу на хурóту; у мéни юма óфци.*

Кроме того, полные формы употребляются в сочетании с краткими в безличных оборотах, например: *мéни ма булыт забýти*, а также в тех случаях, когда логическое ударение падает на прямое дополнение, выраженное личным местоимением существительным, например: *ас нéя ѹа вýждам.*

§ 35. Очень широко в говоре употребляются краткие формы личных местоимений существительных, прежде всего — в качестве беспредложных дополнений, например: *сýнку дунéс ми удé; шéч та зéмат; кýп'ат ѹ мингши.*

Кроме того, они употребляются в качестве второго дополнения при прямом дополнении, выраженному именем существительным, например: *мáика ѹа нáма тук; дувáритeч ги práвим с кал или сас кирпичи.*

§ 36. Краткие формы дательного падежа употребляются еще в роли притяжательных местоимений. В этом случае они обязательно стоят после определяемого слова, например: *три гудýни сид'áх при баштá ми; мáика ѹа ѹиска да ѹа дадé за бугáт.*

§ 37. Притяжательные местоимения прилагательные изменяются по родам и числам. Они имеют следующие формы: *моi*, *мóia*, *мóie^u* — *мóи*; *твоi*, *твóia*, *твóie^u* — *твóи*; *нéгуф*, *нéгува*, *нéгуво^u* — *нéгуви*; *нéин*, *нéина*, *нéину* — *нéини*; *наш*, *наша*, *нашу* — *наши*; *ваш*, *вáша*, *вáшу* — *вáши*; *тéхин*, *т'áхна*, *т'áхну* — *тéхни*.

Соответствующие формы имеет и возвратное притяжательное местоимение: *своi*, *свóia*, *свóie^u* — *свóи*.

§ 38. От притяжательных местоимений прилагательных образуются те же членные формы, что и от имен прилагательных, с той лишь разницей, что от притяжательных местоимений прилагательных м. р. наряду с членными формами на *-уф* (*мбóуф* и т. д.) в говоре могут употребляться и членные формы на *-у*: *мбóу*, *твóу* и т. д., причем последние в речи встречаются значительно чаще.

§ 39. В говоре употребляются следующие указательные местоимения:

а) для близлежащих предметов: *тос* (*тóзи*); *тас* (*тáзи*), *мáia*; *тва*, *туi*; *тес* (*тéзи*);

б) для удаленных предметов: *онзи*; *унéс*, *унá*; *унúi*; *унéс*. В скобках указаны формы, употребляемые в говоре редко.

§ 40. В роли указательных местоимений безотносительно к моменту удаленности в говоре употребляются полные формы винительного падежа личных местоимений существительных 3-го л.: *нéгу*, *нéia*, например:

пýшат ф нéja кнýга, че^u...;

нéгу врéме^u аз б'ах чéтирнáise^uгудйше^uн.

§ 41. В говоре употребляются следующие вопросительные местоимения:

а) существительные:

И. коi

Д. не зафиксировано

В. кбгу

б) прилагательные:

коi, кујá, кујé — куý (мн. ч.)

какъф, каквá, каквó (*кво*, *ко*) — *каквý* (мн. ч.)

§ 42. Определительные местоимения (мн. ч.): *сýчки, сýчка, сýчку — сýчки; сýнки, сýнка, сýнку — сýнки; сéки, с'áка, с'áку — сéки; такъф, таквáс, такбóс — таквíс.*

При именах существительных *дén'*, *вéчир* и других, обозначающих какой-либо период времени, вместо определительного местоимения *сéки* употребляется неизменяемое определительное местоимение *кáта*: *кáта дén'*, *кáта вéчир*, *кáта гудýна*.

ГЛАГОЛ

§ 43. Глагол в кирсовском говоре имеет грамматические категории лица, числа, залога, вида, времени и наклонения.

В глагольных формах различаются три лица — первое, второе и третье; два числа — единственное и множественное; два залога (но лишь в формах причастий) — действительный и страдательный; два вида — совершенный и несовершенный; пять времен — настоящее, будущее, имперфект, аорист и перфект; три наклонения — изъявительное, повелительное, условное.

Изъявительное наклонение

§ 44. Одни формы времени в говоре образуются морфологическим способом, другие — синтаксическим.

Настоящее время

§ 45. Формы настоящего времени образуются морфологическим способом: от основы настоящего времéни при помощи следующих личных окончаний:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. -ъ (-а), -м	-м, -ме ^и
2-е л. -ш	-те ^и
3-е л. нет окончаний	-ът (-ат), -ат

Эти окончания могут присоединяться к основе настоящего времени непосредственно или при помощи тематических гласных.

В зависимости от этого глаголы в кирсовском говоре делятся на три спряжения: первое — флексии настоящего времени присоединяются к основе при помощи тематической гласной **-е**, второе — при помощи тематической гласной **-и**, третье — непосредственно, без тематической гласной. Основа настоящего времени глаголов, входящих в первое и второе спряжение, оканчивается на согласную, основа глаголов третьего спряжения — на гласный **-а** и на согласный **-ј**.

1-е спряжение	2-е спряжение	3-е спряжение
	Ед. ч.	
1-е л. чит ъ	връв ъ	вйжда м
2-е л. чит еши	връв ийш	вйжда ши
3-е л. чит е	връв ий	вйжда да
	Мн. ч.	
1-е л. чит еим (-меи)	връв ийм (-меи)	вйжда мемеи
2-е л. чит еитеи	връв ийтеи	вйжда митеи
3-е л. чит еят	връв ийт	вйжда мат

Глаголы 3-го спряжения с основой на **-ј** в 1-м л. ед. ч. могут иметь окончание **-а**, как глагол **жувеја**, и окончание **-м**, как все прочие глаголы 3-го спряжения.

Например, глагол **зна****м** употребляется и в той и в другой форме:

Ед. ч.

1-е л. жувеја	зна м , зна ја
2-е л. жувеји ш	зна ши
3-е л. жувеји ј	зна ји

Мн. ч.

1-е л. жувеји меи	зна јимеи
2-е л. жувеји теи	зна јитеи
3-е л. жувеји јат	зна јат

Вспомогательный глагол **съм** имеет в говоре следующие формы настоящего времени:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>съм</i>	<i>сне</i>
2-е л. <i>си</i>	<i>сте</i>
3-е л. <i>е (je, i)</i>	<i>сб</i>

§ 46. Отрицательные формы настоящего времени образуются при помощи отрицательной частицы *ни*, например: *ни i ni мбіим да рабутим*.

Глагол *ймам* имеет следующие отрицательные формы настоящего времени:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>н'áмам</i>	<i>н'áмамеи</i>
2-е л. <i>н'áмаш</i>	<i>н'áматеи</i>
3-е л. <i>н'áма</i>	<i>н'áмат</i>

§ 47. Формы настоящего времени образуются в говоре от глаголов несовершенного и совершенного вида.

От глаголов несовершенного вида эти формы употребляются для обозначения действия, совпадающего с моментом речи, а также для обозначения действий привычных, периодически повторяющихся, постоянных. Обычно с таким употреблением этих форм встречаемся в рассказах о повседневных обязанностях, занятиях, об обрядах и т. п., например: *Бўби ёи үраним три пёт'a ф дин'б. Тui иидѣт листи ут сакаминци, и мажисим ф ниидѣл'ta pu иидїн пёт' да проузвижавмеи ф кёшти. Тугас растёт, ни булёйт. Тui сп'ёт ката ниидѣл'a pu иидїн сън', три пёт'a сп'ёт pu иидїн ден' и pu инá ноиш, читвёрт' уф сън' сп'ёт три дён'a и три иошти хич ни мръдат. Гату станат ги үраним сйлну кблкутои мбіат да из'адат. Тугас са поулучава хўбаа купрйна.*

Во втором значении употребляются и зафиксированные нами формы настоящего времени от глаголов совершенного вида, например: *станим сабағлем'м räну, шеи месим хл'абу, шеи гу упичем...; и гу упичем ф пиштё; н'акуи пёт' напрavим ичнїia; пра'ват хурботу и там дбиди и играл при мёни.*

Будущее время

§ 48. Формы будущего времени образуются в говоре синтаксическим способом: при помощи частицы *ше^и* и форм настоящего времени спрягаемого глагола, например:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>ше^и прáв'a</i>	<i>ше^и прáвим</i>
2-е л. <i>ше^и прáвиш</i>	<i>ше^и прáвите^и</i>
3-е л. <i>ше^и прáви</i>	<i>ше^и прáв'ат</i>

В говоре употребляются формы будущего времени от глаголов несовершенного и совершенного вида, например: *ше^и прáв'a пíткы за вéчир; ше^и напráвиш ф нидéл'a...*

§ 49. Отрицательные формы будущего времени образуются при помощи частицы *н'áма* (по происхождению это форма 3-го л. ед. ч. от глагола *н'áмам*), союза *да* и личных форм настоящего времени спрягаемого глагола, например:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>н'áма да прáв'a</i>	<i>н'áма да прáвим</i>
2-е л. <i>н'áма да прáвиш</i>	<i>н'áма да прáвите^и</i>
3-е л. <i>н'áма да прáви</i>	<i>н'áма да прáв'ат</i>

§ 50. Вспомогательный глагол *съм* образует формы будущего времени с помощью частицы *ше^и* и форм настоящего времени глагола *бóда*:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>ше^и бóда</i>	<i>ше^и бóдим</i>
2-е л. <i>ше^и бóдиш</i>	<i>ше^и бóдите^и</i>
3-е л. <i>ше^и бóди</i>	<i>ше^и бóдат</i>

§ 51. В главном предложении частица будущего времени никогда не опускается; в придаточных, начинающихся с союзов *áку, гáту*, частица *ше^и* обычно опускается. Однако наряду с этим отмечены случаи, когда частица *ше^и* сохраняется и в придаточных предложениях, например: *кугáто^и ше^и дбди дрúги прáзник, вéчи ги гудéт; аз гáту ши ймам нбва рóкл'a, ши йда да са расхóждам; áку ше^и умрó, ше^и устáнат дрéчите^и.*

Имперфект

§ 52. Формы имперфекта образуются в говоре морфологическим способом: от основ настоящего времени с помощью следующих окончаний:

Ед- ч.	Мн. ч.
1-е л. -х	-γме ^и
2-е л. -шем	-хтеш
3-е л. -шеш	-γа

К основам на согласный флексии 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. присоединяются с помощью тематической гласной -á (-и); остальные флексии присоединяются с помощью тематической гласной -é (-и).

В глаголах 3-го спряжения флексии имперфекта присоединяются непосредственно к основе.

1-е спряжение	2-е спряжение	3-е спряжение
Ед. ч.		
1-е л. чит'áх	вáрдих	кéсах, пíх
2-е л. читéше ^и	вáрдишe ^и	кéсаши ^и , пíши ^и
3-е л. читéше ^и	вáрдишe ^и	кéсаши ^и , пíши ^и
Мн. ч.		
1-е л. читéγме ^и	вáрдиγме ^и	кéсаγме ^и , пíγме ^и
2-е л. читéхте ^и	вáрдихте ^и	кéсаҳте ^и , пíхте ^и
3-е л. чит'áга	вáрдиγа	кéсаγа, пíγа

§ 53. Вспомогательный глагол *съм* имеет следующие формы имперфекта:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. б'áх	бéγме ^и
2-е л. бéше ^и	бéхте ^и
3-е л. бéше ^и	б'áга (бéγа)

Аорист

§ 54. Формы аориста образуются от особой основы, связанной этимологически со старой основой инфинитива. Эта основа может оканчиваться и на гласный, и на согласный.

Для образования всех форм аориста, кроме форм 2-го и 3-го л. ед. ч., употребляются те же окончания, что и при образовании форм имперфекта.

К основе на гласную они присоединяются непосредственно, к основе на согласную — при помощи тематической гласной -у.

Формы 2-го и 3-го л. ед. ч. у глаголов с основой аориста на гласную совпадают с этой основой, а у глаголов на согласную образуются с помощью флексии -е.

I группа — глаголы с основой аориста на гласную:

Ед. ч.

1-е л. *nix*, *nícaх*, *худúх*, *жув'áх*, *дýгнах*

2-е л. *ni*, *níca*, *худú*, *жувé*, *дýгна*

3-е л. *ni*, *níca*, *худú*, *жувé*, *дýгна*

Мн. ч.

1-е л. *ní́me^u*, *nícáme^u*, *худú́me^u*, *жувé́me^u*, *дýgnáme^u*

2-е л. *níxte^u*, *nícaхte^u*, *худúхte^u*, *жувéхte^u*, *дýgnaхte^u*

3-е л. *ní́ja*, *nícája*, *худú́ja*, *жувé́ja*, *дýgnája*

II группа — глаголы с основой аориста на согласную:

Ед. ч.

1-е л. *дунéсух*, *néкух*

2-е л. *дунéсе^u*, *néче^u*

3-е л. *дунéсе^u*, *néче^u*

Мн. ч.

дунéсугme^u, *néкугme^u*

дунéсухte^u, *néкухte^u*

дунéсугja, *néкуга*

§ 55. Формы аориста употребляются для обозначения прошедшего действия, закончившегося к моменту речи, например: *забráвих сýчките^u* *прикаски*; *аз на ўлица срéшинах кумшиá*.

Перфект

§ 56. Единственной живой формой сложного прошедшего времени в говоре является перфект.

Формы перфекта образуются в говоре синтаксическим способом: посредством сочетания личных форм настоящего времени вспомогательного глагола *съм* с действительным причастием прошедшего времени спрягаемого глагола, например:

Ед. ч.		Мн. ч.
1-е л. съм	<i>худýл</i> , -а, -у	<i>сне^ч</i> <i>худýли</i>
2-е л. си	<i>худýл</i> , -а, -у	<i>сте^ч</i> <i>худýли</i>
3-е л. е	<i>худýл</i> , -а, -у	<i>са</i> <i>худýли</i>

§ 57. Действительное причастие прошедшего времени образуется и от основы настоящего времени и от основы аориста при помощи суффикса **-л-** и родовых окончаний, например: *чит'áх* — *чит'áл*, *чит'áла*, *чит'áлу*, *чит'áли*; *чéтух* — *чел*, *чёла*, *чёлу*, *чёли*.

Под ударением в формах мн. ч. в говоре представлена флексия **-е**, например: *душлé*, *билé*.

§ 58. Формы перфекта имеют в говоре широкое распространение. Прежде всего они употребляются для обозначения результивности прошедшего действия, например: *т'a пáннала ут тавáн*, *и пóкналу вéтри*; *пёпки излéзли на укóту му, нíшту ни вéжда*.

Широко употребляются формы перфекта в косвенной речи, когда повествующий не является очевидцем излагаемых событий, например: *михáник на мéни ми кáза, че^ч фчéра имáлу кíну; кáза, чéтир дéн'a варвéли*.

Формы перфекта употребляются также для обозначения прошедшего действия, предшествующего другому прошедшему действию, или для обозначения действия давно прошедшего, например: *Кту раскáза^ча нáсти баштí, им раскáзали тéчните^ч баштí и д'áдуви, че^ч ф тóрску бýлу млóгу тéшку, но на рýската зи м'я са жувéйлу млóгу по хýбау. И вот нáсти баштí харéсвали тук м'áсту за сéлу и са засéлили тóка и му тóрили ѹмиту Башк'ý. Нáсти д'áдуви и пруд'áдуви пуб'áгнали ут тóрцит^ч, заштóто^ч там ги фпрéгнали ф нéгу врéме^ч, избýвали им дицáта, смéили са сас хóрата. Двéсти гудýни надзат' душлé бóлгарите^ч*.

Наконец, формы перфекта употребляются в вопросительных предложениях вместо форм простого прошедшего времени, например: *Уддé сте душлé? За什тó ни са прáвилу?*

§ 59. В говоре отмечено лишь несколько случаев употребления форм плюсквамперфекта. Приведем их: *ни б'ах са кáчила ду сóроуk шéста гудýна*; *чукундýр узr'áл бе, тp'áба да убиréм*; *б'áча замr'óзнали сороуk шéста, сороуk сéдмата гудýна, н'áма áбълки*.

Значение этих форм в основном совпадает со значением форм перфекта: ими подчеркивается результативность действия.

Причастия

§ 60. Кроме упоминавшегося выше причастия прошедшего времени действительного залога с суффиксом **-л-**, в говоре употребляется еще причастие прошедшего времени страдательного залога. Это причастие образуется от формы аориста 2-го или 3-го л. при помощи суффиксов **-н-**, **-т-**. Большинство глаголов образуют причастие с суффиксом **-н-**; глаголы с корневой основой на гласный и глаголы с основой на суффикс **-на-** образуют страдательное причастие с суффиксом **-т-**, например: *збран, скъсан, упáлеñн* и т. д., но *зет, скрит, почнат*.

Так же, как и действительное причастие, страдательное имеет формы рода и числа. Для их образования употребляются те же флексии, что и при образовании соответствующих форм имен прилагательных, например: *зет, зéта, зéту — зéти* (мн. ч.); *скъсан, скъсана, скъсану — скъсани* (мн. ч.).

Страдательное причастие употребляется в говоре и в качестве составной части сказуемого для выражения страдательного залога, например: *зет б'ах на вуiнёта*, и в качестве определения, например: *кёшта прáв'ат из гнýла дунéсина уddалéку*.

Повелительное наклонение

§ 62. Морфологическим способом формы повелительного наклонения образуются лишь для 2-го л. ед. и мн. ч. Они образуются от основы настоящего времени при помощи флексий **-и**, **-j** в ед. ч. и флексий **-éte^и**, **-jte^и** (**-jти**) — во мн. ч.

Глаголы с основой настоящего времени на согласный образуют формы повелительного наклонения при помощи флексий **-и**, **éteи**, например: *Зимí кубýлца и идí за уðó! Mámo, направí ми пýтка! Варнý са надзáт!*

Глаголы с основой настоящего времени на гласный образуют формы повелительного наклонения при помощи флексий **и**, **-iтеи**, причем ударение сохраняется на том слоге, на который оно падает в формах настоящего времени, например: *Ctoi! Ni бърдзai, пучáкаi малку! Ni nei! Стðитеи! Чáкаитеи!*

§ 63. Особым способом образуются формы повелительного наклонения от глаголов *вýдя*, *ям*, *дұржá*, *дунесá*.

Во 2-м л. ед. ч. они представляют собой или чистые основы настоящего времени: *дунéс*, *дръи*, или определенные модификации этих основ: *jaš*, *виш*. Формы мн. ч. образованы от этих основ при помощи флексии **-теи**: *дунéстеи*, *дръишеи*, *jáштеи*, *вýштеи*.

§ 64. У глагола *йда* формы повелительного наклонения во 2-м л. образуются от совсем другой основы: *je"ла* — *je"лáтиеи*.

§ 65. Формы 1-го и 3-го л. повелительного наклонения образуются при помощи частиц *нéка*, *xaи* (*xáидеи*), а также формы *je"ла* и инфинитивной конструкции спрягаемого глагола, например: *Нéка тоi да кáжи! Xáидеи да игрáят! Мумчéта, je"ла да йдеи!*

§ 66. Категорическое запрещение выражается особой формой, которая образуется при помощи частицы *нидéи* (ед. ч.) — *нидéитеи* (мн. ч.) и форм старого инфинитива, например: *Нидéи са би! Mámo, нидéи плáка! Нидéитеи си мýсли!*

Наряду с этим в говоре отмечены формы с современным инфинитивом, например: *Нидéи да утýваши!*

Условное наклонение

§ 67. Формы условного наклонения образуются в говоре посредством сочетания частицы *штéшеи* (которая по происхождению является формой 2-го и 3-го л. ед. ч. имперфекта от глагола

штъ), союза *да* и форм настоящего времени спрягаемого глагола.

§ 68. В отрицательных формах условного наклонения вместо частицы *штёше*^и употребляется частица *н'амаше*^и, например: *да н'амаше*^и *дъш*, *н'амаше*^и *да бъди хъбаф уружсáи*.

* * *

§ 70. Звуковые и морфологические особенности говора не противоречат указанным выше данным о заселении балканскими болгарами Кирсова. Они тоже свидетельствуют о балканском происхождении кирсовского говора.

Сравнение с другими балканскими говорами по имеющимся в литературе сведениям обнаруживает в нем черты, общие с говором г. Котела, неподалеку от которого и находится родина кирсовских болгар — село Жеравна¹.

В указанных говорах находим следующие общие черты:

1) северо-восточное произношение староболгарского **ѣ** и согласующееся с ним наличие в говорах форм аориста типа *видѣ*, *умрѣ*;

2) мягкость конечных согласных *и л* в середине слова перед согласным *к*;

3) употребление флексии *-ъ* в именах существительных ж. р. ед. ч. за исключением слов, обозначающих лиц женского пола, для которых характерна флексия *-а*;

4) употребление одних и тех же форм имперфекта и аориста;

5) употребление под ударением флексии *-е* в причастиях на *-л-*: *душлé*.

Необходимо заметить, что наряду с общими чертами в кирсовском говоре имеется много различий с котленским говором.

¹ Описание котленского говора имеется в книге Л. Милетича. «Das Ostbulgarische», стр. 177. Кроме того, есть специальная работа К. Петрова «Принос към говора на г. Котел», помещенная в «Известия на семинара по славянска филология при университета в София», кн. III, София, 1911, стр. 195—222.

Многих особенностей кирсовского говора мы не находим в котленском говоре и наоборот.

Так, в кирсовском говоре ъ произносится напряженно, как в шуменских говорах, а в котленском более открыто, как в литературном болгарском языке; в кирсовском употребляется членная форма мужского рода -о, в котленском -ъ. С другой стороны, такие особенности, известные в котленском говоре, как переход, д', т' в г', к', отсутствуют в кирсовском говоре.

Некоторые черты кирсовского говора, отсутствующие в котленском, например, членная форма -о, употребление личных местоимений *néia*, *négu* в значении указательных и т. п., встречаются в других балканских говорах.

Есть в говоре села Кирсова и такие черты, которые, по имеющимся в литературе сведениям, отсутствуют в балканских говорах. В частности, в них не отмечена употребляемая в кирсовском говоре особая членная форма имен прилагательных на -уф (*гулém'uf*). Эту форму Л. Милетич указывает в числе других характерных особенностей о-диалекта, в частности шуменских говоров.

Возможно, впрочем, что эта форма при более основательном изучении будет обнаружена и в балканских говорах о-диалекта, которые самим Л. Милетичем не были обследованы.

С. Б. БЕРИШТЕЙН, В. К. ЖУРАВЛЕВ, М. Г. СЕНКЕВИЧ,
Н. И. ТОЛСТОЙ, Е. В. ЧЕШКО

ОТЧЕТ О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БОЛГАРСКОЕ СЕЛО СУВОРОВО ЛЕТОМ 1951 ГОДА

После завершения работы над «Атласом болгарских говоров СССР» сектор языкоznания Института славяноведения АН СССР приступил к детальному монографическому изучению наиболее интересных для болгарской диалектологии говоров. Такими прежде всего являются юго-восточные болгарские говоры, до сих пор изученные очень плохо. Необходимо учесть, что некоторые юго-восточные говоры, находящиеся на нашей территории, отсутствуют в настоящее время в самой Болгарии, потому что они связаны с такими районами, которые после освобождения Болгарии в 1878 г. не вошли в состав нового государства и остались под властью Турции (районы восточной Фракии).

Изучение юго-восточных говоров мы начали с села Суворова (б. Шикирли-Китай) Суворовского района Измаильской области УССР. Здесь представлен единый, хорошо сохранившийся говор. В 1910 г. сюда приезжал Н. С. Державин, составивший краткое описание отдельных особенностей говора. В 1948 г. этот говор был описан по программе нашего «Атласа». В 1950 г. сделано было описание говора села Софиевки Андреевского района Запорожской области УССР, которое было основано в 1862 г. переселенцами из Шикирли-Китая.

В 1951 г. была поставлена задача всестороннего и детального описания говора (фонетики, словообразования,

морфологии и лексики). В дальнейшем будет изучаться синтаксис.

Экспедиция в составе 22 человек выехала из Москвы 30 июля и 2 августа приступила к работе. Кроме научных сотрудников Института славяноведения, в экспедиции принимали участие аспиранты и студенты Московского и Ленинградского университетов.

На месте работало пять самостоятельных групп. Первой группе было поручено изучить фонетику; второй — имя существительное и предлоги; третьей — местоимение, прилагательное, числительное и член; четвертой — глагол, пятая группа занималась изучением словарного состава говора. Работа в селе продолжалась до 24 августа. В результате было записано много текстов, произведена их первичная обработка и составлен обширный словарь. Настоящий отчет отражает итоги первичной обработки собранного диалектологического материала.

1. ФОНЕТИКА

Суворовский говор представляет семь самостоятельных гласных фонем, сильная позиция которых будет под ударением: **а, ä, α, е, и, о, у**.

Специального пояснения в данном отчете требуют лишь фонемы **ä** и **α**. Фонема **ä** (открытое широкое е) встречается главным образом под ударением на месте старого ё, например: *нид'äl'ä, н'ämä, n'ämäm, мл'äku, гул'äm, гул'ämio, ср'äштäm, бр'äk, м'äсту, вр'äми, п'äснä, б'äл, б'äли, зр'äлу, см'äх, кул'äнуту, с'äми, рац'äти, л'äп, сн'äк, б'äх, б'äши, нäm'ärvä, дв'ä, каð'ä*. Кроме того, звук **ä** мы находим под ударением и на месте **а** после мягких согласных: в корнях — *ужäр'им, шл'äпä* (недавнее заимствование из русского языка), *р'äжинä* (заимствование из украинского языка), *кл'äтвä* (заимствование из русского языка), *үфчärеүн, чäшкä, чäс, шäпкä, кучäн* — и во флексиях — *дрæв'ä, үргин'ä, жинур'ä, аїгеүр'ä, мäжур'ä, луз'ä, кайш'ä*.

Фонему **α**, находим на месте общеболгарского ъ: *маш, сан, ракä, зап, мольчи, ран, гас, сабоутä, макä, лажä, волна,*

pras, kas, krápn̄, skap. Суворовский **а** более низкого образования, нежели литературный **ъ**.

Все перечисленные гласные фонемы (кроме гласных фонем верхнего подъема и и у) в безударной позиции представляют различные изменения своей артикуляции. Суворовский говор характеризуется сильной редукцией безударных гласных.

Фонема **а** в безударной позиции произносится как **ä**, например: *свáдбá — свáдбáри, dávám — dáváx, глат — гlädusáx, злáтни — злáтó, крак — кräká, срам — сräme^чжлиф, стар — устáр^ъа; брат — бräтучéт, пáтка — пáтök, пäзár — пäzärläk, мрас — мräзó, грат — гräдö.* В некоторых позициях безударное **а** не редуцируется (например, конечное **а** в 3-м л. мн. ч. аориста — *дунéсää*).

Фонема **ä** в безударной позиции произносится как **e^ч** или **и** (аналогично безударному **е**); например: *б'äли — билíсвáме^ч, näc'äkäx — сичéш, kр'äcuk — кре^чштý, bр'äk — бригö, m'ästu — пуме^чштáвá, сн'äk — снигувé, näm'äriш — наимирах, зäm'äsväm — ме^чсíх, кул'äну — кулинé, л'ätu — прóле^чтну.* Зафиксировано в текстах несколько слов с безударным **ä**: *шäрóк, вéчär, чäршáф, шкулáрчäтä, мумýчäтä, фтийчáнце^ч, дéв'äт, ýтр^ъa.* Легко заметить, что в большинстве случаев безударное **ä** находится после согласного **ч**.

Фонема **ä** в безударной позиции обычно не редуцируется в сочетании с плавными **р** и **л**, а также в некоторых суффиксах (например, в суффиксе **-так**); например: *гарné, в'äтар, кäлтармá, сä утарбá, сармá, варбá, сарцé, тарпí, дармák, драjí, драeб, грабá, брамчí, валиá, длабóк, лаjсíцá, дубýтак, п'äсак.* Иногда в сочетании с плавными **нами** фиксировался даже **ъ**, т. е. звук более напряженный и закрытый, нежели нормальный для говора **а**. Во всех других позициях на месте **ä** находим **ä**, т. е. тот же звук, что и на месте безударного **а**, например: *маш — мäжöб, даsh — дäдэжöб, сáлдзи — сäлдзä, прас — прäстá, сан — санувéах, ржá — рäкáтä, зап — зäбö, цäклáтä, ran — räбö.*

Фонема **е** в безударной позиции тоже редуцируется (кроме звательной формы). В большинстве случаев находим **е**'. В первом предударном слоге часто отмечается **и**, например: *лéгнá — лижíй*, *глéдáх — глидáх*, *плéтáх — плитá*, *прéжда — приdáт*, *сéлу — силóту*, *дунéсää — дунисáт*, *дéцкá — дицá*, *пет — пе"дисé*, *вéчár — ве"чárбó*, *жéнските" — жинá — же"нурá*, *éсен" — е"сингтá*; так же в заударной позиции: *пáлен"*, *вáлне"н*, *бáкáре"н*, *вréдин*, *блéчи*, *дрéбин*, *тéме"н*, *пра"зин*. В прилагательном **сilen** отмечено **ä** — **сíл'än**.

Фонема **о** в безударной позиции изменяется в направлении к гласному **у** (кроме звательной формы и членных форм при определениях). В первом предударном слоге чаще всего находим **у**, например: *нбсá — нусúх*, *кон — кунé*, *лбзи — луз'áтá*, *сол — сулáт*, *нош — нужбви*, *стол — стулбви*, *вол — улбви*, *дббáр — дубrá*, *джéоп — джу"ббви*, *сноп — сну"бви*, *гбтвиши — гутбф*, *рóде"н — рудúх*, *дóдиши — дудé*, *вбдну — вудá*, *бда — удíх*, *бче"н — укбó*, *нош — нуштá*, *сорт — суртá*, *мос — мустбó*, *нос — нусбó*, *улбвих — лувíх*, *бфци — уфцá*, *вдо"ф — вду"бéц*, *ббма — у до"мá*. Находим часто **у** и в конце слов: *силóту*, *сéлу*.

В иных фонетических условиях чаще всего отмечается **оу**: *во"дечнýцá*, *ро"гу"бé* (ед. ч. — *рок*), *мо"ту"вйлка* (*намбтаме"*). Следует указать, что в степени приближения безударных **о** и **у** имеются колебания (даже в языке одного человека).

В некоторых словах и глагольных формах был зафиксирован звук **ê** (закрытое **е**), например: *чувéн*, *штéш*.

Согласный **х** в начале слова перед гласными встречается редко. Можно услышать произношение *хбрá*, *хбдих*, но чаще *брá*, *бдих* — согласный **х** в настоящее время на пути к полному исчезновению.

Согласные перед гласными **е** и **и** не смягчаются. Перед гласным **ä** представлена слабая степень смягчения, так называемая полумягкость (передается нами знаком ¹). Отсутствуют мягкие согласные в конце слова. Нами зафиксировано лишь

несколько слов с конечным мягким согласным: *нам'* (чаще *нат'*), *мамул'* (но и *мамул*), *цыркул'* (русское заимствование) и некоторые другие.

В нескольких словах отмечена факультативная мягкость *л* и *и* перед согласным: *шёл'чеu*, *кён'чеu*, *стол'чеu*, *мал'чи*, *гэл'чи*, *пол'ки*, *пристыл'ки* (ед. ч. всегда *пристылка*), *прин'ка*, *мэнен'ку*, *тён'джуря*, *вальниня*, *тул'чи*.

Мягкие согласные перед гласными заднего ряда встречаются гораздо реже, чем в литературном языке, так как на месте *ё* в говоре находим гласный переднего ряда нижнего подъема *ä*. Обычно его же находим и на месте *а* после мягких согласных. Тем не менее говору известны мягкие согласные перед гласными заднего ряда.

Перед *у*: *нахтár'у* (*нахтáр'у*), *чил'устá*, *бéл'у*, *гулчáна*, *мис'ýр*, *тýл'чи*, *кýркá*, *к'уп*, *кл'учáркá*, *к'ушé*, *л'улкá*, *д'ушéк*, *нат'у*, *пáзár'у*, *бустáн'у*, *тýм'ун*, *армáну*, *тáвáн'у*.

Перед *о*: *г'ол*, *т'оркáтá*, *пáл'т'ончеu*, *кумáн'o*, *Вáл'o*, *л'óхки*, *зéл'онка*, *тупл'ону*, *вáл'бáшнáтá*.

Перед *а*: *рóкл'á*, *б'áлим*, *чeтирт'á*, *дáштир'á*, *джýл'á*, *лист'á*, *бáт'á*, *куфн'á*, *убикáл'ат*, *свин'á*, *Кóл'á*, *куп'á*, *лéл'á*, *л'áгáм* (но и *л'áгáм*), *м'áсиц* (но и *м'áсиц*), *(x)ил'áдá*, *три пáт'á*, *два кóн'á*.

Перед *я* мягкие согласные не встретились.

В конце слова и перед глухими звонкие согласные не употребляются.

Отмечены случаи аналогического выравнивания. Ср. *слáтак*, под влиянием *слáтка* из *сладка*, *тéшак* под влиянием *тéшка* из *тежка*.

Двойные согласные встречаются очень редко и лишь на стыке морфем или в результате ассимиляции (*трíйна* из *три дня*).

В суворовском говоре находим в большинстве случаев сочетание *ра*, *ла*: *враví*, *врашá*, *путрасих*, *враzáт*, *са зáбрáкameu*, *брáкáш*, *зáпраjси*, *зráну*, *дрáжси*, *крáпá*, *брáжси*, *длаббк*, *млáкneuши*, *длáгá*, *глáтáм*, *длáжseuни*.

2. МОРФОЛОГИЯ

Имя существительное

Имя существительное в суворовском говоре не представляет значительных отличий от литературного болгарского языка.

Род имен существительных. К мужскому роду относится в говоре подавляющее большинство существительных, оканчивающихся на согласный (исключение представляет лишь небольшое количество слов, относящихся к женскому роду). Конечный согласный обычно твердый, например, *чулák*, *лän*, *чесан*, *вратник*, *пáрцáл*, *чуvén*, *пíпér*, *пáзár*, *ден*, *рап*, *бгечн*, *куптóбр*, *мрас*, *бáтák*, *бáйр*.

К мужскому роду относятся все существительные, оканчивающиеся на -ј или -j, например: *краi*, *чаi*, *фáшкíi*, *улбí*, *мáмáлái*, *пáнáшбíi*, *саi*, *кáлái*, *уружái*. Кроме этого, к мужскому роду относятся слова, обозначающие лиц мужского пола, но имеющие окончания, типичные для существительных женского и среднего рода, например: *бáштá*, *слугá*, *чýчу*, *вúичу*, *свáкоu*, *дрáплóu*. Мужской род имеют слова с суффиксами -чíjá и -джíjá: *меiрáджíjá*, *занáматчíjá*, *бустáнджíjá*, *бикчíjá*.

Отмечены, однако, случаи, когда форма грамматического рода берет верх над значением; так, имена существительные *ðádú* и *пráд'ádú* являются словами среднего рода, например: *стáру* *ðádú*, *иnó* *пráд'ádú*, *ðádуту* *пráтилу* *тва* *мумíченци* *да* *пáсé* *кузáтá*.

Признаком женского рода является окончание -а под ударением и -ä в безударном положении, например: *глáвá*, *вúдá*, *зéчm'á*, *бúлkä*, *гудýнä*, *прáспnä*, *кáрпýзä*, *слугýн'ä*, *глáвницä*. Кроме слов с окончанием -а, к женскому роду относятся групша слов, оканчивающихся на согласный, например: *jeсceu*, *сол*, *нош*, *прас* (*жéлтá* *прас*), *раш*, *сúтрин*, *влас(m)*, *сáжин*, *прóлетu*, *рáдус(m)*, *кréпус(m)*, *краf*, *млáдус(m)*, *грат*.

Некоторые существительные, оканчивающиеся на согласный, употребляются как в женском, так и в мужском роде.

Колебания рода были отмечены в словах *n'ásak* и *véčär*: *жáлтá* *n'ásak*, *pe"сактá*, *тáа* *вéчär*, *два* *вéчári*, но говорят также *жáлт* *n'ásak*, *дóбар* *вéчär*; зафиксировано произношение членной формы *vichárb*.

К среднему роду относятся имена существительные с окончаниями **-о** (-*o* или -*u* в безударном положении), **-е** (-*e* или **-и** в безударном положении), например: *ицб*, *гриблó*, *вýну*, *курýту*, *ráло^u*, *páливо^u*, *пирцé*, *те"лé*, *gárne^u*, *mägáre^u*, *кóнче^u*, *грóбшицte^u*, *jáde"ne^u*, *субráниe^u*, *пíли*.

К среднему роду относятся также все названия детенышней и молодых животных, включая и человека, например: *дитé*, *мумчé*, *мумýче^u*, *се"стричe^u*, *брáтчe^u*, *брáтчe"нце^u*, *дитéнце^u*, *пíле"нце^u*, (*j*)*урдéчe^u*, *урдéчe"нце^u*, *пráсe^u*, *п्रáсéнце^u*, *кóтche"нце^u*, *лисíчe^u*, *мис'úрчe^u*, *внúчe"нце^u*, *кóти*.

С значением рода тесно связано словообразование [имен существительных]. Соотносительные пары существительных, обозначающих лиц мужского и женского пола, мужскую и женскую особь у животных, образуются обычно при помощи различных суффиксов, например, словам [с суффиксом **-ник**: *гude"ník*, *прéсéлник*, *крашtéлник*, *krásник* — соответствуют слова с суффиксом **-ница**, обозначающие лиц женского пола: *гude"nícã*, *прéсéлница*, *крашtéлница*, *krásница*.

С грамматическим родом связаны известные различия в образовании форм множественного числа. Так, например, окончание **-ове** является] специфической чертой определенного разряда существительных мужского рода; только существительные мужского рода имеют формы количественного множественного; свои особые окончания множественного числа имеют слова среднего рода. Однако во множественном числе морфологические показатели рода представлены слабее, чем в единственном (огромное) большинство слов мужского и женского рода имеет одинаковые формы множественного числа).

Образование множественного числа. Имена существительные в суворовском говоре имеют формы единственного и множественного числа. Многие имена существительные образуют наряду с этим еще форму собирательного множе-

ственного, например: *жесчнá — жесчнý — жесчнур'á*, *иргéн — иргéни — иргечн'á*, *маш — мажсé — мажсур'á*. В ряде случаев собираательные формы на -ä являются единственными формами выражения множественности, например: *листб — лист'á*, *нейвá — нив'á*, *кáштá — кáштá*, *пирó — пирá*.

Следует отметить, что собираательные формы *мажсур'á*, *жесчнур'á*, *балгар'á*, *иргечн'á*, *кучá* и подобные не имеют в говоре оттенка пренебрежительности.

Имена существительные мужского рода образуют формы множественного числа при помощи флексий **-ове** (фонетические варианты **-уи**, **-ои**, **-уве**), **-и** — продуктивные флексии; **-е**, **-ишта**, **-а**, **-офици** — непродуктивные. Слова женского рода во множественном числе имеют флексию **-и**; слова среднего рода — флексии **-а** и **-та**.

В многосложных словах всех трех родов ударение в формах множественного числа, как правило, остается на том же месте, где оно стояло в форме единственного числа. В отличие от литературного болгарского языка слова среднего рода на **-и** и **-це** не представляют в этом отношении исключения.

Остатки старых форм двойственного числа сохранились в отдельных словах, обозначающих парные предметы: *рацá*, *кракá*, *учý*, *ушý*, *кулинé*, *рамечнé*.

Некоторые односложные существительные образуют множественное число при помощи флексии **-и**. Эта флексия отмечена в следующих словах: *гос — гбсти*, *внук — внýци*, *валк — вálци*, *прас(m) — прáсти*, *сноп — снóпи*, *нат — пátти*, *рок — ругý*, *чех — чéхи*, *грак — грáци*.

В двух существительных отмечена флексия **-е**: *мажсé* и *кунé*.

От существительного *брат* множественное число будет *брáт'á*.

Несколько односложных слов образуют форму множественного числа на **-ишта**: *грат — гráдиштá*, *ан — áништа*, *краi — кráшиштá*, *дол — дблиштá*, *нат — пázтишта*, *сат — сáдиштá*.

Многосложные существительные мужского рода образуют множественное число с флексией **-и**, например: *кáзán — кáзá-*

ни, *киптár* — *киптáри*, *цárвúл* — *цárвúли*, *слугá* — *слúги*, *цифчýјá* — *цифчáи*, *бустанджýјá* — *бустанджýи*, *цирвулáн* — *цирвулáни*, *другáр* — *другáри*, *óган* — *óгани*. Существительные с основой на задненёбный согласный изменяют при этом конечный согласный основы, например: *бáтák* — *бáтáци*, *душéк* — *душéци*, *тарнák* — *тарнáци*. Отсутствует чередование к и ц в слове *мустák* — *мустáки* и в словах заимствованных, например: *сéрник* — *сéрники*, *учáсник* — *учáсники*, *мур'áк* — *мур'áки*, *кулák* — *кулáки*, *успéх* — *успéхи*. Однако и в заимствованных словах возможно чередование. Так, например, зафиксировано произношение *умывáл'ници* (от *умывальник*), *учени́ци* (от *ученик*; рядом *учéниковá*), *кулáци* (от *кулак*).

Формы количественного множественного образуются при помощи флексии -а, при этом ударение сохраняется на том же слоге, что и в единственном числе, например: *пет дéна*, *три мáсища*, *два мур'áка*.

Имена существительные женского рода образуют множественное число при помощи флексии -и, например: *мумá* — *мумí*, *гráдýнá* — *гráдýни*, *мис'úркá* — *мис'úрки*, *крéпуc* — *крéпусти*. Никаких звуковых изменений основы не происходит. Ударение остается на том же слоге, что и в единственном числе. Исключения встречаются лишь в отдельных словах: *грат* — *граdý*, *ниd'áлá* — *нédили*, но и *ниd'áли*.

От имен нарицательных, обозначающих степени родства, — *кáкá*, *чáнкá*, *лéл'á*, *бáбá*, *мáмá*, как и от женских собственных имен, множественное число образуется при помощи суффикса -ини: *кáкини*, *лéлини*, *чáнкини*, *Марýс'á* — *Марýсини*, *Áнá* — *Áнини*, *Мýнкá* — *Мýнкини* и т. п.

Имена существительные среднего рода, оканчивающиеся на -ó (у), -цé, -нце^и, и -иште^и, образуют множественное число при помощи флексии -а: *вýну* — *вýна*, *плáтнó* — *плáтнá*, *сáрцé* — *сáрцá*, *пиrцé* — *пиrцá*, *пýле"нце^и* — *пýле"нцá*, *брáт-чéнце^и* — *брáтчéнцá*, *ко"лилýште^и* — *ко"лилýштá*.

Имена существительные среднего рода, оканчивающиеся на -e (-и) и -чé (-че^и), образуют множественное число с окон-

чанием -éta (-e"ta): *téle^u* — *te"létä*, *garné* — *garnéta*, *náli* — *níle^utä*, *záiche^u* — *záiche^utä*, *dámcé^u* — *dámcé^utä*, *párchë* — *párchétä*.

Существительные на -me^u образуют множественное число с суффиксом -iná: *vréme^u* — *vre"miná*, *íme^u* — *ime"ná*, *séme^u* — *se"miná*.

Некоторые имена существительные среднего рода образуют две формы множественного числа, например: *kuili^o* — *kuili-léta* и *kuili-lá*; *vájé* — *vájéta* и *vájá*; *dravb* — *dravéta* и *drav^lá*; *pulé* — *puléta* и *pul^lá*.

Звательная форма. При обращении в говоре обычно употребляется звательная форма, для образования которой служат флексии -o, -u и -e. Звательная форма образуется от имен собственных и нарицательных мужского и женского рода единственного числа, оканчивающихся на согласный и -a. Строгой закономерности в употреблении звательной формы в говоре нет. Могут сказать, например: *Kól'o!* *Kól'u!* *Kóle!*; *Irgeño!* *Irgené!*

Членная форма. Суворовский говор принадлежит к так называемому о-диалекту, т. е. здесь употребляется членная форма мужского рода единственного числа -o (в безударном положении -y), например: *brigb*, *sinb*, *vóly*, *nám'y*, *duváry*.

В нескольких словах был отмечен член -a: *grábá* (непоследовательно), *gázá*, *kráká* (последовательно).

Предлоги

Падежные флексии имени существительного в говоре полностью утрачены. Они не сохранились даже в личных существительных мужского рода. В говоре скажут: *ti við'á li Ivań*; *nýtaⁱ Ivań de b'áshi moi*; *kájsí na Ivań dä ðöddi u nas*.

Остатки падежных флексий можно наблюдать лишь в некоторых наречных выражениях, представляющих собой застывшие формы, например: *v káshти*, *du káshти*, *dumá*.

Состав предлогов в изучаемом говоре довольно богат, хотя в нем отсутствуют некоторые предлоги, имеющиеся в болгарском литературном языке, например: *върху*, *въпреки*, *кръз*, *низ*, *о*, *освен* и ряд сложных предлогов. Лишь у одного лица был записан предлог *към*, который обычно заменяется в говоре предлогом *кадъ*.

В говоре были зафиксированы следующие предлоги: *бес*, *в* (*фаф*), *врас* (*вас*), *доу*, *за*, *зат*, *ис*, *кадъ*, *краї*, *между*, *на*, *нат*, *ондвади*, *бкоулоу*, *оут*, *поу* (*пу*), *поут*, *преу**т*, *преу**с*, *при*, *пудър*, *пукár*, *с* (*сас*), *слеу**т*, *среу**т*, *сръашту*, *споурéт*, *у*. Сложные предлоги: *зарáт*, *удзади*, *натáтка*, *оуттáтка* (*оуттáтакá*), *напрéт*, *пумежду*, *пумéш*, *пурсрът*, *всръддатá*, *доунпрéт*, *за-ф*, *ут-пут*.

Наибольшее разнообразие представляют предлоги, выражающие различные пространственные отношения. Предлоги *в*, *доу*, *зат*, *на*, *кадъ*, *пот*, *ондвади*, *оуттáтка*, *преу**т*, *при*, *у* определяют положение в пространстве и направление движения, например: *тои сиди удвади таа кáшта*; *жидеум удвади г'бу* (*на унáа стáрна*). То же значение имеет предлог *оуттáтакá*: *жувáя оуттáтакá г'бу*.

Предлоги *врас* (*вас*) и *ут-пут* были отмечены со значением только направления движения: *кученоу скáчеу врас не'я*; *как са излии вас ьрákáтä*; *гу зех ут-пут iáш'ш'ику*.

Сложный предлог *ут-пут* часто заменяется простым *ут*: *м'áшинá изл'áнá ут бблáкоуту*; *ризатá са вйждá ут рóклáтä*.

Предлоги *прис*, *краї*, *ис*, *пукár*, *пудър*, *по*, *напрéт* отмечены только при глаголах движения: *га преукарвá прис инá вратýчкá*; *варвéх краї реукатá*, *инб мумчé замýнá пукár бурдéтоу* и *оуткráннá тупбеутие*.

Предлог *ис* указывает на пространство, в пределах которого совершается движение: *бдат из ѿлицатá и п'áят*; *бдá ис сéлу*.

Когда движение имеет определенную пространственную цель, предлог *ис* не употребляется — он заменяется предлогом *поу*: *врасá поу ѿлицатá*; *и сéтни пак ги поудейл поу таа доурóгá*.

Значение следования за другим предметом передается предлогом *пудýр*: *пудýр мёни минá*. Предлоги *слет*, *зат*, *удзáди* в этом значении не употребляются.

Временные отношения передаются при помощи предлогов *на*, *ф(в)*, *за*, *пумýш*, *по^u*, *при*, *преч*, *о^uт*, *до^u*, *пудýр*, *сле^чт*, *срáшту*, *по^uт*, *кадý*, *бко^uло^u*, *пурлáт*, *скбру*. Особое замечание следует сделать в отношении предлогов *пудýр*, *сле^чт* и *по^u*. Наиболее употребителен в этом значении предлог *пудýр*, например: *пудýр двáа гудýни*, *пудýр по^uслéдни е^чкáмéчи*, *пудýр тва*. Предлог *сле^чт* употребляется только в выражении *сле^чт т(y)вá*. Предлог *по^u* употребляется иногда в значении «с наступлением чего-то»: *цафти^й ту димýтруф ден*; *чак по^u тéмно^u жйдá на рабута*.

Интересно значение сложного предлога *за-ф*, который употребляется в пространственном и временном значениях, но имеет целевой оттенок: *йскá да доубí за-ф не^чдáла* (она хочет прийти, чтобы быть здесь в воскресенье); *и тоi пудýр ни дáдие пум'обfká за-в Бугáзу* (он потом дал нам путевку в Бугаз).

Для указания на предшествующий момент времени, наряду с болгарским *срáшту*, употребляется заимствованный в этом значении из русского предлог *под*: *срáшту нóвáтá гудýнá* и *пуд нóвáтá гудýнá*.

Значительно меньшее разнообразие представляют предлоги, выражающие другие значения, кроме пространственных и временных. Из указанных выше это предлоги *за*, *на*, *от*, *по*, *до* и *в*. Кроме них, употребляются предлоги *с*, *зара't* и *без*, не имеющие пространственного и временного значения.

Предлог *от*, который указывает на исходный пункт действия в пространстве и времени и на происхождение предмета, кроме того, имеет следующие значения:

1) Определение предмета или лица по его происхождению: *уд уфцá вълнá*; *шиблк уд бýби*; по его принадлежности какой-либо организации или местности, а также по месту рождения и жительства: *тук йма лузá ут първио и че^чтвáртио кáлхбс*; *там бшти ймáше^ч мбíи другáри ут мääлátä*.

2) Указание на материал: *да ушийе^им рóкли ут тóо плат.*

3) Выражение причинных отношений: *то ни гу бýши страх оүд ерамбó.*

4) Указание на производителя действия при страдательных конструкциях: *свик्यрвáтä дáréна оут нáс.*

5) Указание на средство действия: *пe^ирéм оүд нéйä... дунáїскä воुдá ўбuu мójäт уд нéйä кoуcý.*

6) Указание на целое, от которого берется какая-то часть: *на идýн трáи^еr и на друк поu пет дýши оут звиб; сига' н'áкоu i друк оут тláiä учасника умрéiä; нáшти^е оүд областi нéрвоu мéстоu зéмäт.*

7) При сравнении для указания на исходный предмет, с которым что-то сравнивается: *стáрити нó-знат уд млáди.*

Самую сложную систему значений имеет предлог *на*. Важнейшие из них, кроме пространственных и временных, следующие:

1) Указание на адресат действия, предмет и лицо, в интересах которого совершается действие: *кáжí на мáмä; на мумá жса кúпäт рóкл'äтä; мájкä на сýчките^и гóтви; иргéну прáви дрéи на бýлкäтä.*

2) Притяжательное значение: *на инá жинá дитéтоu и билó млóгу бóлноu; слет тва мäжб и дал идýнио краi на побису; и му са шчóпилä на кáрýцäтä оupáшкäтä.*

3) Выражение количественного определения: *мójтä оублигáциä на дéсе^ит рýбли изýгрáлä; н'áмä iédrä рýбä тýкä садé на два прóстä; дитé на три гоудýни.*

4) Указание на предмет, при помощи которого производится действие: *мäмýли жса ги смил'äт на мäшишнäтä; на мáсле^инициä брátä са кáтájäт на кóни бинéци.*

5) Выражение образа действия: *пак раштá вráзвáми на кráсти; то тai на бýци са прудáвät; на млóгу тиурлáи гу прáвим; тlä сýчку на аркáрä гал'чí; пудýр тва гу умийе^иши и нар'áжийи на мрáфки.*

6) При глаголе *см'láiä са:* *сáмýчка на сéби си са см'láiä.*

Местоимение

Личные местоимения

Формы личных местоимений могут быть представлены следующей таблицей:

	Имен. пад.	Винит. пад.	Дат. пад.
	Ед. ч.		
1-е л.	<i>ас(аз)</i>	<i>мёни, мä</i>	<i>ми</i>
2-е л.	<i>ти</i>	<i>тёби, тä</i>	<i>ти</i>
3-е л.	<i>тои</i> (м. р.) <i>т'я</i> (ж. р.) <i>то</i> (ср. р.)	<i>нёгу, го^у</i> <i>нё (i) а, га,</i> <i>а (ia)</i> <i>нёгу, го^у</i>	<i>му</i> <i>и</i> <i>му</i>
Мн. ч.			
1-е л.	<i>нá'иä, нíиä</i>	<i>нас, на</i>	<i>ни</i>
2-е л.	<i>в'áиа, вíиä</i>	<i>вас, вä</i>	<i>ви</i>
3-е л.	<i>те</i>	<i>т'äх, ги</i>	<i>иим</i>

Например: *ас плáчä, пëк тои ми вíка; ас нéскä гä испрáтих да ис்கáрвä крáвтä и т'ä ни сä дудé с крáви.*

Формы именительного падежа 1-го и 2-го л. мн. ч. *н'áиä, в'áиä* (*н'äи, в'äи*) встречаются наряду с формами *нíиä вíиä* (*нии, вии*), при этом употребление той или иной формы ничем не обусловлено и может встретиться в речи одного и того же лица, независимо от его возраста.

Полные формы винительного падежа без предлога употребляются только в сочетании с краткими формами винительного падежа данного лица и числа, например: *мáмä и тáту утýдаа на рабо^утä, мёни мä о^устáвиä самíчкä дбомä; вас вä вíдä бáбатä; мёни мä излекúвää; тёби тä уло^увïй бинчайтä.*

Характерной особенностью говора являются частые случаи употребления формы именительного падежа с соответствующей ей (по роду, лицу и числу) краткой формой винительного падежа.

Конструкции этого типа (с формами *n̩ájā nā*) по своему значению ничем не отличаются от конструкций с двойными формами винительного падежа (с формами *nas nā*).

Употребление форм именительного падежа с краткой формой винительного вместо двойных форм винительного падежа (полной и краткой) особенно часто наблюдается в безличных оборотах, начинающихся с местоимений, например: *méni^e ni^e mä ie^u strax*; ср. *as ni^e mä ie^u strax d̩ádā na gróbbishte^u*.

В предложных конструкциях употребляются только полные формы винительного падежа. Случай употребления кратких форм винительного падежа в сочетании с предлогами не зафиксированы.

При сравнении после наречия *káto^u* (*gátu*), так же как после предлога *o^um*, употребляется полная форма винительного падежа, например: *n̩ámäши kátu t̩äx grádinári; tai kräcívä káto^u tébi^e*.

Полные формы дательного падежа в говоре исчезли бесследно, их полностью вытеснили формы винительного падежа с предлогом *na*, например: *na tébi^e ni^e ie^u ýbää n̩ásnä; na méni^e dádää iðýn kílo^ugrám zráno^u; toí dúnésci na négy^o pët kávúna*.

Краткие формы винительного падежа в говоре очень распространены, тогда как полные формы имеют ограниченную сферу употребления.

Краткие формы дательного падежа за отсутствием полных форм широко употребляются во всех тех случаях, когда на них не падает логическое ударение. (При логическом ударении употребляется предлог *na* с формой винительного падежа местоимения.)

В безличных оборотах (типа «мне нравится» и т. п.) краткая форма дательного падежа никогда не употребляется самостоятельно, а всегда с формой именительного падежа (соответствующего лица, числа и рода), которая ставится в начале предложения, например: *as ni^e mi ie^u grýjsä, as ni^e mi sá spí; as mi ie^u ýbää tâa n̩ásnä; as mi sá rázbul'á dítéñcitu*.

В говоре встречается две краткие формы личных местоимений женского рода в винительном падеже: *га* и *а* (*ia*). Употребление их связано только с возрастной дифференциацией: форма *а* употребляется только в речи старшего поколения. Так, И. Маджаров (54 года), Е. Далакова (54 года) и другие употребляют форму *а*: *ас мбітә кáштә а поңкрай нáпрéт, а измáзäх сéтни; дáiти идýн кош да пусне"м ф клáинцү, че" жа а извáдим; мбіо лäп нéскä приче"рнлá (сóбáтä сýлнä) мнóгү сóм а пáллýлã.*

Краткая форма *га* употребляется в речи молодежи и среднего поколения, например: *ф кунтбрáтä гä вýкää, тlä утáди.*

Возвратное местоимение

В говоре употребляются следующие формы возвратного местоимения: дательный падеж — только краткая форма *си*; винительный падеж — полная форма *сéби^е си*, краткая *сä*. Полная форма без *си* в говоре никогда не употребляется. Она представляет собой единое целое и никогда не может быть разъединена какой-либо проклитикой или каким-либо словом, например: *ас сéби^е си вýждам в угле"дáлуту; ас сä вýждам на угле"дáлуту.*

Функцию дательного падежа выполняют полные формы винительного падежа с предлогом *на*: *тоi нáпраi на сéби^е си ина кárúчка.*

Краткая форма дательного падежа *си* более употребительна в говоре, чем форма винительного падежа с предлогом *на*; последняя употребляется главным образом в тех случаях, когда на нее падает логическое ударение.

В говоре вместо возвратного могут употребляться другие личные местоимения. Формы типа *за мéни^е си* употребляются довольно часто наряду с формами типа *за сéби^е си*, например: *ти ж"йдии нéди да зéмиши на тéби^е си лäп, как са врáшташ; ина жинá мýнвá и тä пýтä: «На коi ie тóо лäп?», ти вýкáши: «На мéни^е си».*

Притяжательные местоимения

Формы притяжательных местоимений могут быть представлены следующей таблицей:

Ед. ч.

1-е л.	<i>моi</i>	<i>мoїа</i>	<i>мoїe^u</i>	<i>мoїи</i>
2-е л.	<i>твоi</i>	<i>твoїа</i>	<i>твoїe^u</i>	<i>твoїи</i>
3-е л. (м. р.)	<i>нéгуf</i>	<i>нéгуа</i>	<i>нéгуo^u</i>	<i>нéгуv^lи</i>
(ж. р.)	<i>нéин</i>	<i>нéинá</i>	<i>нéинo^u</i>	<i>нéини</i>
(с. р.)	<i>нéгуf</i>	<i>нéгувá</i>	<i>нéгу(в)o^u</i>	<i>нéгуv^lи</i>

Мн. ч.

1-е л.	<i>наш</i>	<i>нáшá</i>	<i>нáше^u</i>	<i>нáши</i>
2-е л.	<i>ваш</i>	<i>нáшá</i>	<i>вáше^u</i>	<i>вáши</i>
3-е л.	<i>m'áiин</i>	<i>m'áiинá</i>	<i>m'áiинo^u</i>	<i>m'áiини</i>

В говоре наблюдается также употребление кратких форм дательного падежа личных местоимений в функции притяжательных. Однако их употребление в говоре ограничено в основном определенным кругом лексики (это в первую очередь: имена родства, части тела, одежда); к тому же в этой притяжательной функции были зафиксированы лишь краткие формы дательного падежа единственного числа (*ми*, *ти*, *му* и др.); формы множественного числа не были зафиксированы.

С другой стороны, записано очень большое число примеров с употреблением притяжательных местоимений (типа *мoїo*) и в тех случаях, когда на них не падает логическое ударение.

Указательные местоимения

В говоре употребляются следующие указательные местоимения для близрасположенных предметов (и лиц): ед. ч. — *тbо* (м. р.), *тaа* (ж. р.), *тva* (ср. р.), мн. ч. — *m'áа*.

Указательные местоимения для отдаленных предметов (и лиц) следующие: м. р. — *бни(i)о* и *унбо*, ж. р. — *оүнá(i)ă*, ср. р. — *ува́*, мн. ч. — *оүн'á(i)ă*.

В говоре употребляются параллельно две формы мужского рода единственного числа *бни(i)о* и *унбо*. Форма *унбо* употребляется значительно реже и более характерна для речи представителей старшего поколения. В речи молодежи господствует форма *бни(i)о*. Формы *бни(i)о* и *унбо* могут употребляться в речи одного и того же лица (старшего поколения). Видимо, форма *унбо* более старая.

Указательные местоимения для обозначения признаков предметов (и лиц) следующие: ед. ч. — *тäкáф* (м. р.), *тäкáвá* (ж. р.), *тäкбвá* (ср. р.), мн. ч. — *тäкýвá*.

В говоре употребляется указательное местоимение-числительное *тöлкус*, не изменяемое ни по родам, ни по числам и не членуемое, например: *н'áја ѹмáми тöлкус млöгү круши, че" ни" мёис"м да ги убирём, тбо чул'ák по"лүчи тöлкус млöгү пárй че" не" знáи де да ги тýр'ă*.

Вопросительные местоимения

В говоре употребляются следующие вопросительные местоимения: для обозначения лиц — *коi*, для обозначения предметов — *кво (ко)*, *што*, например: *Коi мёни" ма вýка? Кво пíши?* *Кебтоу гал'чим тва пíши"?* *Коi тýка та нám'ári?* *Коi тва н'áшту?* *Ми што сá см'áie"te?* *Што не" ми кázá?*

Вопросительное местоимение *коi* не сохранило никаких падежных форм, например: *на коi ти пíши"ш писмá?*

В говоре имеются следующие местоимения-прилагательные, употребляемые обычно вместе с существительными, о которых задается вопрос: ед. ч. — *коi* (м. р.), *кув'á* (ж. р.), *кувé* (ср. р.), мн. ч. — *кувý*, например: *Ут кувé вр'áми" вýїа начéвáте?* *да оүрéте?* *Ут коi м'áсиц вýїа бдите?* *на шкóлáтá?* *Ван'o, на кув'á пárтá се"дйиш?*

Вопросительные местоимения-прилагательные для признаков (качества, количества и т. п.): ед. ч. — *каф* (м. р.), *кva*

(ж. р.), *кво* (ср. р.), мн. ч. — *кви*, например: *Каф учите^uл тёби^e та ўчи?* *Тáа жинá ква ie — ўбáа или плбхá?* *Кви мумый-чамá б'áа фчéра ф клу́бу?*

Вопросительное местоимение *чиⁱ*, употребляемое при вопросе о принадлежности того или иного предмета (или лица), не имеет категории рода и числа, например: *Чиⁱ тва ton ie?* *Чиⁱ тáа кráвá?* *Чиⁱ тва мáнинку мумýчинци?*

В говоре употребляется вопросительное местоимение-числительные *кóлко^u*, не изменяющее ни по родам, ни по числам и не членуемое, например: *Кóлко^u бáши?* *Дá вйдáт кóлко^u пурáсна за дva мáсциá.*

Неопределенные местоимения

Формы неопределенных местоимений в говоре встречаются редко (за исключением местоимения *н'áшту*). Формы *н'áко^ui* и т. д. в говоре мало употребительны и вытесняются формами числительного *иди́н*. Кроме *иди́н*, часто употребляется описательная форма *ни знам коⁱ*, *ни знам каф*. Случаи употребления местоимения *н'áко^ui* указывают на то, что, помимо более широкого значения «некий», «какой-то», местоимение *н'áко^ui* чаще употребляется в значении «какой-нибудь» (часто — какой-нибудь из известного числа). Вместо формы *някакъв* в говоре имеется форма *н'áмкаф*, возникшая из словосочетания *ни знам каф* и употребляемая наряду с ним.

Для обозначения лиц употребляется неопределенное местоимение *н'áко^ui*, для обозначения предметов — *н'áшту*. Оба местоимения не имеют форм рода и числа.

В говоре встречаются сложные формы неопределенных местоимений-прилагательных: *иди-кói*, *иди-куíá*, *иди-куíé*, *иди-куíй* (с оттенком значения «кто угодно», «кто бы то ни был»), а также формы: *кói да ie*, *куíá да ie*, *куíé да ie*, *куíй да ie* (с оттенком значения «кто угодно», «кто попало»), например: *ас ne^u штá да ўгра с кói да ie ton; ne^u ште кói да ie да зéмиe.*

Отрицательные местоимения

Отрицательные местоимения образуются только путем прибавления приставки *ни* к отдельным вопросительным местоимениям.

В говоре употребляются следующие отрицательные местоимения (не имеющие категории рода и числа): для обозначения лиц — *нáко^ui*, для обозначения предметов — *нáшту*, например: *н'áмá нáко^ui, т'ájá утыйдáа да уб'áдáт* и след *обечт ся спуснáа нáдблу*.

Имя числительное

Количественные числительные

Количественное числительное *один* имеет все формы рода: *иðйн* (*иїдйн*), *идна* (*инá*), *иднó* (*инб*).

Во множественном числе для всех трех родов употребляется форма *иднý*, которая, однако, выступает не в функции количественного числительного, а только в функции неопределенного местоимения *някой* или неопределенного члена.

Числительное *идйн*, *идна*, *иднó* может выступать как в функции количественного числительного, обозначая при этом единичность предмета, так и в функции неопределенного местоимения или неопределенного члена, например:

1) Числительное *идйн*, *идна*, *иднó* в функции количественных числительных: *ráните^u со^uртá вéчи зráiát, пудýр иðйн м'áсиц экá б'хdi^e сýчкуту зr'álу; садé инá дáшитир'á ймáм; ас ни^e инб слéбоу ни^e знájá по^uрумжáнски*.

2) Числительное *идйн*, *идна*, *иднó* в функции неопределенного члена: *на пре^uкáре^a през инá вратычка на друг двор; инá стáра бáба ми казá инó ликáрство^u*.

В говоре наблюдается параллельное употребление форм женского и среднего рода единственного числительного *один* — *идна* и *инá*, *иднó* и *инб*. Часто в речи одного и того же лица встречаются и те и другие формы: *пет магаре^u ф идиá кáле^u сárка фпр'áгáт; óшии по-х'íбáву да жувéиш инá гудйна* (примеры взяты из речи одного лица).

Числительное *два* в говоре имеет две формы: м. р.—*два*, ж. и ср. р.—*дв'я*, например: *дв'я пам'я* вёчи бдя ф *Смайл*; *дв'я минути имя*.

Количественные числительные, начиная с числительного *три*, не изменяются по родам:

<i>три</i>	<i>чытирнáјси</i>	<i>сéди^емдисé</i>
<i>чéтири</i>	<i>ни^етнáјси</i>	<i>во^усéмдисé</i>
<i>пет</i>	<i>ши^еснáјси</i>	<i>де^иви^едисé</i>
<i>шес</i>	<i>си^едимнáјси</i>	<i>сто</i>
<i>сéди^ем</i>	<i>во^уси^емнáјси</i>	<i>дв'ястá</i>
<i>вóси^ем</i>	<i>ди^евятнáјси</i>	<i>трíстá</i>
<i>дéви^ет</i>	<i>два^иси</i>	<i>чéтири стóтин</i>
<i>дéси^ет</i>	<i>трíи^иси</i>	<i>пет стóтин и т. д.</i>
<i>идинáјси</i>	<i>сóру^ок</i>	<i>(x)ил'áдá</i>
<i>двáнáјси</i>	<i>ни^едисé</i>	<i>дв'я (x)ил'áди</i>
<i>тринáјси</i>	<i>ши^исé</i>	<i>три (x)ил'áди и т. д.</i>

Порядковые числительные

Порядковые числительные образуются от количественных путем прибавления флексий: в ед. ч. -и (м. р.), -а (ж. р.), -о (у), (ср. р.); во мн. ч. -и.

Порядковые числительные, соответствующие количественным *идин*, *два*, образуются от других основ — *пёрвио*, *пёрвáтä*, *пёрвоути*, *пёрвите*; *фтóрио*, *фтóратä*, *фтóроутоу*, *фтóритeу*.

Остальные порядковые числительные следующие: *трéти(i)о*, *трéтäтä*, *трéтоути*, *трéтити*, *чи^етвáрти(i)о*, *нéти(i)о*, *шéсти(i)о*, *сéдми(i)о* и т. д.

Порядковые числительные в говоре села Суворова употребляются только с членной формой, например: *лáни на прáзнику тоi бáши пёрвио ф шкóлатä*; *ас бáх фтóрио поу учбáтä*.

Член в порядковых числительных может быть опущен только в тех случаях, когда два или более порядковых числительных следуют одно за другим. При этом первое по порядку числительное должно быть обязательно с членом, последующие могут быть и без члена, например: *оут лъвътѣ стърнѣ първътѣ каштѣ, фтбрѣ, чеитвъртѣ*.

При именах существительных, обозначающих лиц мужского пола, могут быть употреблены особые формы количественных числительных с суффиксом *-ма*, *-(и)ма*: *двама*, *трима*, *четирма*, *питетима*, *шестима*.

Числительные типа *двама*, *трима* очень часто субстантивируются и принимают в этом случае членную форму *та*, например: *дваматѣ са при мени*; *дваматѣ оутыйдайме* да *испіим поу иудын боякал пиво*.

В говоре отмечены случаи употребления числительных, выраждающих приблизительное число; они образованы путем бессоюзного соединения двух количественных числительных одного числового разряда, например: *два-три*.

Дробные числительные в говоре встречаются сравнительно редко, к тому же болгарские формы, существовавшие, очевидно, в пределах менее чем от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{10}$, уже вытесняются русскими, например: *сечгá мбїто* здрáве *поулоу* винатѣ гу *нъама*; *а пак лани нъамаши идын чётварт*; *инá трéтä жж аустани*.

В говоре возможна субстантивация числительных, например: *ину гал'чат че* жж аима *оуро*, *а дрѹгите* че *нъама* *оуро*; *девъа пô-лека гал'чат мэжиду сёби* си.

Уменьшительно-ласкательные количественные числительные следующие: *иднáчка*, *иднóчко*, *иднáчки*, *двáчки*, *трíчки*, *четирки*, *пéтки*, *шéски*, *сéдиmки*, *вбсíмки*, *дéвиетки*, *дéсиетки*, например: *баба Доукуйя ми оуткъсна двáчки крúши*.

Уменьшительно-ласкательным количественным числительным соответствуют порядковые: *пéрвиче*к, *фтбрíчe*к, *трéтичe*к, *чеitвъртичe*к, *пéтничe*к, *шéстичe*к, *сéдмичe*к, *вбсмичe*к, *дeиевъдтичe*к, *дeисáтичe*к.

Имя прилагательное

В говоре имена прилагательные имеют категорию рода и числа, употребляются в членной и нечленной формах и могут выступать либо в качестве определения, либо в качестве именной части сказуемого.

В нечленной форме единственного числа имена прилагательные в мужском роде всегда оканчиваются на согласный, в женском принимают флексию -а, в среднем — флексию -о (у), а во множественном числе для всех трех родов употребляется флексия -и, например: ед. ч. — *гáст*, *гáста*, *гáсту*; мн. ч. — *гáсти*.

Качественные прилагательные в говоре большей частью непроизводные. Среди суффиксов относительных прилагательных широкое употребление получил суффикс -ов (-оуф); например: *мáркоуф*, -ва, -воу, -ви; *чýкоуф*, -ва, -воу, -ви; *рáióноуф*, -ва, -воу, -ви.

В говоре наблюдается утрата суффикса -и, который встретился лишь в трех прилагательных: *бфчи*, *гүёжди*, *бжси*.

Имена прилагательные, в прошлом имевшие этот суффикс, настоящее время образуются с суффиксом -шки (-цки).

Степени сравнения

В говоре имеется три степени сравнения — положительная, сравнительная, превосходная.

Положительная степень выражается обычной формой прилагательного, например: *вóчá слáтка кáтоу млáкоу*; *вíеу ку-пýхти дрéмиң пинéр*.

Сравнительная степень образуется при помощи приставки **по-**, превосходная степень — при помощи приставки **наi-**; например: *тáа* (сетка) *по-кréпка* и *по-лóви рýба*; *бáллата кárтóблáя наi-рудувýтä*, *жéлтäтäя наi-прóстä*.

Степени сравнения образуются в говоре не только от имен прилагательных, но и от других частей речи: от имен существительных, глаголов, наречий.

Членная форма

Прилагательные могут иметь членную форму. В мужском роде член прибавляется всегда к полной форме прилагательного.

Членная форма для мужского рода в говоре **-о (-оу)**, для женского рода член **-та**, для среднего рода **-то (ту)** и для множественного числа **-те^и**, например: *аз български^и ѹез^ик зáбрáвих; ... пáлим лáтно^иту куптбрч^и*.

Прилагательные, входящие в состав сказуемого, обычно не членяются, например: *бих млáдоу моумáче^и, гáтоу оужéних; сá фáли, че^и нéйтите^и свáни чáсти; то (плáтно^и) стáвá тáкбéа бáлу; и сéтни стáни гоулаáмичка...*

Глагол

Классификация глаголов по спряжениям

Деление глаголов на спряжения и разряды производится по основам настоящего времени и аориста. По основе настоящего времени в говоре следует различать три спряжения.

1-е спряжение характеризуется тематической гласной **-е** (**-е^и**, **-и^е** в безударном положении): *пáс-é-и*.

2-е спряжение характеризуется тематической гласной **-и**: *сид-й-и*.

Глаголы 1-го и 2-го спряжений делятся на разряды в соответствии с основой аориста.

Глаголы 3-го спряжения имеют основу, оканчивающуюся на гласный **-а**: *пáтүсá-и*.

В говоре наблюдается ряд отклонений от данной классификации, что объясняется как сохранением в нем некоторых остатков старого, так и появлением нового. Например, глагол *игрáм* не может быть отнесен к одному спряжению, так как в одних случаях он изменяется по 1-му спряжению, в других — по 3-му спряжению.

Разряды глаголов по основе аориста

Правильные глаголы. 1-е спряжение делится на два разряда. Первый разряд характеризуется тематической гласной **-а**.

I группа: глаголы, которые имеют в настоящем времени ударение на корне, а в аористе — на тематической гласной: *ðrám-e^u-ш* — *ðrim-á-x*; *kán-e^u-ш* — *kān-á-x*; *kán-e^u-ш* — *kān-á-x*; *cíp-e^u-ш* — *cip-á-x*.

II группа: глаголы, имеющие ударение на корне как в настоящем времени, так и в аористе: *várn-e^u-ш* — *várn-á-x*; *ðrápn-e^u-ш* — *ðrápn-á-x*.

III группа: глаголы, имеющие ударение на тематической гласной в настоящем времени и в аористе: *ko^ue-é-ш* — *ko^ue-á-x*; *re^ue-é-ш* — *re^ue-á-x*.

IV группа: глаголы, имеющие в настоящем времени ударение на тематической гласной, а в аористе — на корне: *me^ut-é-ш* — *mét-á-x*.

В этом разряде в конце основ наблюдаются чередования к / ч, г / ж, з / ж, с / ш: *ne^uch-é-ш* — *nék-á-x*; *lájs-i-ш* — *la^ug-á-x*; *chésh-i-ш* — *che^us-á-x*.

Второй разряд 1-го спряжения характеризуется отсутствием тематической гласной: *bo^ugátmái-i-ш* — *bo^ugátmái-x*; *ju^usvái-i-ш* — *ju^usvá-x*; *jisilái-i-ш* — *jisilá-x*; *strádái-i-ш* — *strádá-x*; *pái-i-ш* — *pá-x*; *mái-i-ш* — *mái-x*; *chyái-i-ш* — *chu-x*.

В этот разряд входят глаголы: *vái-i-ш* — *vá-x*; *smái-i-ш* — *smá-x*; *zrái-i-ш* — *zrá-x*; *nái-i-ш* — *ná-x* и т. п.

В этих глаголах отмечены колебания. Так, глагол *vái-i-ш* — *vá-x* иногда идет по первому разряду этого же спряжения: *vái-i-ш* — *ve^ui-á-x*.

Глагол *nái-i-ш* — *ná-x* не имеет параллельных парадигм; однако и здесь в 3-м л. мн. ч. отмечена форма *néiám*.

2-е спряжение делится на два разряда. Первый разряд характеризуется тематической гласной *и*.

I группа: глаголы, имеющие ударение на тематической гласной как в настоящем времени, так и в аористе: *vár-í-ш* — *vár-í-x*; *blágouðárí-ш* — *blágouðárí-x*.

II группа: глаголы, имеющие в настоящем времени ударение на корне, а в аористе — на тематической гласной: *bór-i-ш* — *bórp-í-x*; *vád-i-ш* — *vád-í-x*; *váz-i-ш* — *váz-í-x*; *gács-i-ш* — *gács-í-x*.

Второй разряд характеризуется тематической гласной *ä*.

I группа: глаголы, имеющие ударение на тематической гласной как в настоящем времени, так и в аористе: *лашт-й-иши* — *лашт¹-ä-x*; *сид-й-иши* — *си¹-ä-x*.

II группа: глаголы, имеющие в настоящем времени ударение на корне, а в аористе — на тематической гласной: *выйти-иши* — *вий¹-ä-x*; *trečnér-иши* — *trečne¹r¹-ä-x*.

В 3-м спряжении выделить разряды глаголов нельзя. Основа настоящего времени и основа аориста здесь могут различаться только ударением.

I группа: глаголы, основа настоящего времени и основа аориста которых не различаются по ударению: *излеikúvá-иши* — *излеi-кúва-x*; *доuчáká-иши* — *доuчáкá-x*; *oñdráská-иши* — *oñdráská-x*; *izbél-vá-иши* — *избél-vá-x*.

II группа: глаголы, основа настоящего времени и основа аориста которых различаются по ударению: *kává-иши* — *казvá-x*; *nábiyá-иши* — *нáбивá-x*.

З-е спряжение в говоре — продуктивное. К нему относятся большая часть глаголов; в это спряжение переходят некоторые глаголы 1-го и 2-го спряжений (*l'ýl'äm*, *mötäm*, *ïgräm*, *skýbäm*); русские глаголы, вошедшие в говор, также идут по 3-му спряжению, например: *gällasúvám*, *vinísvám*, *soñtúvám*.

Неправильные глаголы. Некоторые глаголы отличаются своими формами и не входят ни в один из вышеуказанных разрядов:

а) глаголы, основа настоящего времени и основа аориста которых образуются от разных корней: *саm* — *бáдä* — *бáжидäm* — *бäx* — *бил*; *йдä* — *шал*;

б) глаголы с основой аориста, отличающейся от основы настоящего времени в звуковом составе корня: *meñlá* — *meñléish* — *mläx*; *beñrá* — *beñréish* — *брах*; *peñrá* — *peñréish* — *прах*; *zémä* — *zémiish* — *зех*; *каlná* — *каlnéish* — *клех* (но и *каlnáx*); *mba* — *mbiish* — *moñjásx*; *kbäla* — *kböliish* — *клах* (но и *коñlihx*);

в) глаголы, образующие основу аориста с некоторыми отклонениями: *ни шта* — *ни шtéish* — *штläx*; *krädá* — *krädéish* —

krádäx — kral; *mpa — mreish — mpäx;* *spra — spreish — spräx;*
proustrá — proustreish — prousträx;

г) глаголы, имеющие отклонения в отдельных формах:
dam — dädésh — dädäx; *iām — iādésh — iādäx.*

Образование форм времени

Настоящее время

Настоящее время образуется от глаголов несовершенного и совершенного вида: *l'ágäm,* *l'ágäsh* и т. д.; *légnä,* *légnésh* и т. д.; *kákä,* *kákjésh* и т. д.; *kázvam,* *kázvásh* и т. д.

Приводим несколько глагольных парадигм:

1-е и 2-е спряжения

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>grehb-á</i>	1-е л. <i>grehbé-m</i>
2-е л. <i>grehbé-sh</i>	2-е л. <i>grehbé-te^u</i>
3-е л. <i>grehbé</i>	3-е л. <i>grehb-átm</i>
1-е л. <i>väp-á</i>	1-е л. <i>väpí-m</i>
2-е л. <i>väpí-sh</i>	2-е л. <i>väpí-te^u</i>
3-е л. <i>väpí</i>	3-е л. <i>väp-átm</i>
1-е л. <i>víd-á</i>	1-е л. <i>vídi-m</i>
2-е л. <i>vídi-sh</i>	2-е л. <i>vídi-te^u</i>
3-е л. <i>vídi</i>	3-е л. <i>víd-átm</i>

1-е л. <i>grehb-á</i>	1-е л. <i>grehbé-m</i>
2-е л. <i>grehbé-sh</i>	2-е л. <i>grehbé-te^u</i>
3-е л. <i>grehbé</i>	3-е л. <i>grehb-átm</i>
1-е л. <i>väp-á</i>	1-е л. <i>väpí-m</i>
2-е л. <i>väpí-sh</i>	2-е л. <i>väpí-te^u</i>
3-е л. <i>väpí</i>	3-е л. <i>väp-átm</i>
1-е л. <i>víd-á</i>	1-е л. <i>vídi-m</i>
2-е л. <i>vídi-sh</i>	2-е л. <i>vídi-te^u</i>
3-е л. <i>vídi</i>	3-е л. <i>víd-átm</i>

3-е спряжение

Ед. ч.	Мн. ч.
--------	--------

1-е л. <i>kázvá-m</i>	1-е л. <i>kázvá-me^u</i>
2-е л. <i>kázvá-sh</i>	2-е л. <i>kázvá-te^u</i>
3-е л. <i>kázvá</i>	3-е л. <i>kázvá-t</i>

В 1-м л. ед. ч. (а также в 3-м л. мн. ч.) мягкость согласной основы в 1-м и 2-м спряжениях перед окончанием нигде не обнаружена: *kápä — kápätm,* *drémä — drémätm,* *lbvä — lbvätm,*

прáвá — прáвáт, вбá — вбзáт, гáса — гáсáт, мýслá — мýслáт, нбсá — нбсáт.

Сравнение с другими диалектами болгарского языка и с литературным языком дает возможность предположить, что здесь утеряна мягкость. Интересно, что в 3-м спряжении перед конечным гласным основы мягкость предшествующей согласной сохраняется, например: *убикál'ám, дувád'ám, фáл'ám, пуфтár'ám, фáрл'ám*. Это не противоречит вышесказанному об утере мягкости перед окончанием. В основах глаголов 3-спряжения за мягким согласным всегда следует гласный **-а**, благодаря чему он всегда стоит не на конце, а внутри основы.

В 1-м л. ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. глаголов типа *влеиchá — влеиchát, пеиchá — пеиchát, сеиchá — сеиchát, тáчá — тáчát* наблюдаются расхождения с другими болгарскими говорами и с литературным языком, где скажут *влеiкá — влеiкát* и т. д.

В глаголах, основа которых оканчивается на **-í** (типа *пíи-иеш, пlái-i-иеш, жиuvái-i-иеш, кробí-i-иеш*), это **-í** звучит слабо, а в 1-м л. ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. часто пропадает; **-í** исчезает всегда после гласных **-а** и **-ä** (*трáá — трáát, лáä — лáät, жислáä — жислáät, оुсеиüллáä — оуцеиüллáät, нуждáä — нуждáät, жиuvéää — жиuvéäät, влáд'ää — влáд'äät, бул'ää — бул'äät, гувéää — гувéäät*).

После гласных переднего ряда **-и** и **-е** такое выпадение не наблюдается: *мíяä — мíяäт, пíяä — пíяäт, вéяä — вéяäт*.

Интересно отметить, что глагол *л'úл'äm* в настоящем времени идет по 3-му спряжению, но в аористе спрягается так же, как и глаголы типа *бул'ää, жиuvéää* (2-й разряд 1-го спряжения).

В глаголах 2-го спряжения 2-го разряда I группы с сочетанием плавного и **æ** в 1-м л. ед. ч. наблюдается перенос ударения. Так, отмечены следующие формы: *вráвá, но вráвíши, вráвí и т. д.; вráтá, но вратíши, вратí и т. д.; гáл'чá, но гáл'чíши, гáл'чí и т. д.; дráжá, но драjжíши, драjжí и т. д.; мáл'чá, но мал'чíши, мал'чí и т. д.*

Неправильные глаголы

Вспомогательный глагол *сам* спрягается так:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>сам</i>	1-е л. <i>сни</i>
2-е л. <i>си</i>	2-е л. <i>сви</i>
3-е л. <i>ie</i>	3-е л. <i>са</i>

На эти формы никогда не падает ударение (даже при отрицании), например: *ас нé сам рýскá, амí сам бългárкá*.

Формы настоящего времени глагола *бáдá*:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>бáдá</i>	1-е л. <i>бáдиeм</i>
2-е л. <i>бáдии</i>	2-е л. <i>бáдиeтиe</i>
3-е л. <i>бáди</i>	3-е л. <i>бáдáт</i>

Глагол *шта* спрягается следующим образом:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>штé</i>	1-е л. <i>штéм</i>
2-е л. <i>штéши</i>	2-е л. <i>штéтиe</i>
3-е л. <i>штé</i>	3-е л. <i>штат</i>

Этот глагол теперь употребляется только с отрицанием.

Глагол *дам*:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>дам</i>	1-е л. <i>дáдéм</i>
2-е л. <i>дáдéши</i>	2-е л. <i>дáдéтиe</i>
3-е л. <i>дáдé</i>	3-е л. <i>дáдáт</i>

Глагол *иам*:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>иам</i>	1-е л. <i>iидéм</i>
2-е л. <i>iидéши</i>	2-е л. <i>iидéтиe</i>
3-е л. <i>iидé</i>	3-е л. <i>iидáт</i>

Глагол *знам*:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>знам</i>	1-е л. <i>знáи⁹м</i>
2-е л. <i>знáи⁹ши</i>	2-е л. <i>знáи⁹ти⁹</i>
3-е л. <i>знаi</i>	3-е л. <i>знáат</i>

Аорист

Формы аориста широко распространены как от глаголов совершенного вида, так и от глаголов несовершенного вида: *пáднáх* — *пáдáх*; *избáгáх* — *би⁹гáх*.

Приводим парадигмы из всех разрядов и груп:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>мáзá-х</i>	1-е л. <i>мáзá-хми⁹</i>
2-е л. <i>мáзá</i>	2-е л. <i>мáзá-хти⁹</i>
3-е л. <i>мáзá</i>	3-е л. <i>мáзá-а</i>
1-е л. <i>лéгнá-х</i>	1-е л. <i>лéгнá-хми⁹</i>
2-е л. <i>лéгнá</i>	2-е л. <i>лéгнá-хти⁹</i>
3-е л. <i>лéгнá</i>	3-е л. <i>лéгнá-а</i>
1-е л. <i>грéчбá-х</i>	1-е л. <i>грéчбá-хми⁹</i>
2-е л. <i>грéчбá</i>	2-е л. <i>грéчбá-хти⁹</i>
3-е л. <i>грéчбá</i>	3-е л. <i>грéчбá-а</i>
1-е л. <i>стригá-х</i>	1-е л. <i>стригá-хми⁹</i>
2-е л. <i>стригá</i>	2-е л. <i>стригá-хти⁹</i>
3-е л. <i>стригá</i>	3-е л. <i>стригá-а</i>
1-е л. <i>плéтä-х</i>	1-е л. <i>плéтä-хми⁹</i>
2-е л. <i>плéти⁹</i>	2-е л. <i>плéтä-хти⁹</i>
3-е л. <i>плéти⁹</i>	3-е л. <i>плéтä-а</i>
1-е л. <i>сунá-х</i>	1-е л. <i>сунá-хми⁹</i>
2-е л. <i>сунá</i>	2-е л. <i>сунá-хти⁹</i>
3-е л. <i>сунá</i>	3-е л. <i>сунá-а</i>

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. жуя́-х	1-е л. жуя́-хми ^е
2-е л. жуя́	2-е л. жуя́-хти ^е
3-е л. жуя́	3-е л. жуя́-а
1-е л. ни-х	1-е л. ни-хми ^е
2-е л. ни	2-е л. ни-хти ^е
3-е л. ни	3-е л. ни-а
1-е л. страпá-х	1-е л. страпá-хми ^е
2-е л. страпá	2-е л. страпá-хти ^е
3-е л. страпá	3-е л. страпá-а
1-е л. вárú-х	1-е л. вárú-хми ^е
2-е л. вárú	2-е л. вárú-хти ^е
3-е л. вárú	3-е л. вárú-а
1-е л. кроujiú-х	1-е л. кроujiú-хми ^е
2-е л. кроujiú	2-е л. кроujiú-хти ^е
3-е л. кроujiú	3-е л. кроujiú-а
1-е л. вид̄á-х	1-е л. вид̄á-хми ^е
2-е л. вид̄á	2-е л. вид̄á-хти ^е
3-е л. вид̄á	3-е л. вид̄á-а
1-е л. глеuдá-х	1-е л. глеuдá-хми ^е
2-е л. глеuдá	2-е л. глеuдá-хти ^е
3-е л. глеuдá	3-е л. глеuдá-а
1-е л. излеuкýвá-х	1-е л. излеuкýвá-хми ^е
2-е л. излеuкýвá	2-е л. излеuкýвá-хти ^е
3-е л. излеuкýвá	3-е л. излеuкýвá-а
1-е л. музá-х	1-е л. музá-хми ^е
2-е л. музá	2-е л. музá-хти ^е
3-е л. музá	3-е л. музá-а
1-е л. музé-х	1-е л. музé-хми ^е
2-е л. музé	2-е л. музé-хти ^е
3-е л. музé	3-е л. музé-а

Формы *мужсák* и *мужсéх* равноправны и встречаются в языке одного и того же лица (на месте ё можно слышать и чистое и — *мужсíх*, *мужсíй* и т. д.).

Ед. ч.

1-е л. *ду́дé-x*2-е л. *ду́дé*3-е л. *ду́дé*1-е л. *утíдá-x*2-е л. *утíди*3-е л. *утíди*

Мн. ч.

1-е л. *ду́дé-хми^е*2-е л. *ду́дé-хти^е*3-е л. *ду́дé-ǎ*1-е л. *утíдá-хми^е*2-е л. *утíдá-хти^е*3-е л. *утíдá-а*

Глаголы *калнá*, *кблá* имеют параллельные формы аориста:

Ед. ч.

1-е л. *калнá-x*2-е л. *калнá*3-е л. *калнá**клé-x**клé**клé*

Мн. ч.

1-е л. *калнá-хми^е**клé-хми^е*2-е л. *калнá-хти^е**клé-хти^е*3-е л. *калнá-а**клé-ǎ*

(Форму *клéх* дети почти не знают, представители средних возрастов также предпочитают форму *калнáх*).

Ед. ч.

1-е л. *коुли́-x**кла-x*2-е л. *коुли́**кла*3-е л. *коुли́**кла*

Мн. ч.

1-е л. *коुли́-хми^е**клá-хми^е*2-е л. *коुли́-хти^е**клá-хти^е*3-е л. *коुли́-ǎ**клá-ǎ*

(Для молодежи характерны формы *коुли́х*, *коुли́* и т. д.)

Вспомогательный глагол *шта* (*ни шта*) имеет следующие формы аориста:

Ед. ч.

1-е л. *шт¹ä-x*

2-е л. *шт¹ä*

3-е л. *шт¹ä* (или *штē*)

Мн. ч.

1-е л. *шт¹ä-xми⁶*

2-е л. *шт¹ä-xти⁶*

3-е л. *штēä*

В качестве форм 2-го и 3-го л. ед. ч. выступает чистая основа аориста; в глаголах 1-го спряжения 1-го разряда IV группы, где ударение в настоящем времени падает на тематическую гласную, а в аористе на корень, наблюдается отклонение: основа аориста этих глаголов во 2-м и 3-м л. ед. ч. оканчивается на *-и⁶* (вместо ожидаемой гласной *-ä*, как во всем разряде и в остальных формах аориста этих же глаголов), например: *мëтä-x*, *мëти⁶*, *мëти⁶*; *чëтä-x* *чëти⁶*, *чëти⁶*; *плëтä-x*, *плëти⁶*, *плëти⁶*. В глаголах с основой на *-к* наблюдается тенденция выравнивания. Так, представители старшего поколения говорят: *нëкä-x*, *нëчи⁶*, *нëкä-xми⁶* и т. д.; *с¹акä-x*, *с¹ачи⁶*, *с¹акä-xми⁶* и т. д.; *вл¹акä-x*, *вл¹ачи⁶*, *вл¹акä-xми⁶* и т. д. Дети же (а иногда и представители среднего возраста) скажут: *нëкä-x*, *нëкä*, *нëкä-xми* и т. д.; *с¹ака-x*, *с¹акä*, *с¹акä-xми* и т. д.; *вл¹акä-x*, *вл¹акä*, *вл¹акä-xми* и т. д. Но и у детей изредка можно встретить: *с¹ачи⁶*, *вл¹ачи⁶*, *нëчи⁶*.

Действительные причастия

Они образуются от основы аориста при помощи суффикса *-л* и родовых окончаний: ед. ч. — без окончаний (м. р.), *-а* (ж. р.), *-о*, *у⁶* (ср. р.), мн. ч. (для всех родов) *-и*, например: *мавá-л*; *мавá-лă*, *мавá-лу*, *мавá-ли*; *лëгнá-л*, *лëгнá-лă*, *лëгнá-лу*, *лëгнá-ли*; *грéчбá-л*, *грéчбá-лă*, *грéчбá-лу*, *грéчбá-ли*; *стригá-л*, *стригá-лă*, *стригá-лу*, *стригá-ли*; *жусéллá-л*, *жусéллá-лă*, *жусéллá-лу*, *жусéллá-ли*; *зр¹ä-л*, *зр¹ä-лă*, *зр¹ä-лу*, *зр¹ä-ли*; *оुсеидлá-л*, *оुсеидлá-лă*, *оुсеидлá-лу*, *оुсеидлá-ли*; *вид¹ä-л*, *вид¹ä-лă*, *вид¹ä-лу*, *вид¹ä-ли*; *сиð¹ä-л*, *сиð¹ä-лă*, *сиð¹ä-лу*, *сиð¹ä-ли*; *би-л*, *би-лă*, *би-лб*, *би-лé*; *ре¹кá-л*, *ре¹к-лă*, *ре¹к-лб*, *ре¹к-лú*; *(до)шá-л*, *(до)ш-лá*, *(до)ш-лб*, *(до)ш-лé*.

Имперфект

Имперфект образуется от глаголов несовершенного вида; форм имперфекта от глаголов совершенного вида не отмечено.

Приводим парадигмы:

а) с ударяемым суффиксом:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>гре^иб-á-x</i>	1-е л. (<i>пле^ит¹-á-хми^е</i>)
2-е л. <i>гре^иб-á-ши</i>	2-е л. <i>гре^иб-á-хти^е</i>
3-е л. <i>гре^иб-á-ши</i>	3-е л. (<i>пле^ит¹-á-ä</i>) ¹
· 1-е л. <i>вáр¹-á-x</i>	1-е л. <i>вáр¹-á-хми^е</i>
2-е л. <i>вáр¹-á-ши</i>	2-е л. (<i>лун¹-á-хти^е</i>) ²
3-е л. <i>вáр¹-á-ши</i>	3-е л. <i>вáр¹-á-ä</i>

б) с безударным суффиксом:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>кrói-i-e-x</i>	1-е л. (<i>энái-i-e-хми^е</i>) ³
2-е л. <i>кrói-i-e-ши^е</i>	2-е л. <i>кrói-i-e-хти^е</i>
3-е л. <i>кrói-i-e-ши^е</i>	3-е л. <i>кrói-i-e-ä</i>
1-е л. <i>мáж-i-e-x</i>	1-е л. <i>мáж-i-e-хми^е</i>
2-е л. <i>мáж-i-e-ши^е</i>	2-е л. <i>мáж-i-e-хти^е</i>
3-е л. <i>мáж-i-e-ши^е</i>	3-е л. <i>мáж-i-e-ä</i>
1-е л. <i>глéдä-x</i>	1-е л. <i>глéдä-хми^е</i>
2-е л. <i>глéдä-ши^е</i>	2-е л. <i>глéдä-хти^е</i>
3-е л. <i>глéдä-ши^е</i>	3-е л. <i>глéдä-а</i>

Глагол *сам* имеет следующие формы имперфекта:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>б'ä-x</i>	<i>би-x</i>
2-е л. <i>б'ä-ши^е</i>	<i>бý-ши</i>
3-е л. <i>б'ä-ши^е</i>	<i>бý-ши</i>
	<i>бý-хми^е</i>
	<i>бý-хти^е</i>
	<i>бý-ä</i>

¹ Форм 1-го и 3-го л. мн. ч. от глагола *гре^ибá* в говоре не отмечено.

² Формы 2-го л. мн. ч. от глагола *вáрá* не отмечено.

³ Формы 1-го л. мн. ч. от глагола *кróiä* не отмечено.

Глагол *штата* имеет следующие формы имперфекта:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>шт¹а-x</i>	1-е л. <i>шт¹а-xми⁶</i>
2-е л. <i>шт¹а-ши⁶</i> (<i>шт¹а-ши</i> или <i>шт¹а-ши</i>)	2-е л. <i>шт¹а-хти⁶</i>
3-е л. <i>шт¹а-ши⁶</i> (<i>шт¹а-ши</i> или <i>шт¹а-ши</i>)	3-е л. <i>шт¹а</i>

Имперфект в говоре употребляется редко.

Будущее время

Будущее время в говоре выражается частицей *жсä* и личными формами настоящего времени спрягаемого глагола (как совершенного, так и несовершенного вида):

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>жсä рабóтä</i>	1-е л. <i>жсä рабóтим</i>
2-е л. <i>жсä рабóтиш</i>	2-е л. <i>жсä рабóтите⁶</i>
3-е л. <i>жсä рабóти</i>	3-е л. <i>жсä рабóтат</i>
1-е л. <i>жсä упe^чá</i>	1-е л. <i>жсä упe^чéм</i>
2-е л. <i>жсä упe^чéш</i>	2-е л. <i>жсä упe^чéте⁶</i>
3-е л. <i>жсä упe^чé</i>	3-е л. <i>жсä упe^чат</i>

Частица *жсä* не имеет ударения; между нею и спрягаемым глаголом могут стоять только энклитические местоимения, например: *жсä ги врáзвáме⁶*; *жсä си гу упe^чá ф сóбáтä*.

Так как частица *жсä* не имеет ударения, то в некоторых случаях она может сливаться со спрягаемым глаголом, например: *ðзáрáна жsáдá ф кáлхóзу да вíдá брáтä ко рабóтат*; *да ýди⁶м да си тýрä кéпкáтä, тугáвä жsáм фаф кáртýнä*.

Глагол *сам* имеет следующие формы будущего времени:

Ед. ч.

1-е л. *жä бåдä*
2-е л. *жä бåде^чш*
3-е л. *жä бåде^ч*

Мн. ч.

1-е л. *жä бåде^чм*
2-е л. *жä бåде^чте^ч*
3-е л. *жä бåдат*

Отрицательная форма будущего времени обычно образуется при помощи глагола *н'ämä*, взятого в безличной форме и связанного со спрягаемым глаголом при помощи частицы *да*; например: *н'ämä да п'äа, н'ämä да йграт*.

Будущее в прошедшем

Формы будущего в прошедшем в говоре сложные. Они выражаются неизменяемой формой вспомогательного глагола *штиши* (или *шт¹иши*), частицей *да* и личными формами настоящего времени спрягаемого глагола:

Ед. ч.

1-е л. *штиши да лёгна*
2-е л. *штиши да лёгне^чш*
3-е л. *штиши да лёгне^ч*

Мн. ч.

1-е л. *штиши да лёгне^чм*
2-е л. *штиши да лёгне^чте^ч*
3-е л. *штиши да лёгнат*

(В этом же значении употребляются и *шт¹иши да лёгна, шт¹иши да лёгне^чш* и т. д.)

У стариков можно еще услышать *шт¹äх да лёгна, шт¹äхми^ч да че^чтём* и др.

У детей отмечена форма:

Ед. ч.

1-е л. *чиши да лёгна*
2-е л. *чиши да лёгне^чш*
3-е л. *чиши да лёгне^ч* и т. д.

Ср.: и то^и идён м^ла́сеч кату шт^лаши да умрё и то^и сé п^лáши (21 год); и то^и гáту чиш да иди^е да са ўчи на́мáри ина́ книгá (10 лет).

Приведенные формы хорошо показывают историю форм будущего в прошедшем. В недалеком прошлом вспомогательный глагол *шта* еще спрягался, и эти формы образовывались из имперфекта вспомогательного глагола *шта*, союза *да* и личных форм спрягаемого глагола. На современном этапе развития говора форма 2-го и 3-го л. ед. ч. вспомогательного глагола генерализовалась и стала употребляться для всех лиц.

Употребляемые детьми формы чиш да лéгнá и т. д. показывают дальнейший путь развития этих форм.

Отрицательная форма будущего в прошлом выражается неизменяемой формой вспомогательного глагола — нáмáши, союзом *да* и личными формами настоящего времени спрягаемого глагола — нáмáши да лéгнá и т. д. Дети употребляют иную отрицательную конструкцию будущего в прошедшем, которая образуется с помощью частицы чиш, неизменяемой формы настоящего времени нáмá, союза *да* и личных форм настоящего времени спрягаемого глагола, например: тýја побчик чиш нáмá да гу вýдáт и сýчкити^е плáкай.

Эти формы будущего в прошедшем употребляются и в условных предложениях: да ни^е бýши душáл, штýши да са зáжчим; аку бих гу слушáл, нýшту нáмáши да бáди (51 год); ку ас чиш да изл^лаа оүнáа нид^лл, нáмá нýшту чиш да на́мáр^а (8 лет).

Другие способы выражения условного наклонения в говоре не отмечены.

Перфект

Перфект образуется от действительного причастия спрягаемого глагола и настоящего времени вспомогательного глагола *сам*:

Ед. ч.

1-е л. писáл сам	2-е л. писáл си	3-е л. писáл ie

Мн. ч.

1-е л. писáли сни	2-е л. писáли сеи	3-е л. писáли са

В ед. ч. причастие изменяется по родам: *писáл ie, писáла iе, писáлуо ie.*

В 3-м л. ед. и мн. ч. вспомогательный глагол часто опускается: *и таi нашти д'яддоуфци проижусв'али т'аiнио век.*

Место вспомогательного глагола по отношению к причастию непостоянно; на вспомогательный глагол никогда не падает ударение: *ни сам ыалá рыбá; чулá сам млбгу скáски.*

Между вспомогательным глаголом и причаствиями могут быть употреблены местоимения: *никугáш ни си ги чéлá.*

Плюсквамперфект

Плюсквамперфект выражается формой действительного причастия и имперфектом вспомогательного глагола *сам:*

Ед. ч.

Мн. ч.

1-е л. *бих оутишлá*

1-е л. *б'йиме оутишлý*

2-е л. *бýши оутишлá*

2-е л. *бýхтие оутишлý*

3-е л. *бýши оутишлá*

3-е л. *бýä оутишлý*

(Вспомогательный глагол может иметь также форму *б'äх, б'дши* и т. д.).

Инфинитив

В значении инфинитива употребляются конструкции личных форм настоящего времени с союзом *да*, например: *пак сигá уздраv'á и жилáа да рабóтä.*

Ед. ч.

Мн. ч.

1-е л. *жилáа да рабóтä*

1-е л. *жилáиeм да рабóтим*

2-е л. *жилáиeш да рабóтиши*

2-е л. *жилáиeтие да рабóтите*

3-е л. *жилáи* *да рабóти*

3-е л. *жилáат да рабóтат*

В говоре отмечены случаи употребления старых инфинитивных основ с частицами *ниð'á i* и *стíгá*, например: *ниð'á i ковá*; *ниð'á i стригá*; *ниð'á i дримá*; *ниð'á i мæзá*; *ниð'á i плæká*; *ниð'á i лагá*; *ниð'á i писá*; *ниð'á i стрæдá*; *ниð'á i малчá*; *ниð'á i гле"дá*; *стíгá нéчи"*; *стíгá плéти*; *стíгá прéди"*; *стíгá кувá*; *стíгá стригá*; *стíгá мæзá*; *стíгá писá*; *стíгá плækб*; *стíгá бугат'á*; *стíгá п'lä*; *стíгá в'lä*; *стíгá стрæдá*; *стíгá уðи"*; *стíгá малчá*; *стíгá гле"дá*; *стíгá бе"лисвá*; *стíгá пра*; *стíгá кла*; *стíгá калнé* (или *стíга кле*).

Эти конструкции характерны для языка старшего поколения.

Молодежь со словом *стíгá* употребляет или формы повелительного наклонения (*стíга пле"ти*, *стíгá плæký*, *стíгá п'lá i*), или личные формы настоящего времени с союзом *да* (*стíгá да пе"чáт*, *стíгá да пáше"*, *стíгá да п'láиши*).

Повелительное наклонение

1. Большинство глаголов 1-го и 2-го спряжений имеет окончания *-и / -áти*: *пле"т-й — пле"т¹-áти"*; *лéгн-и — ле"гн¹-áти"*; *стриж-й — стриж-áти"*; *грéчб-й — грéчб¹-áти"*; *мáж-й — мæж-áти"*; *сип-й — сип¹-áти"*; *вáр-й — вáр¹-áти"*; *по"вн-й — по"вн¹-áти"*; *ле"ж-й — ле"ж-áти"*; *нáправ-й — нáправ¹-áти"*. Окончания *-j / -íти* имеют глаголы 3-го спряжения: *кáзвá-í*; *кáзвá-íти"*; *изле"кува-í*; *изле"кува-íти"*.

2. К этим же глаголам примыкают глаголы 2-го разряда 1-го спряжения: *жу"á i*; *жу"á i-ti"*; *nu i*; *nú i-ti"*; *n'lá i*; *n'lá i-ti"*; *кро i*; *крб i-ti"*.

3. Некоторые глаголы имеют окончания *-ти*: *íаш — íаш-ti"*; *дрáш — дрáш-ti"*; *виш — виш-ti"*; *íálá — íálá i-ti"*.

Простые формы повелительного наклонения употребляются только при обращении к собеседнику.

Сложные формы повелительного наклонения служат для обращения ко всем лицам; они образуются при помощи наречия *нéкá* и союза *да*, например: *нéкá да дбди*, *нéкá да пýс ni*.

При отрицании перед глаголами ставится частица *ни^е*, например: *ни^е плáчү, ни^е дáвәi, ни^е пýтаi, да ни^е бáраш, да ни^е сидйиш*. Отрицательные формы образуются также при помощи *ни^еð¹ái* и *ни^ебýвá:* *ни^еð¹ái бáраi, ни^еð¹ái фáргai, ни^еð¹ái чупá, ни^ебýвá да гу бáраш.*

Сейчас при *ни^еð¹ái* чаще употребляют формы повелительного наклонения. Лишь в языке старшего поколения можно встретить при *ни^еð¹ái* архаическую форму инфинитива, например: *ни^еð¹ái ги кoүвá; ни^еð¹ái писá; ни^еð¹ái дри^емá, ни^е-ð¹ái майá.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. К. Бунина.</i> Лексический состав говора ольшанских болгар	3
<i>Э. И. Полтораднева.</i> Заметки о языке болгарского села Кирсова Комратского района МССР	85
<i>С. В. Бернштейн, В. К. Журавлев, М. Г. Сенкевич, Н. И. Толстой, Е. В. Чешко.</i> Отчет о диалектологической экспедиции в болгар- ское село Суворово летом 1951 года	110

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

*Редактор издательства Г. А. Лесскис
Технический редактор Г. Н. Шевченко
Корректор Р. Ф. Астафьев*

*

**РИСО АН СССР № 5212. Т-00760. Издат. № 3727.
Тип. заказ № 841. Подп. к печ. 28/II 1953 г.
Формат бум. 00×92¹/₁₆. Бум. л. 4,8. Печ. л. 9,5.
Уч.-издат. 7,5. Тираж 2000.**

Цена по прейскуранту 1952 г. 4 р. 50 к.

**2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10**

4 руб. 50 коп.